

Вторые
макушинские
чтения

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В.В. КУРЬШЕВА
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР

ВТОРЫЕ
МАКУШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

(23 — 24 мая 1991 г., г. Томск)

Издательство Томского университета
Томск, 1991

ББК 46II.63 /2Р5/

Вторые Макушинские чтения (23 - 24 мая 1991 г., г. Томск).

- Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991.-239 с.

ISBN 5-7511-0413-7

"Вторые Макушинские чтения" отражают основные результаты книговедческих исследований в Сибири и на Дальнем Востоке за 1988 - 1990 гг. Сборник включает работы по истории и современному состоянию выпуска, распространения и использования книги в регионе.

Издание рассчитано на книговедов, библиотековедов, практических работников книжного дела, историков, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов вузов.

Редакционная коллегия:

В.Н. Алексеев, канд. филол. наук

В.Н. Волкова, канд. искусствоведения (отв. ред.)

Г.С. Ерохина

Л.Ф. Казаринова, канд. филол. наук

Г.И. Колосова

В 4405000000 Без объявл.
I77 (012)-91

ISBN 5-7511-0413-7

© Издательство Томского
государственного
университета, 1991

Предисловие

В 1988 г. по инициативе отдела книговедения Государственной публичной научно-технической библиотеки СО АН СССР в Новосибирске было положено начало Макушинским чтениям – региональной научной конференции, посвященной многоаспектным проблемам местной книжной культуры, ее истории и современного состояния.

Макушинские чтения призваны объединить усилия книговедов, археографов, историков культуры, филологов, библиотечных работников по изучению издания и распространения книги, библиотечного дела, читательских интересов сибиряков и других вопросов, связанных с созданием и бытованием книги в Сибири и на Дальнем Востоке.

За последние годы книговедческие исследования в регионе приобрели в достаточной мере планомерный и целенаправленный характер. Заложены основы для создания Сводного каталога сибирской и дальневосточной дореволюционной книги, которое осуществляется в ГПНТБ СО АН СССР на базе ЭВМ. Разработаны и изданы планы-проспекты многотомной коллективной монографии "Книжное дело Сибири и Дальнего Востока" (советский и досоветский периоды). Проводятся диссертационные исследования на базе аспирантуры ГПНТБ СО АН СССР. Регулярно выходят сборники научных трудов, посвященные книговедческим проблемам.

Вторые Макушинские чтения – еще одно звено в объединении творческих сил сибирской и дальневосточной интеллигенции по воссозданию общей картины развития книжного дела в регионе, разработке его ключевых вопросов.

Редколлегия

П Л Е Н А Р Н О Е З А С Е Д А Н И Е

В.П. Бойко, канд. ист. наук (Томск)

УСЛОВИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П.И. МАКУШИНА

При характеристике многогранной общественной деятельности П.И. Макушина немаловажное значение имеет ее предпринимательский аспект. Широкое просветительство и благотворительность невозможны были бы для Макушина без концентрации в его руках значительного капитала. На основе грамотного предпринимательства, ему удалось осуществить дело своей жизни — "внедрение знания в окружающую темную массу". Цель данной работы — характеристика основных условий деятельности П.И. Макушина — капиталиста и выявление причин его предпринимательского успеха.

П.И. Макушин начал коммерческую деятельность с книготорговли в начале 70-х гг. XIX в. Бурное развитие капиталистических отношений в России после реформы 1861 г. с некоторым запаздыванием докатывалось до Сибири. Коммерческая деятельность требовала специалистов и грамотных людей. Политика правительства Александра II была направлена на улучшение и расширение системы образования в России, ее постепенную демократизацию. Кроме этого, в Сибири повышался общий уровень грамотности населения. Все это создавало благоприятную конъюнктуру для книготорговли и книгоиздательства в Сибири, которой и воспользовался П.И. Макушин.

С начала предпринимательской деятельности П.И. Макушин широко использовал возможности кредита, что было одной из давних традиций сибирской торговли. Не имея начального, стартового капитала, он тем не менее завоевал доверие томского и сибирского купечества, петербургских и московских книготорговцев. В основе этого доверия лежал коммерческий успех Макушина, а так

же безупречная репутация, которая в торгово-промышленной среде считалась лучшим поручительством.

Подавляющее большинство сибирских предпринимателей XIX в. имели довольно сложные, комплексные дела. В дело, т.е. в область функционирования одного отдельно взятого капитала, входили торговые заведения, предприятия обрабатывающей и добывающей промышленности, а также закупки у населения сырья и сельхозпродуктов и т.д. П.И. Макушин в коммерции четко выдерживал направление от простого к сложному, от деятельности в одной отрасли (книготорговля) к многоотраслевому хозяйству (книгоиздательство, газетное и библиотечное дело и т.д.). Кроме этого, следует отметить его постоянную направленность на расширение своего дела не только "вглубь" по пути усложнения его структуры, но и "вширь" по пути увеличения влияния на новые территории, вовлечения в круг читателей и тем самым потенциальных покупателей новых групп населения (крестьян, ремесленников, строителей Сибирской железной дороги и т.д.), что являлось классическим выражением функционирования капитала, который, как известно, "не терпит пустоты". В этом направлении следует рассматривать и продажу через макушинские магазины марксистской и иной революционной литературы, которая пользовалась спросом у покупателей.

В нашей исторической и особенно публицистической литературе прослеживается известная идеализация образа П.И. Макушина. Авторы находятся под обаянием чисто просветительской деятельности Макушина, черпают факты из юбилейных макушинских изданий, где заслуги юбиляра традиционно преувеличиваются. Добровольные пожертвования Макушиным огромных средств в пользу Советской власти были в значительной степени вынужденными, так как в противном случае их все равно бы национализировали. Поэтому в современных условиях, когда происходит реабилитация предпринимательской деятельности вообще, на наш взгляд, следует признать, что П.И. Макушин относится к группе "просвещенных капиталистов", которые много сделали для блага своего Отечества. К их числу принадлежат Бахрушины, Боткин, С.И. Мамонтов, Морозовы, К.Т. Солдатенков, И.Д. Сметин, Третьяковы, Щукины и др. - в России, В.Н. Баснин, Белоголовые, Корняльевы, Кузнецовы, П.В. Михайлов, Сибиряковы, Э.М. Дибулский, Г.В. Скин

и др. — в Сибири. Методы работы П.И. Макушина на производстве были традиционно капиталистическими: напряженный и продолжительный рабочий день в типографии, в магазинах, обычные и невысокие для своего времени зарплаты рабочих и жалованье служащих, жесткость и пунктуальность в сделках с деловыми партнерами и многое другое, что составляло неписанный кодекс предпринимателя. Не выполняя этого кодекса, Макушин не смог бы рассчитывать на успех дела и благополучно довести его до социалистической национализации.

В своей просветительской работе П.И. Макушин достиг выдающихся результатов: уровень грамотности в Томске был одним из самых высоких в стране, система книготорговли раскинулась на территории Сибири, открылось много библиотек и школ, работало издательство, выходила газета. Имя Макушина широко известно в России, его авторитет был особенно высок среди сибиряков. Все это находится в тесной связи с характером предпринимательской деятельности Макушина. Трудно представить, чтобы капиталист из другой области предпринимательства мог претендовать на роль "сибирского просветителя", хотя многие из них оставили глубокий след в истории Сибири, делали многочисленные крупные пожертвования на различные благотворительные цели. Принцип предпринимательства должен быть изучен и оправдан не только в деятельности П.И. Макушина, но и многих других представителей российского и сибирского капитала.

Ф.З. Канунова, д-р Филол. наук (Томск)

Г.С. БАТЕНЬКОВ И ПРОБЛЕМЫ СИБИРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Г.С. Батеньков — единственный из декабристов уроженец Сибири — тесно связан с Томском, много сделал для Томска и Иркутска как талантливый инженер-строитель, а после назначения М.М. Сперанского на пост генерал-губернатора Сибири (1819 — 1821) как исследователь производительных сил Сибири, ее народного хозяйства, населения, ссылки и т.д. Все исследования о Батенькове и Сибири, в том числе и книги о нем (А.П. Бородавкина и Г.П. Шатровой, В.Г. Карцова), значительно политизированы и

социологизированы, в результате чего проблема "Батеньков и сибирская культура", вбирающая в себя комплекс нравственно-философских, религиозных, эстетических вопросов, остается неизученной. (Несмотря на содержательную и полезную книгу А.А. Илшина "Поэзия декабриста Батенькова". М.: МГУ, 1978.)

До сих пор не исследована эволюция мировоззрения Батенькова, а прямолинейное приписывание его к революционной идеологии в последекабристский период исключает возможность объективного и диалектического подхода к рассмотрению его глубоко драматического, насыщенного большими нравственно-философскими, психологическими проблемами творчества, имеющего значительный культурологический смысл. Недостаточная изученность проблемы "Батеньков и сибирская культура" объясняется весьма неполным учетом богатого архива, эпистолярного и литературного наследия писателя-сибиряка.

Погрузившись в исследование производительных сил, организации сельского хозяйства, горнодобывающей промышленности, успешно занимаясь сибирской статистикой, заселением Сибири и ссылкой, Батеньков уже в первый период своей сибирской деятельности (1816 – 1821) много рассуждал о жителях родного края как особом этносе, своеобразии его культуры и природы его гуманизма "Сибирь имеет чудные свойства: климатизировать всех, кто в нее как-нибудь попадает..." (Русские прописки, 1916. Т. 2. С. 80).

Исследуя историю и природу Сибири, Батеньков говорит о своеобразии культурного типа сибиряка с его особым психологическим складом, располагавшего большей духовной свободой выбора; "Великая, широкая, грозная здешняя природа поглощает все особенности, отличаясь резко от прочих стран...". Главное, что заставляет Батенькова отстаивать великое историко-культурное значение Сибири (это проявится наиболее отчетливо во второй сибирский период его жизни в 1846 – 1856 гг.), – ее колоссальные потенциальные возможности в возрождении России, ее историческая судьба. "Там, – скажет Батеньков о России в позднем письме к своему другу В.Ф. Раевскому, – нечего делать, разврат и рабство, бедность и гордость, невежество и притязание на ум; здесь – все еще ново." (Литературное наследство декаб-

ристов-литераторов, М., 1956, 2, кн. I). "У нас нет моря, - говорит он в другом письме, - зато широта континентального размера в чувствах жителей далеко превосходит балтийскую". Говоря о "человеколюбивом пространстве Сибири, изливающим из недр своих эстетическую субстанцию", Батеньков видит главную культурологическую роль своего родного края в том, что "Сибирь, - по его убеждению, - формирует возраст наш духовный... Творящий и организующий дух может здесь неоскудно работать целые столетия".

Примечательно, что сибирские письма Батенькова значительно отличаются от его писем, посланных из Петербурга и Центральной России. В них - широта обобщений, философичность, тот особый монументализм, в котором слились "религия души", историзм, народность. Это те основы, которые определили эволюцию Батенькова, концепцию его миротворчества.

В.Н. Волкова, канд. искусствоведения (Новосибирск)

ЦЕНТРЫ СИБИРСКОГО КНИГОИЗДАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Во второй половине XIX в. сибирское книгоиздание становится одной из важных составляющих местной культуры. Характер его развития в каждом отдельном городе обусловлен административным, экономическим, культурным статусом, наличием местной творческой интеллигенции, достаточной полиграфической базы, образованных слоев буржуазии, способной материально поддержать книжное дело. Книгопечатание и книгоиздание каждого сколько-нибудь значительного центра концентрирует в себе характерные черты его жизни - административной, социальной, хозяйственной, исследовательской, просветительной и другой деятельности. Именно поэтому рассмотрение сибирских "культурных гнезд" (термин Н.К. Пиксанова) с точки зрения книгоиздания представляется особенно интересным, позволяющим выйти на общую, комплексную их характеристику.

На территории Сибири (куда входили во второй половине XIX в. Приамурское генерал-губернаторство и Киргизско-степная окраина) нам известно 26 городов, участвовавших в производст-

ве книги. Это Иркутск, Томск, Тобольск, Омск, Красноярск, Хабаровск, Чита, Тюмень, Владивосток, Благовещенск, Барнаул, Якутск, Курган, Енисейск, Нерчинск, Бийск, Минусинск, Кяхта, Верный, Семипалатинск, Александровск-Сахалинский, Ишим, Ачинск, Змеиногорск, Пржевальск, Никольск-Уссурийский.* Далеко не каждый из этих городов можно назвать книгоиздательским центром. Некоторые на протяжении всего периода выпустили от I до 10 изданий, и книгопечатание не стало органической частью их культурно-хозяйственной жизни. Для многих городов зачатки книгопечатания начали складываться лишь в самом конце столетия.

Полнокровную жизнь книгоиздание могло обрести лишь в крупных административных центрах, где оно стимулировалось потребностями управления и развивавшегося капиталистического производства. Однако, при всей схожести формирующих книгоиздание причин, в каждом отдельном городе оно развивалось по-своему.

Самые благоприятные условия для книгоиздания сложились в Иркутске. Сочетание крупного административного, торгового и культурного центра, сосредоточение большого числа высокообразованных политических ссыльных, развитая по сибирским условиям полиграфическая база – все это привело к наиболее раннему и широкому развитию книгоиздания. Выпуск книжной продукции Иркутска, начиная с 60-х гг., планомерно, из десятилетия в десятилетие удваивался. (Сейчас известно более 1300 изданий 50 – 90-х гг. XIX в.).

Здесь выходят первые в Сибири частные газеты, проявляется частная издательская инициатива, формируется первое научное издательство, выпускаются наиболее ранние общеобразовательные издания, книги для народного чтения, первый в Сибири литературный сборник. Широкий тематический диапазон иркутского книгоиздания.

Несмотря на неуклонный рост и совершенствование книжного дела, в конце 80-х гг. Иркутск уступает первенство новому центру книгоиздания – Томску. Сформировало его два наиболее значительных фактора: 1) деятельность крупнейшей в Сибири частной типографии и книгоиздательской фирмы П.И. Макушина; 2) наличие

*Города расположены в порядке убывающего числа выпущенных ими изданий.

в городе университета. Развитие частной инициативы становится характерной чертой томского книгоиздания. В числе издателей-редакторов помимо П.И. Макушина можно назвать П.И. Кузнецова, Ф.П. Романова, В.А. Долгорукова, художника П.М. Кошарова. По сравнению с Иркутском книжная продукция Томска более разнообразна в видовом и тематическом планах и многотиражна, в большей степени ориентирована на общероссийский уровень издательской практики. Наличие университета предопределило широкое развитие научного книгоиздания. Вплоть до революции Томск оставался наиболее активным издающим центром Сибири, удовлетворявшим книгопечатные потребности многих сибирских городов. В XIX в. в Томске было выпущено более 1200 изданий.

Следующим крупным книгоиздающим центром Сибири был Тобольск (выпустил более 1000 изданий). Двойственность положения бывшей "столицы" Сибири отразилась и на характере его книгоиздания. Культурные традиции первого издающего центра за Уралом (типография купцов Корнильевых XVIII в.), стабильно действующая губернская типография, существование интеллигентной среды позволяли Тобольску и во второй половине XIX в. оставаться одним из трех крупнейших книгопроизводящих центров края. Но утрата городом административного и экономического значения (особенно после проведения Сибирской железной дороги через Тюмень) не позволяла ему успешно конкурировать с Иркутском и Томском. Книжная продукция Тобольска уступала им по популярности, типологическому, жанровому, содержательному разнообразию. Здесь нет обособленных друг от друга издающих центров, частных типографий, проявляющих издательскую инициативу. Деятельность Тобольска по производству книг относится скорее к области книгопечатания, чем книгоиздания.

К значительным книгоиздающим городам Сибири принадлежал Омск (более 600 изданий). Он многократно менял свой административный статус, но положение города как центра Западно-Сибирского, а с 1882 г. - Степного генерал-губернаторства и Сибирского казачьего войска определило его развитие и характер книгоиздания, связанного в значительной мере с активностью управленческого военно-чиновничьего аппарата и работой казенных типографий. Существенную часть книжной продукции Омска составляют официальные документы, материалы о Сибирском казачьем войс-

ке, приказы по войскам и т.д. Большое влияние на структуру местного книгоиздания оказала деятельность Западно-Сибирского отдела РГО и Омского медицинского общества, что сделало город одним из крупных сибирских центров научного книгоиздания.

Иначе складывалось книгоиздание Красноярска (сейчас известно более 350 изданий). Статус губернского города существенно не влиял на характер его книжной продукции. Культурное лицо города формировалось в наибольшей степени образованными слоями чиновничества, разночинной интеллигенцией. Имел Красноярск и богатые литературно-художественные традиции. Все это определило в значительной степени инициативный характер книгоиздания. Многие книги выпускались на средства частных издателей. Выходили стихотворные сборники. Возникали книгоиздательские замыслы, не вписывавшиеся в привычные рамки сибирского книжного производства (например, справочный словарь А.К. Завадского-Краснопольского "Природа и люди", альбом "Великий путь", отпечатанный в Вене).

С продвижением русской колонизации на Дальний Восток в 50 - 60-х гг. возникают и быстро развиваются новые города - Чита, Хабаровск, Владивосток, в 90-е гг. ставшие также заметными центрами книгоиздания. Наиболее весомы в этом плане Хабаровск (известно 180 изданий) и Чита (165 изданий). Книгоиздание этих городов самым тесным образом смыкалось с административно-управленческой деятельностью местных властей, переселенческими процессами, освоением новых территорий. Следует отметить начальный, зачаточный уровень местного книгоиздания того времени. Основным видом книжной продукции становятся часто мало-страничные, не имеющие законченной книжной формы приложения, прибавления к официальным органам печати (Забайкальским областным и Приамурским ведомостям), а также оттопки статей из этих газет. Наиболее значительные книжные издания связаны с деятельностью Приамурского отдела РГО в Хабаровске ("Записки", "Труды", "Журналы распоряжений") и его Читинского отделения. Владивосток в конце XIX в. как книгоиздающий центр лишь набирал силы (известно 76 изданий 80 - 90-х гг.). В начале XX в. он станет вторым после Томска книгоиздающим центром Сибири.

Изучение книгоиздательской деятельности отдельных сибир-

оких городов, ее особенностей, подъемов и спадов помогает понять своеобразие формирования местной книжной культуры и региональной культуры в целом.

А.Д. Посадсков, канд. ист. наук (Новосибирск)

О ХАРАКТЕРЕ И МАСШТАБАХ УНИЧТОЖЕНИЯ КНИГ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ В СССР (1930 - 1938 гг.)

Истребление инакомыслия, как известно, является не только атрибутом, но и обязательным условием существования тоталитарных диктатур, в том числе сталинизма. Уничтожению подвергаются люди и книги, т.е. материальные носители враждебных, оппозиционных или просто самостоятельных (нетрадиционных, антидогматических) идей, опасных для официальной идеологии диктатуры.

В этой связи интересно рассмотреть становление и механизм работы сталинской системы изъятия и последующего уничтожения печатных произведений из фондов библиотек и книжной торговли, а также оценить масштабы и результаты этой деятельности.

Известно, что изъятие "идеологически вредной" литературы из общественного пользования началось в СССР еще в 20-е гг. Литература изымалась по признаку ее "эсеровского", "меньшевистского", "религиозного" и "монархического" характера. Критерий изъятия книг по признаку принадлежности их авторов к внутрипартийной оппозиции (троцкизм, "правый уклон") в этот период еще не применялся. Документы свидетельствуют, что в библиотеках вплоть до 1935 г. хранились и свободно выдавались читателям произведения Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Н.И. Бухарина, а кое-где даже отдельные произведения Л.Д. Троцкого.

Техническая особенность уничтожения книг в 20-е гг. состояла в том, что главной фигурой этой деятельности выступали, как правило, местные органы политпросвета. На них был возложен основной контроль за политической "благонадежностью" библиотечных фондов. К ним, как к основным организаторам "чисток фондов", прикреплялись работники местных ОГПУ и Лито (цензуры).

На рубеже 20-х и 30-х гг. эта схема несколько меняется:

вместо упраздненных политпросветов главным действующим лицом становятся органы Лито, а главную ответственность за ее физическое уничтожение (согласно инструкции – сожжение) несут органы ОГПУ – НКВД; им эта литература передается согласно актам на изъятие.

С конца 20-х гг. заметно возрастает количество уничтожаемой по политическим соображениям литературы и в системе книготорговли. Здесь изъятия велись согласно циркулярам руководства Книготоргового объединения государственных издательств РСФСР (КОГИЗа). Эти поступающие из Москвы циркуляры содержали названия и выходные данные книг, подлежащих уничтожению; сами циркуляры являлись секретными, хранились в сейфах заместителей заведующих местными (краевых, областных, городских) отделений КОГИЗа и выдавались под роспись на непродолжительное время (не свыше недели) исполнителям изъятия – заведующим книготорговыми точками (магазинами и киосками). Формулировка этих циркуляров звучала так: "Предлагается немедленно стянуть в свое областное отделение всё имеющееся в наличии количество книги (следовало название книги, подлежащей сожжению)... и в присутствии представителя Обллита или НКВД уничтожить" /1/. По факту уничтожения составлялся акт, который направлялся в бюро инвентаризации КОГИЗа.

Политические события (тотальная расправа сталинщины с неугодными под видом чистки партии, проверки партийных документов и т.д.) резко подлестнули в 1933 – 1934 гг. процесс уничтожения книг. Сигналом послужил приказ по КОГИЗу от 31 марта 1933 г. о наложении взысканий на работников Московского отделения (МОГИЗа), не выполнивших распоряжение об изъятии "политически вредной книги". На основании этого приказа многие местные отделения КОГИЗа (Западно-Сибирское краевое, Барнаульское городское и т.д.) принимают в мае 1933 г. свои приказы об усилении "политической бдительности" и указывают факты "распространения изъятых политически вредных книг; имеющихся в системе".

Тогда же, в 1933 г., Западно-Сибирским крайкомом ВКП(б) и его первым секретарем Р.И. Эйхе была развязана кампания по изъятию "вредительской" сельскохозяйственной литературы, изданной сибирскими аграрными учреждениями (краевым земельным

управлением, Сибирской сельскохозяйственной академией и т.д.).

В этот период в дополнение к циркулярам центральной конторы КОГИЗа об изъятии книг появляются приказы его Западно-Сибирского краевого отделения. Некоторые образцы их сохранились в архивах: например, приказ от 1 января 1935 г.: "Предлагаем списать и сдать в макулатуру книгу Круссер "Сибирские областники", издание Сибкрайиздата, 1931 г. Исполнение сообщить немедленно". Профессор Г.В. Круссер к тому времени был объявлен "троцкистом".

Апофеоз "чисток" и изъятий в советском книжном деле наступил в конце 1936 г. и продолжался, по имеющимся данным, до конца 1938 г. Это была фактически непрерывная кампания по лихорадочному пересмотру всего книжного состава библиотек и торговых точек. Кампания особенно усилилась после репрессирования в 1937 г. бывших руководителей КОГИЗа И.М. Юрень, И.Д. Лотши, и др. Новый исполняющий обязанности заведующего КОГИЗом Э. Штраух слал циркуляр за циркуляром об изъятии и уничтожении литературы. По сохранившемуся полному комплекту циркуляров КОГИЗа за 1937 г. об изъятии книг нам удалось выявить следующую динамику нарастания этого процесса /2/.

В ноябре 1936 г. КОГИЗом было прислано на места 4 циркуляра об изъятии в общей сложности 20 названий книг; в декабре 1936 г. - 11 циркуляров на 156 названий (резкий рост этой цифры связан с изъятием, согласно циркуляру № 128 от 20 декабря 1936 г. - сразу 138 названий книг). Далее темпы уничтожения литературы нарастали от месяца к месяцу: январь 1937 г. - 10 циркуляров (36 названий); февраль - 12 (32); март - 7 (89); апрель - 17 (144); май - 32 (159); июнь - 43 (245).

Во втором полугодии 1937 г. процесс изъятия литературы лавинообразно нарастал, однако судить о нем только по циркулярам КОГИЗа недостаточно: - наряду с ними на места стали рассылаться еще и особые (дополнительные) списки литературы, подлежащей изъятию. Нам известно 12 таких списков за 1937 г.; списки № 9-12 содержали в общей сложности 419 названий книг или фамилий авторов ("Крестинский Н.Н. - все брошюры, ... Рудзутак Я.З. - все брошюры, ... Тухачевский М.Н. - все книги и брошюры" и т.д.).

К этому времени "маховик" изъятий, видимо, уже не успе-

вал перемалывать литературу репрессированных авторов: 3 июня 1937 г. на места впервые поступили циркуляры КОГИЗа, в которых вместо прежнего подробного библиографического описания каждой подлежащей изъятию книги значились лишь фамилии удмуртских и башкирских "троцкистов-националистов", чьи произведения приговаривались к уничтожению: "Коновалов М.А. - все книги, ...Кильдебек П.В. - все книги, ...Видьданов Габдулахат - все книги, ...Идельгужит Карим - все книги и т.д. В дальнейшем такая форма циркуляров (с указанием лишь фамилии автора) становится обычной практикой.

В истреблении произведений "врагов народа" руководство КОГИЗа, по-видимому, работало в полном контакте с репрессивными и высшими руководящими органами; этим объясняется оперативность появления циркуляров об изъятии книг арестованных или исключенных из партии (но еще не осужденных) авторов. Так, 10 января 1937 г. был разослан циркуляр об изъятии произведений только что арестованных и переданных следственным органам будущих участников дела "военных заговорщиков" Г.Д. Гая, В.М. Примакова, В.Г. Путны. 27 февраля 1937 г. февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) принял решение об исключении Н.И. Бухарина из партии и передаче его "дела" на расследование в НКВД. Еще не были добыты никакие доказательства вины Н.И. Бухарина, а КОГИЗ 4 марта 1937 г. (на другой день после завершения Пленума) уже разослал циркуляр об изъятии ряда его книг. Эти факты подтверждают версию историков о том, что следствие и суд над личными врагами И.В. Сталина были чистейшим фарсом: люди, отдававшие КОГИЗу приказы об изъятии произведений "врагов народа" на другой день после их ареста, были стопроцентно уверены, что все "дела" окончатся расстрелом.

Растущий объем работы по изъятию литературы заставляет некоторые отделения КОГИЗа создать весной 1937 г. специальные комиссии "для просмотра книжного ассортимента".

Параллельно разворачивается невиданная по масштабам кампания "чистки" библиотечных фондов. Первое массовое изъятие "контрреволюционной троцкистско-зиновьевской литературы" проводилось местными органами. Это согласно приказу № 240/с начальника Главлита в первом квартале 1935 г. После этого согласно телеграмме Главлита работа по изъятию была приостановлена до особого распоряжения. Вторично изъятие начали согласно приказу

Главлита № 105/с от 22 октября 1936 г. В ноябре 1936 - июне 1937 гг. Главлит разодал на места еще 8 таких списков (приказы № 1323/с; 1856/с; 108/с; 120/с; 130/с; 5/с; 6/с; 7/с); кроме того, Западно-Сибирский крайлит прислал свой список (приказ № 3/с). Были присланы также 4 дополнительных (так называемых литерных) списка.

Уполномоченный крайлита по Барнаульскому району сообщал: "С даты начала второго изъятия, т.е. с 22 октября 1936 г. Главлит до последних дней почти ежемесячно досылает дополнительно по I - 2 списка (всего на день докладной (3 июля 1937 г. - А.П.) получено 12 списков), в силу чего товарищи, мобилизованные горкомом партии - 20 - 25 человек (они были распределены по библиотекам г. Барнаула. - А.П.), закончив изъятия по одним спискам, должны были начинать снова по дополнительно присланным"/3/. Западно-Сибирский крайком ВКП(б), учитывая "политическую важность" мероприятия, принял специальное решение не отрывать уполномоченных крайлита на другие работы до конца изъятия "троцкистско-зиновьевской литературы".

В нашем распоряжении не имеется цифр, характеризующих общий количественный объем изъятой литературы по стране, Сибири или хотя бы отдельным краям и областям. Однако масштабы "чистки" книжных полок можно представить по некоторым частным сопоставлениям. Так, по данным Красноярского крайлита, на 20 мая 1937 г. из библиотек края было изъято не менее 14 500 экз литературы /4/. Если учесть, что в июне 1937 - декабре 1938 гг. было изъято книг минимум вдвое больше, получим условную цифру 45 тыс. экз. Сравним ее с другой цифрой: в 1934 г. книжный фонд библиотек системы ОНО Красноярского района (фактически всех массовых библиотек, так как профсоюзная библиотечная сеть в тот период не была развита, а научных и специальных библиотек в Красноярске практически не имелось) составлял 63 753 книги. Иными словами, в течение октября 1936 - декабря 1938 гг. из фондов Красноярского края было изъято почти столько же книг, сколько имелось в библиотеках краевого центра и прилегающего района к моменту начала "чисток".

Барварское уничтожение книг, вся "вина" которых зачастую заключалась лишь в том, что среди их авторов, редакторов или переводчиков были "враги народа", составляет позорную и траги-

ческую страницу истории книжного дела в СССР. Но знать эти факты необходимо: забывающий прошлое не гарантирован от его повторения.

Примечания

1. ГАКК, ф.р-1661, оп. I, д. 3, л. 12, 14, 240.
2. Там же, л. 9 - 233.
3. ПЛАК, ф. 10, оп. 20, д. 172, л. 46 - 46 об.
4. ПЛАК, ф. 26, оп. I, д. 532, л. 52.

Б.Н. Дойзнер, канд. физ.-мат. наук (Томск)

В ПОИСКАХ ПУТЕЙ ВОЗРОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Язык описания нашего нынешнего состояния включает в себя медицинские и военные термины. Социологи, публицисты, педагоги привычно говорят об интенсивной (иногда - о шоковой) терапии общества и более того - о воскрешении (а, значит, о гибели) духовной культуры России в целом либо ее отдельных, но важных традиций. 90-е гг. XX в. начинаются с признания правоты первых эмигрантов и поздних "инакомыслящих", твердивших, что по милости тоталитарного режима нас ждет поражение, всеобщий упадок в связи с проигрывшем в выборе идеалов. На каких же путях искать избавление от тех последствий для отечественной культуры, которые породила 70-летняя диктатура?

Сравнение с началом века, с эпохой Петра Макушина и Петра Сойкина показывает: наше общество катастрофически обезлюдело в результате истребления довольно малочисленного слоя носителей интеллигентности и разрушения социальных механизмов их воспроизводства. Как известно, условием успешной работы этих механизмов служит широко поставленное и не скованное идеологическими запретами издательское, книжное и библиотечное дело. Практическим следствием крупномасштабной постановки каждого из названных дел в дореволюционной России стала сложившаяся за одно - два поколения высокая читательская культура образованной части общества, в том числе студенчества. Благодаря предпри-

имчивости книготорговцев, издателей и просветителей (яркий пример — П.И. Макушин) книга в начале XX в. сделалась привычным атрибутом городского образа жизни. Отголосок традиционного для Руси и России отношения к книге явно ощутим еще и сегодня.

Однако исследования социологов в 80-е гг. вызывают большую тревогу, поскольку приводят к выводам о снижении читательской культуры массового читателя, падении интереса к книге, утрате понимания роли книги как ведущего инструмента приобщения к нормам гуманитарной культуры. Эти, а также другие симптомы одичания (особенно молодежи, в том числе и студенческой) необходимо анализировать на фоне распространения китча и конкуренции книги с электронными средствами коммуникации.

Нам представляется, что сегодня важнейшей задачей университетского образования является формирование культуротворческой элиты путем отбора самых даровитых молодых людей с последующей интенсификацией процесса самореализации и самосозидания их личностей. Условием и отчасти содержанием этого процесса служит самообразование, в первую очередь — самообразовательное чтение. Корень трудностей видится здесь в сохранившемся духе педагогического ГУЛАГа и тяжести наших порядков, при которых из студентов — арестантов воспитания (выражение А.И. Герцена) школа, жизнь и вуз штампуют тех, кого Х. Ортега-и-Гасет называл образованными невеждами.

В современном обществе практически не осталось полноценных носителей интеллигентности. (Содержание понятия интеллигентности составляет пока предмет дискуссии. Здесь отметим только, что интеллигентность и внутренняя установка на нее наиболее благоприятны для самореализации личности, а творческое начало от интеллигентности неотделимо.) Поэтому образ интеллигентного человека, воплощающего "связь высоких познавательных стандартов с глубоко осмысленными и внутренне пережитыми гуманистическими и милосердными ценностями" /1/, остается искать в литературе. Разумеется в литературе классической, поскольку именно в ней представлен образ "человека культуры": Дон Кихота, князя Мышкина, Иозефа Кнехта. Мы по-прежнему нуждаемся в знании их ответов на вечные вопросы человеческого бытия. Столь же остро наша современная ситуация нуждается в носителях интеллигентности. Напомним, что они профессионально заняты выработкой смы-

сла человеческой жизни в соотносённости его со смыслом сущего (заняты смыслопроизводством, как говорит С.И. Великовский), что составляет сердцевину культуры и отличает социальное положение интеллигентов, призванных к "хранению совести общества" /2/. Перефразируя афоризм В.С. Франка о поэзии, можно утверждать, что культура – это катализатор реальности. По нашему убеждению, в конце нынешнего века катализатором российской реальности может стать наряду с экономической и политическими реформами – именно культура. Но для этого надо успеть сформировать "новую волну" интеллигентных людей, привычно обращающихся к чтению, чтобы удовлетворить потребность в духовном творчестве.

Следовательно, слагаемым концептуальной переоснастки обучения в университете должно стать обращение к студенческой элите, разъясняющее ей ценность самообразования в аспекте сартровского тезиса: "Человек есть не что иное как то, чем он делает себя". Университеты сыграют роль центров возрождения отечественной культуры, если университетским издательствам предоставят свободу, привилегии и материальные средства для выпуска, репринтирования, выборочного копирования множества изданий и переизданий, способных сформировать у читающего студенчества культурную картину мира, в которой он увидит и многовековую родословную интеллигентности и ее место в духовной жизни будущего. Университеты сыграют эту роль, если в их общежитиях, аудиториях и библиотеках восстановится после 70-летнего перерыва культ чтения. Выполнение перечисленных условий окажется тем более вероятным, чем успешнее справятся преподаватели со своей главной обязанностью: заражать студентов тоской по мировой культуре. Решившись выполнять ее, не забудем как плодотворно и неизлечимо страдали от этой тоски и Ницше и Осип Мандельштам.

Примечания

1. Рашковский Е.Б. Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока. М.: Наука, 1990. С. 134.
2. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 329 – 338.

Л.Ф. Казаринова, канд. филол. наук (Новосибирск)

КНИГОИЗДАНИЕ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Книгоиздание в любом обществе направлено на выполнение каких-то извне заданных целей. С переходом страны к рыночной экономике эти цели, безусловно, будут переосмыслены.

Сложившаяся к началу 90-х гг. сеть издательств Сибири и Дальнего Востока не способна в полной мере дополнить союзную систему книгоиздания по удовлетворению специфических книжных потребностей местного жителя. Как и в стране, причины этого не объясняются лишь нехваткой сырья, материалов, производственных мощностей, низким уровнем профессионализма работников и использования передовых технологий. Они заключены прежде всего в несовершенстве организационных и экономических структур, не позволяющих развитие книгоиздания в регионе привести в соответствие со спросом, нуждами культурного строительства и комплексного освоения территории.

Для развития рыночных отношений необходимо существование различных конкурирующих друг с другом издательских структур. Конкуренция толкает издательства искать и ликвидировать зоны книжного дефицита, постоянно учитывать читательский спрос.

Существующая ныне сеть издательств в Сибири и на Дальнем Востоке по характеру собственности может быть разделена на ряд групп.

Первую и наиболее многочисленную составляет группа государственных издательств. Они выпускают около 80% общего тиража книг и брошюр в регионе и 30% числа изданий. Большая часть входящих в эту группу издательств является универсальными, выпускающими массово-политическую, производственно-техническую, сельскохозяйственную, художественную, детскую, краеведческую, учебную и учебно-методическую литературу (Восточно-Сибирское, Дальневосточное, Кемеровское, Новосибирское, Омское, Томск, Хабаровское издательства), а также наряду с ней литературу на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока (Алтайское, Бурятское, Красноярское, Магаданское, Тувинское, Якутское издательства). Сюда же относятся и сибирские отделения специали-

зированных центральных издательств: "Детская литература" (Новосибирск), "Современник" (Кемерово), книжная редакция издательства "Радио и связь" (Томск), а также отделения универсальных местных издательств (семь бывших сибирских и дальневосточных издательств, потерявших самостоятельность после реформы книгоиздания 1963 г.): Амурское, Горно-Алтайское, Камчатское, Сахалинское, Тюменское, Хакаское и Читинское.

Другую группу составляет сеть государственно-ведомственных издательств и ведомственных издающих организаций. Они выпускают около 70% числа изданий и 20% их общего тиража. Это издательства двойного подчинения: Дальневосточного, Иркутского, Красноярского, Новосибирского и Томского университетов, а также Сибирское отделение издательства "Наука" и III учреждений и организаций, имеющих право выпуска ведомственной литературы самостоятельно, минуя издательства.

К третьей группе относятся зародившиеся после выхода постановления о создании малых предприятий в СССР кооперативные и кооперативно-общественные издательства. Они выпускают пока лишь единичные издания. Такие издательства имеются в Новосибирске (кооперативы "Эхо", "Сибирь - XXI век"), Кемерово (кооператив "Родник"), Хабаровске, Красноярске и некоторых других городах.

Частные издательства в Сибири и на Дальнем Востоке к началу 90-х гг., насколько нам известно, отсутствуют. Но о развитии рыночных отношений и приватизацией городского хозяйства в ряде городов появляется возможность ооздания частных издательств.

И последнюю группу издательств в регионе должны составить, видимо, совместные предприятия с иностранными фирмами. В настоящее время издательскую деятельность могут вести совместные предприятия в Новосибирске, Кемерово, Улан-Уде, Хабаровске. Принятие Верховным Советом РСФСР решения о создании зон совместного предпринимательства на значительных территориях региона делают здесь исключительно благоприятной обстановку для возникновения и деятельности издательских совместных предприятий с иностранными фирмами.

Анализ издательской сети в Сибири и на Дальнем Востоке позволяет установить, что какие бы издательские структуры не возникли в связи с переходом страны к рыночной экономике, они в

ближайшем будущем не могут быть, видимо, конкурентами ныне действующей единой государственно-ведомственной системе издательств.

Переход на хозрасчет способствует "вымыванию" из тематических планов провинциальных издательств актуальных для региона но малотиражных изданий научной, учебной, производственной, справочной литературы, а также изданий на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока, оскудению репертуара национальной книги, оведению его к выпуску художественной, общественно-политической литературы и фольклора, все большей ориентации издательств на выпуск литературы массового спроса на русском языке.

В репертуаре универсальных издательств Сибири и Дальнего Востока всегда преобладала литература массового спроса. Специфика ее состояла в том, что она была рассчитана на жителя конкретной области (края, автономной республики), так как 90% и более ее тиража распространялось на территории области, где расположено издательство. (То есть предельный тираж массовой литературы провинциального и центрального издательств несопоставим. А раз так, то в настоящих условиях понятие "провинциальное издательство" показывает не только его географическое расположение по отношению к столице, а скорее материально-технические, финансовые и кадровые возможности, зависящие от тиражей.)

Худшие стартовые условия перехода на хозрасчет провинциальных издательств, по сравнению с центральными, заставили их искать пути увеличения тиражей своих изданий. Предоставленная им в последние годы относительная свобода тематического планирования и независимость от Советской власти на местах, а главное - наличие огромного неудовлетворенного читательского спроса позволили им в короткий срок еще более переориентироваться на выпуск большетиражных изданий массового спроса, значительно сократить количество изданий местных авторов, региональной литературы вообще, в том числе на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Происходит быстрое сближение репертуаров универсальных издательств союзного и местного значения. Поскольку специфические книжные запросы провинций огромного государства местные издательства обеспечивать все-таки должны, постольку и в условиях хозрасчета должны быть созданы такие условия, которые стимулировали бы эти или другие издательские структуры

на выпуск литературы, необходимой для региона. С целью ликвидации перекоса в сторону товарной функции книги в местных издательствах, по нашему мнению, была бы целесообразна проработка различных вариантов решений, которые позволили бы сгладить влияние рынка:

создание издательско-полиграфическо-книготорговых объединений, подчиненных местным органам власти;

расширение рамок распространения продукции местных издательств от области до региона, группы областей и т.д., что позволит повысить тиражи местных изданий, а главное - расширить ассортимент местной книги, предлагаемой ныне населению каждой отдельно взятой территории;

преобразование Новосибирского, Восточно-Сибирского и Хабаровского издательств в региональные;

привлечение местных средств (муниципальных, ведомственных, частных, общественных) для выпуска литературы, необходимой региону;

создание советов директоров специализированных и универсальных издательств Сибири и Дальнего Востока для координации и кооперирования в выпуске литературы;

образование небольших издательств, выпускающих литературу на языках народов Севера;

организация постоянно действующей социологической службы по изучению читательского спроса (возможно на базе отдела книговедения ГИИТБ СО АН СССР).

Л.А. Коженикова, канд. пед. наук (Новосибирск)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ БИБЛИОТЕЧНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Переход территорий на новые условия хозяйственной деятельности меняет многие традиционно сложившиеся в социальной сфере структуры, в том числе и структуру библиотечного обслуживания. Библиотеки пересматривают принципы их объединения в координационные системы, способы кооперации, основы внутрихозяйственной деятельности. При этом становится ясно, что модернизация

отдельных звеньев деятельности библиотек, скажем, планирования или кадровой политики, не способствует кардинальному улучшению обслуживания читателей. Только совершенствование всей системы в полном объеме позволит реализовать современные задачи библиотечного обслуживания. Для определения этих задач и создаются экономические модели. Чтобы модель была гибкой, способной быстро реагировать на внешние и внутренние изменения среды, она должна, как минимум:

стимулировать библиотечных работников на своевременное выявление, формулировку, решение проблем как библиотечного обслуживания, так и способов организации труда и его оплаты;

согласовывать интересы читателей (потребителей информации) и библиотечных специалистов, производящих и предоставляющих услуги;

осуществлять наблюдение и контроль за механизмом стимулирования и согласования, обеспечивать эффективность работы библиотечной системы.

В основу построения экономической модели библиотечного обслуживания должны быть положены:

1. Система ожиданий читателей (потребителей информации). Глубокий социологический анализ нужд и ожиданий читателей позволит разработать профили пользователей, которые затем могут быть интегрированы в информационно-поисковые системы. Данные анализа дадут возможность определить набор услуг, потребность во всех видах ресурсов для их производства, установить соотношение между бесплатными и платными услугами.

2. Средства обслуживания (материальные и кадровые). Изменение источников финансирования библиотек, их переход на частичный хозрасчет ставят вопрос о необходимости рассмотрения библиотечных услуг в качестве товара на информационном рынке. Поэтому при построении модели необходимо определить комплекс бесплатных библиотечных услуг, производство которых основано на бюджетном финансировании, и услуг с добавочной стоимостью, производство и поддержка которых финансируется за счет потребителей (коллективных или индивидуальных). Степень участия библиотеки в производстве того или иного вида услуг зависит от ее ресурсного потенциала — стоимостных и кадровых структур, технического обеспечения. Именно ресурсный потенциал, а не субъ-

активные желания библиотечного персонала определяет объем и виды услуг той или иной библиотеки.

3. Затратный механизм и механизм ценообразования на информационно-библиотечные услуги. Принципиальным моментом при формировании затратного механизма является то, что финансовые средства в новых условиях хозяйствования должны выделяться не за факт существования библиотеки или ее структурных подразделений, а за набор услуг, их общественно необходимую содержательность, уровень исполнения. Точная денежная оценка каждого вида деятельности разрабатывается самой библиотекой и используется для корректировки намеченных целей, в соответствии с которыми устанавливается круг потребителей и заказчиков.

Особая роль в новом затратном механизме отводится ценообразованию, методика которого должна быть приведена в соответствие с современными принципами. Существующие калькуляции на библиотечные услуги не соответствуют реальным затратам на их производство и не учитывают законов информационного рынка.

4. Система внутрибиблиотечного хозрасчета, включающая 4 основных ступени калькуляции себестоимости:

- сбор, запись, идентификация данных о затратах во временном и стоимостном выражении;
- распределение косвенных и накладных расходов;
- введение данных в форму управленческой информации;
- создание управленческих отчетов.

При таком подходе к хозрасчетной системе в библиотеке появится возможность определить долю участия каждого структурного подразделения в производстве услуг, рассчитать число рабочих мест, установить принципы оплаты за труд в зависимости от качества произведенного продукта, эффективности использования всех видов ресурсов, степени производительности труда библиотечного специалиста, уровня обслуживания читателей.

Из-за абстрактного характера библиотечной услуги, которая не всегда может быть выражена в количественной форме, предлагаемая модель не дает абсолютно точной оценки финансирования библиотеки, однако она позволяет установить некоторые принципы разработки ее стоимостной и ресурсной структуры.

С Е К Ц И Я : КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Т.Н. Соболевская (Новосибирск)

ПРОБЛЕМА ИЗДАТЕЛЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОБОЛЬСКОЙ ТИПОГРАФИИ КОРНИЛЬЕВЫХ

В изучении начального этапа сибирского книгоиздания остается много проблем, вызывающих споры исследователей. Осмысление деятельности типографии в контексте исторического, культурного и литературного развития России второй половины XVIII - начала XIX вв. позволяет объективно оценить место типографии в культурной жизни Сибири, а также уточнить некоторые спорные положения.

В работах исследователей существуют различные точки зрения относительно лидера или группы лидеров тобольского книгопечатания. А.Н. Копылов, составители "Истории Сибири" и другие считают лидером тобольского кружка П.П. Сумарокова.

Неоднократно отмечался и факт деятельного участия в делах типографии тобольского наместника А.В. Алябьева. Постоянное внимание тобольской администрации к изданию и распространению книг и журналов местной типографии позволило А. Татаринцеву сделать вывод об административно-регламентированном, а не инициативном характере просветительских изданий корнильевской типографии.

В работах, посвященных типографии, поднимался вопрос и о роли Корнильевых как владельцев типографии в развитии местного книгопечатания. Несомненно, что при всех прочих благоприятных условиях тобольское книгопечатание не достигло бы такого высокого уровня без активного стремления к просветительству купцов Корнильевых. По мнению В.Г. Уткова, именно Корнильевых нужно рассматривать как основную движущую силу развития книгопечатания в городе.

При изучении данного вопроса необходимо учитывать специфику понятия "издательство" и "издатель" применительно к России XVIII в.

По мнению Е.И. Шамурина, в русских книгах этого периода указание типографии равносильно указанию издателя, поскольку в XVIII – первой четверти XIX в. владельцы типографий были одновременно издателями.

Более убедительно выглядит точка зрения Т.Н. Кондаковой, полагающей, что в XVIII в. продукция большинства типографий лишь частично была одновременно и издательской. Она указывает следующие характеристики издателя-профессионала применительно к книгоизданию данного периода: наличие определенной издательской программы, вложение собственных средств в издательский процесс или их мобилизация, организационная деятельность (формирование собственного коллектива авторов, редакторов и технических работников), сбыт собственной издательской продукции. Как отмечает исследователь, в деятельности издателей XVIII в. эти характеристики не всегда встречались в комплексе.

Отсутствие единого издателя – одна из особенностей издательского процесса второй половины XVIII в., что объясняется общими для всей страны процессами дифференциации и интеграции профессий издателя, типографа и редактора, протекавшими в данный период. Завершение формирования профессии издателя наблюдается только в XIX в. На всем протяжении второй половины XVIII в. издательские функции в основном распределялись между несколькими людьми. Примеры этому можно найти, например, в издательской практике Н.И. Новикова.

Исходя из этого, вряд ли можно говорить о едином издателе тобольской литературы. Попробуем лишь выделить тех, кто брал на себя частично или полностью издательские функции при выпуске в Тобольске печатной продукции.

Инициатором выпуска "Исторического журнала" выступил Дмитрий Корнильев, взявший на себя и его финансирование. Поскольку к этому времени Д. Корнильев по поручению отца вел все дела типографии, то при издании журнала он выступает одновременно как издатель и типограф. При выпуске остальной литературы купцы Корнильевы отвечают только за типографскую работу, о чем свидетельствует постоянное получение ими определенных сумм "за напечатание".

В XVIII в. типографы, как правило, являлись издателями час-

ти выпускаемой продукции. Эта особенность русского книгоиздания данного периода характерна и для его начального этапа в Сибири.

При выпуске большей части книг в Тобольске издательские функции частично брала на себя местная администрация в лице Тобольского приказа общественного призрения. Под руководством тобольского наместника А.В. Алябьева не только подбирались книги для издания и определялись тиражи, но и выделялись необходимые суммы на издание, контролировалась оплата труда типографа, а также авторов и переводчиков. Реклама изданий и сбыт книжной продукции при этом поручались местному чиновничеству.

Несколько уже рамки участия администрации в выпуске первых сибирских журналов. Официально издателями "Иртыша..." считаются учителя Тобольского главного народного училища при возможном участии П.П. Сумарокова, издававшего позднее "Библиотеку ученую". Официальные издатели определяли идейную направленность журнала, состав выпусков. В то же время вложение средств в издания, их реклама и сбыт осуществлялись местными чиновниками.

При отсутствии единого издателя продукции тобольской типографии вполне правомерно говорить о существовании общей издательской политики. Просветительское направление всего книжного репертуара типографии Корнильевых объясняется относительной общностью взглядов той группы людей, от которых зависело его формирование. Естественно, мы не можем говорить о полном единстве их позиций. Однако общим и объединяющим можно считать проветительский подход к книгопечатанию, отношение к книге как источнику знаний и основному средству просвещения.

Как указано в работах Т.Н. Кондаковой, в русском книгоиздании XVIII в. существовало три пути формирования издателя-профессионала: типограф-издатель, писатель-издатель, книготорговец-издатель. История тобольского книгопечатания XVIII в. позволяет на конкретных примерах проследить два из трех возможных вариантов профессионализации издательской деятельности. Д.Корнильев приходит к издательской деятельности будучи типографом, П.П. Сумароков издает журналы, не расставаясь с литературным творчеством. Отсутствие в Сибири примеров третьего пути формирования профессионального издателя обусловлено слабостью разви-

тия книжной торговли в данный период, отсутствием здесь книготорговцев как таковых.

Н.М. Дмитриенко, канд. ист. наук (Томск)

ТИПОГРАФИИ СТАРОГО ТОМСКА (первая половина XIX - начало XX в.)

Значение Томска как ведущего культурного центра дореволюционной Сибири определяется в литературе деятельностью трех высших, до двух десятков средних и специальных учебных заведений, нескольких библиотек, более полусотни научных, благотворительных и культурно-просветительных обществ, изданием большого количества книг, журналов и газет, весьма разнообразных по характеру и содержанию. В меньшей степени изучена материальная база формирования книжной культуры в дореволюционном Томске - состояние типографий. Этот вопрос и рассматривается в работе на основе архивных документов и данных периодики.

Первая в Томске типография - для обслуживания канцелярских нужд губернской администрации - открылась в 1819 г. Три ручных печатных станка - два деревянных и один чугунный - и десяток касо со шрифтом оставляли все ее оборудование. С началом выпуска в 1857 г. первой газеты - "Томских губернских ведомостей" - понадобилось обновление типографии: купили новый станок, приобрели немецкий и французский шрифты. Еще через десять лет в типографии появилась первая скоропечатная ручная машина (2400 оттисков в час против 300 на станке). Одновременно губернское начальство приняло меры к понижению платы за частные заказы, чтобы привлечь побольше клиентов.

В 1861 г. в губернской типографии была издана первая книга "Оглавление Томских губернских ведомостей 1860 года". Вскоре увидели свет краеведческие труды Н.А. Кострова и первый из них - "Историко-статистическое описание городов Томской губернии" (1864 г.).

Новый этап в развитии томской полиграфии связан с созданием в 1876 г. первой частной типографии Михайлова и Макушина. Оснащенное новым оборудованием (три скоропечатные машины, три

станка, собственная литография), макушинское предприятие сразу повысило качество печатных работ в Томске.

Появление у губернской типографии сильного конкурента изменило ситуацию во всей Томской губернии. Если в 1869 г. томский губернатор нашел возможным для разрешения проблемы доходности обязать окружные суды и полицейские управления изготавливать бланки исключительно в губернской типографии, то уже в 1880 г. его преемник на этом высоком посту, получив очередную жалобу на малодоходность, счел неудобным заставлять своих подчиненных пользоваться услугами только губернской типографии.

Быстрорастущий спрос на печатную книжную и газетную продукцию стимулировал появление новых типографий и одновременно предъявлял к их владельцам серьезные требования модернизации производства. К 1900 г. в Томске действовало 6 достаточно крупных полиграфических предприятий, к 1914 г. – 9. Во второй половине 1890 – начале 1900 гг. произошло переоснащение большинства типографий печатными машинами, действовавшими от паровых или нефтяных двигателей. Новое оборудование, разнообразие шрифтов позволили осуществить в Томске (типография Макушина) сложное издание "Каталога Главной библиотеки имп. Томского университета" с текстами на разных иностранных языках, выпускать иллюстрированные книги и газеты, открытки и т.д.

Изданная в дореволюционном Томске книжная продукция свидетельствует о высокой квалификации специалистов и рабочих типографского дела. Дальновидные хозяева старались не только подготовить, но и удержать у себя обученных рабочих. Так, в 1886 г. П.И. Макушин учредил пенсию в размере 10% жалованья, выплата которой в случае увечья или старости гарантировалась в продолжение того срока, какой был отработан в фирме. О высоком культурном и образовательном уровне типографских рабочих говорит и то, что они создали первый в городе нелегальный рабочий кружок по изучению работ К. Маркса и его последователей. Они же организовали одно из первых в Томске профессиональных объединений – Томское общество взаимопомощи книгопечатников, а профсоюз типографских рабочих, возникший наряду с другими в 1905 г., в нелегальных условиях работал вплоть до 1917 г. Упорная стачечная борьба типографов за свои экономические и полити-

ческие права обеспечила им более высокий по тем временам жизненный уровень (по сравнению с другими группами томских пролетариев).

Постоянно расширявшийся рынок сбыта печатной продукции обеспечивал экономическую устойчивость томских типографий. Возникнув однажды, они меняли порой название, хозяина, но продолжали работать. Так, на основе типографии Макушина в 1906 г. было учреждено Сибирское товарищество печатного дела. Первая в Томске оборудованная ротационной машиной типография товарищества значительно увеличила производство. Здесь выпускали одну из самых крупных газет края "Сибирскую жизнь", сложные по набору "Известия" Томского университета и технологического института, а также многие труды томских ученых. Национализированное в 1920 г. имущество товарищества было передано издательству "Красное знамя".

С 1887 г. в Томске действовала вторая после макушинской частная типография Картамышева. После смерти хозяина она была куплена товариществом "Г.П. Прейсман и Н.Я. Беляев", а в 1900 - 1917 гг. ею владел К.А. Орлов. В ней в разные годы издавались такие большие газеты, как "Сибирский вестник", "Сибирские отголоски", "Утро Сибири", журнал "Сибирский наблюдатель", выполнялись заказы Казенной палаты, Государственного банка, частных лиц.

Известная в старом Томске московская фирма "Печатня С.П. Яковлева" с 1898 г. арендовала помещение губернской типографии и выполняла все ее заказы. В 1901 г. она перебралась в собственное здание, где было установлено 10 скоропечатных машин, работавших от парового двигателя, фальцевальная и шпильная машины, имелось электрическое освещение. После революции оборудование яковлевской типографии использовали для усиления типолитографии Томской железной дороги.

Из более мелких можно назвать типографию и переплетную В.М. Перельмана (с 1896 г.), Усачева и Ливена (с 1900 г.), типографию М.Н. Кононова, основанную им в 1894 г. и проданную после 1905 г. Зеленовскому, который в октябре 1907 г., в свою очередь, продал предприятие Сибирскому товариществу печатного дела. В 1900 г. в Томске возникла паровая типография Бресли-

на, два года спустя ее купило московское Товарищество скоропечатни А.А. Левенсона, однако после 1905 г. каких-либо сведений в источниках об этом предприятии не найдено. В годы первой российской революции в городе действовала типография Дворецкого "Конкуренция", закрытая властями за издание сатирического журнала "Ерш".

Наряду с частными в Томске осуществляли ведомственные типографии. Так, в 1898 г. открылась типография и переплетная епархиального ведомства, в 1906 г. - литография Сибирской железной дороги, имелась типография Дома трудолюбия при женском монастыре. В 1908 г. в ней печаталась "Сибирская правда", орган Томского губернского Союза русского народа, позже первая вечерняя газета "Сибирский свет".

В начале XX в. Томск стал признанным издательско-полиграфическим центром Сибири. По данным 1913 г., здесь выпустили 177 названий книг тиражом 96,5 тыс. экз. из общего количества 391 книги в 230,2 тыс. экз., изданных во всей Сибири и на Дальнем Востоке. Это был закономерный результат взаимодействия двух процессов: развитие культуры и образования в Томске способствовало созданию и расширению типографского производства, продукция которого в свою очередь оживляла культурную жизнь города.

Л.Л. Берзун (Томск)

ПЕРВЫЕ ТРУДЫ УЧЕНЫХ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ИЗДАННЫЕ В ТИПОГРАФИИ П.И. МАКУШИНА

Типографская деятельность П.И. Макушина тесно связана с первым университетом Сибири с момента его основания. В типографии Макушина уже в 1880 г. была издана брошюра "Описание празднества, бывшего в г. Томске 26 - 27 августа 1880 г. по случаю закладки Сибирского университета", а в 1886 г. уже начали печатать фундаментальное и оложное издание "Каталога Глазной библиотеки имп. Томского университета", который состоял из пяти разделов. Первый раздел включал 20 тыс. названий на разных иностранных языках, причем каждое название имело пол-

ное библиографическое описание. Каталог издавался до 1896 г. объемом в 278 печатных листов и включал более 46 тыс. названий.

С открытием университета в 1888 г. в типографию П.И. Макушина стали поступать заказы на печатание трудов ученых и периодических изданий университета, рекламы и объявлений, учебников, пригласительных билетов и т.д.

По мере развития университета ежегодно увеличивалось количество публикуемых научных материалов.

Основным печатным органом университета стали "Известия императорского Томского университета", в которых помещались труды профессоров, приват-доцентов, лиц учебно-вспомогательного состава, студентов. Хорошо оборудованная типография П.И. Макушина имела возможность печатать это издание объемом в 30 - 45 печатных листов, включавшее карты, схемы, таблицы. Здесь же издавались "Отчеты о состоянии императорского университета".

Первыми работами ученых университета, выпущенными типографией Макушина отдельными брошюрами, стали вступительная лекция ординарного профессора С.И. Залеского "О значении химии для культуры и человечества", публичная лекция экстраординарного профессора Н.М. Малиева "Строение и деятельность дыхательных органов у человека", вступительная лекция экстраординарного профессора С.И. Коржиного "Что такое жизнь?". Следует заметить, что доходы от издания этих да и многих других работ ученые университета перечисляли в "пользу дома общежития студентов".

В 90-е гг. продолжалось активное сотрудничество ученых университета с П.И. Макушиным. Так, в 1891 г. на средства купца А.Е. Кухтерина была издана работа профессора С.И. Залеского "Сибирские минеральные воды и грязи. Озеро Инголь. Медико-типографо-химическое исследование, с 2-мя литографиями и 8-ю таблицами". Были напечатаны многие краеведческие работы, например, профессора-богослова Д.Н. Беликова, удостоенные в 1914 г. первой премии им. Сибирякова и ставшие вскоре библиографической редкостью. Из типографии П.И. Макушина вышли в свет работы о полезных и вредных животных Сибирского края, о малярии и холерной эпидемии в Томске, о флоре Алтая и Томска и т.д. Содружество издателя и ученых университета было плодотворным и полезным для сибиряков.

Таким образом, ученые университета выполняли важную научную миссию изучения природы и естественных богатств Сибирского края, а типография П.И. Макушина сыграла большую роль в распространении их трудов.

А.П. Шинкарева (Иркутск)

ЧАСТНЫЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ ИРКУТЯН ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Среди частных изданий можно выделить личные, т.е. книги, выпущенные людьми, не являющимися издателями. Мотивы издания книг были разными. Например, А.К. Трапезников издал сборник документов "Иркутск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий", преследуя прежде всего личную цель – проследить историю купеческого рода Трапезниковых. В этом же сборнике Александр Константинович поместил, кроме документов по Иркутску, найденных в Московском архиве министерства юстиции, материалы по истории Устюга Великого – отсюда пришли в Сибирь Трапезниковы. Эта своего рода семейная книга стала библиографической редкостью уже в конце XIX в. (выпущено всего 120 экз.).

Издавались книги и авторами. Много раз возникала потребность высказаться, рассказать о своих путешествиях у А.М. Сибирякова, старшего сына из последнего поколения миллионеров и знаменитых сибирских патриотов Сибиряковых. Велика его заслуга в исследовании Заполярья, северных водных путей – недаром его именем назван остров и ледокол, он был награжден шведским королем орденом Полярной звезды, за покровительство науке, просвещению, избран почетным членом сибирского университета. Александр Михайлович, помимо финансирования экспедиций и развития науки, много путешествовал сам, обобщая все это в книгах, статьях и путевых заметках. А.М. Сибиряков написал и издал несколько книг и статей на русском и немецком языках (после иркутской гимназии он учился в Цюрихе).

Вместе со старшим братом и отдельно от него крупные суммы на издания книг Восточно-Сибирского отдела Русского императорского географического общества жертвовал и Иннокентий Михай

лович Сибиряков. Кроме вкладывания крупных сумм на издания научных трудов многих энциклопедий, снаряженных на его же средства И.М. Сибиряков издал немало книг, ценных для историков. Среди них "Историческое обозрение Сибири" П.А. Словцова, четырехтомная "Сибирская библиография" В.И. Межова, его же "Русская историческая библиография". На средства Сибирякова выпущены книги "Сибирские инородцы, их быт и современное положение" Н.М. Ядринцева, "Рабочие на сибирских золотых промыслах" В.И. Семева, "Словарь якутского языка" Э.К. Пекарского, "Черная вера или шаманство у монголов" Д. Банзарова, "Верхотенский сборник" Н.Я. Худякова и др.

Критиками и читателями была тепло встречена книга "Сибирские мотивы. Сборник стихов и песен". На обложке значилось: "Все деньги, полученные за продажу этой книги, предназначены в пользу семьи покойного поэта И.В. Оммулевского /Федорова/".

В некрологе на смерть И.М. Сибирякова, опубликованном в газете "Восточное обозрение", Г.Н. Потанин писал: "Никто больше него не уделял внимания нуждам сибирской литературы и публицистики... Ни один из сибирских жертвователей не тратил столько средств на сибирские издания, как И/ннокентий/М/ихайлович/".

Нередко И.М. Сибиряков оказывал денежную помощь газете "Восточное обозрение", да и поездка Н.М. Ядринцева в Америку, на промышленную выставку в Чикаго, была бы невозможна без капиталов Сибирякова. Эта поездка позволила Ядринцеву собрать богатый материал по интересующей его теме колонизации различных земель.

Иркутск не был обделен людьми, заботящимися о его благополучии. Истинными патриотами-сибиряками были и Базановы. Плодами забот Ивана Ивановича и его супруги о больных детях и сиротах стали детская больница, в которой до сих пор лечатся маленькие иркутяне, и приют для сирот. Достоянием своих родителей и Юлии Ивановны Базановой. Помимо продолжения отцовского дела благотворительности, она заботилась о нуждах просвещения и в Сибири, и в Москве. Крупные суммы жертвовала Обществу вспомоществования студентам Московского университета, Обществу пособия учащимся сибирякам и сибирячкам. На Девичьем поле в Москве на ее средства были построены университетские клиники. Ежегодно она приходила на помощь нуждающимся студентам. "Она раздала все

овои миллионы, и у нее осталось всего 300 тысяч рублей, из процентов с которых она отдавала добрую половину на общественные дела" – вспоминал И.И. Попов. Среди этих дел значатся также издания книг с благотворительной целью – в пользу опять же Общества содействия учащимся сибирякам, о чем прямо говорилось на обложках книг. Например, книга П. Головачева "Сибирь. Природа. Люди. Жизнь". Здесь Юлия Ивановна выступила не только как издатель – книга была богато иллюстрирована снимками из коллекций самой Ю.И. Базановой, а также В.П. Сукачева, В.Ч. Дорогостайской, М.М. Зензинова и др. В пользу школ одного из округов Иркутской губернии, Киренского, Базанова издала составленную К. Кокчулиным памятную книжку "Школы и грамотность в Киренском округе Иркутской губернии".

В пользу общества учащихся издавались книги и частными лицами, и различными организациями. Например, "Исторический очерк Сибири" издал в Иркутске историк В.К. Андриевич, справочник "Иркутск в кармане" – Н.С. Чирков. Иногда в роли издателя выступало иркутское общество "Просвещение". Среди его книг, кроме собственных отчетов, сборник народных песен, народные книги на бурятском языке.

Многое сделал для нужд просвещения иркутский городской голова, известный миллионер-меценат В.П. Сукачев, чья коллекция положила начало Иркутскому художественному музею. В 1891 г. в Москве вышла его книга "Иркутск, его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири". На обложке сообщалось, что книга издана в пользу Общества иркутских общедоступных курсов и Общества содействия учащимся сибирякам в Петербурге. С такими же целями выпущены и Программа исторического статистико-экономического описания города Иркутска, и открытки с видами Байкала и Иркутска.

Заметным явлением стала книга "Первое столетие Иркутска", изданная Сукачевым также в пользу Общества содействия учащимся сибирякам. Книга была приурочена к 250-летию Иркутска, и даже обложку выполнили в той же цветовой гамме, что и древний герб города – по серебряному полю красное и черное.

Издавало книги и брошюры и само Общество содействия учащимся. В смете его расходов была специальная статья на типографские и издательские нужды, хотя ежегодно по ней тратилось

немного, так как каждый раз для издания очередной книги находились дополнительные капиталы кого-нибудь из состоятельных и щедрых сибиряков, членов Общества.

Большую роль играли благотворительные издания в деятельности ВСОРТО. "Частная инициатива и лучшие люди из сибирских капиталистов все чаще приходят на помощь науке и образованию", — писала газета "Сибирь". Кроме "Известий", брошюр и научных монографий, ВСОРТО издавало и книги, представляющие широкий интерес, например, "Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии". Это богатое издание готовилось для Всероссийской и Нижегородской выставок. Фотоснимки оделаны и изданы на средства Д.И. Базановой, а сама книга — на средства В.П. Сукачева.

К благотворительным изданиям с полным правом можно отнести журнал "Сибирский архив" ("Сибирская летопись"), издававшийся поочередно в Иркутске и Минусинске, в зависимости от должностных перемещений редактора-издателя, учителя истории А.И. Линькова. Все сотрудники журнала работали в нем безвозмездно, только ради сочувствия журналу, посвященному прошлому Сибири.

Названные имена издателей и книги показывают далеко не полную картину, скорее, только общую тенденцию развития частного издательского дела в Иркутске и в Сибири.

В.А. Гаврылко (Кемерово)

**КНИЖНОЕ ДЕЛО КУЗБАССА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД:
ПРОБЛЕМЫ ЗАРОЖДЕНИЯ КНИГОИЗДАНИЯ И КНИГОТОРГОВЛИ
(конец XIX — начало XX в.)**

Книжное дело Кузбасса дореволюционного периода — одна из наименее изученных страниц истории книги в Сибири. Известны две основополагающие работы по данной теме — статьи А. Мазюкова и М. Дычагина, напечатанные в газете "Кузнецкий рабочий" (1970, 1 июля; 1979, 5 мая). Исследователи освещают вопросы истории печатного дела г. Кузнецка. Первая типография на территории современного Кузбасса, по мнению А. Мазюкова, была открыта в

в г. Кузнецке в 1911 г. и принадлежала И.С. Коковину, профессиональному полиграфисту, до 1910 г. издававшему газеты и журналы в г. Иркутске. Оборудование типографии состояло из двух печатных машин. Ее основная продукция: бланки, объявления, бухгалтерские счета и др. Автор отрицает возможность издания книг в дореволюционный период в Кузбассе. Те же данные из истории открытия типографии и биографические сведения о И.С. Коковине содержатся в статье М. Дычагина, но в перечень продукции типографии исследователь включает и книги.

С 1804 по 1925 г. значительная часть территории Кузбасса входила в состав Томской губернии (Кузнецкий и Мариинский уезды), культурными центрами являлись города Кузнецк и Мариинск. Мариинск, по данным на 1907 г. насчитывал 17 877 жителей. Здесь проживали русские, латыши, эстонцы, евреи и другие национальности, что определяло неоднородный характер быта, традиций, культурных ценностей и потребностей жителей города. В городе было 8 учебных заведений, библиотека, большое количество торгово-промышленных предприятий.

Уездный город Кузнецк уступал в социально-экономическом и культурном развитии Мариинску. Население составляло 5 000 человек (1915 г.). Его состав был однороден. Заметно преобладали крестьянские хозяйства. Действовало пять учебных заведений, работала общественная библиотека. Небольшое количество торгово-промышленных предприятий занималось в основном обслуживанием нужд сельского хозяйства.

Социально-экономические, профессиональные и культурные потребности города Мариинска уже в 1902 г. вызвали необходимость открытия типографии. Нами установлено, что типография принадлежала потомственному почетному гражданину Мариинска Л.Д. Прейсману. Полиграфическую деятельность Л.Д. Прейсмана подтверждают данные "Сибирского торгово-промышленного календаря" (Томск, 1910) и "Сибирского торгово-промышленного ежегодника" (Спб., 1914). До 1902 г. в Мариинске и Кузнецке "типографий, литографий и словолитен", как писали в своих рапортах в Томское губернское управление мариинский и кузнецкий исправники, "не было".

Типографии был присвоен 7-й разряд, в ней работало пять

человек. Прейсман владел также переплетной мастерской, в которой было занято два человека.

Приступая к созданию (1903 г.) Справочной библиотеки по губернскому хозяйству, томский городокой голова в ноябре 1904 г. обращается в Мариинскую городокую управу с "убедительной просьбой не отказать выдать в библиотеку хотя бы по одному экземпляру местных городских изданий и других материалов" /1/. Можно сделать предположение, что в Мариинске типография в этот период занималась не только изданием ведомственных бланков, но и брошюр и книг.

В 1902 г. трое профессиональных полиграфистов – московский мещанин И. Феофилов, пермокий мещанин Н. Пономарев и крестьянин И. Бычков – просят томского губернатора о разрешении открыть еще одну типографию в Мариинске. Вопрос был решен положительно. 11 февраля 1902 г. И. Бычков дал объявление в "Томских губернских ведомостях" об открытии типографии в Мариинске. Дальнейшая ее судьба неизвестна. Издание же книг в Кузбассе в 10-е гг. XX в. является несомненным фактом: нам известно несколько мариинских изданий 1911 – 1917 гг.

Распространение книг в Томской губернии, в том числе в Мариинском уезде ("развоз книг по деревням"), было начато П.И. Макушиным в конце XIX в. В 1895 г. член торгового дома "Трифон Савельев и сыновья" И. Савельев просит разрешения на торговлю "книгами и картинами в г. Мариинске и его округе". Мариинский городокой голова 7 ноября 1895 г. отправляет депешу томскому губернатору: "Ввиду неимения в Мариинске книжных лавок, открытие в городе торговым домом торговли книгами и картинами весьма желательно" /2/.

В 1895 г. право на торговлю книгами получил нарымский мещанин П.С. Аликин (г. Мариинск). В 1896 г. в отчете о книжной торговле Мариинска значится фамилия еще одного торговца, мариинского мещанина А. Леденева. Книготорговлю вел и Л.Д. Прейсман, ему принадлежал книжный магазин в Мариинске. Кроме того, в городе работал книжный магазин А.П. Скуе. Книжная торговля ставила своей целью снабжение книгами не только города, но и его округа.

Исследователи культуры Сибири многие годы определяли на-

чальной границей своего исторического обозрения октябрь 1917 г. Это не всегда оправдано. Экономические, технические, общественно-политические условия Кузбасса в дореволюционный период складывались таким образом, что это вызвало необходимость появления основы печатной культуры — типографий, а также распространения книжной торговли еще до 1917 г.

Примечания

1. Сибирская советская энциклопедия. М., 1931, Т. 2. С. 778.
2. ГАТО, ф. 3, оп. I, д. 3782, л. II.

В.Н. Коновалова (Тюмень),

ИЗДАНИЯ ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО МУЗЕЯ (1893 — 1918 гг.)

В истории книгопечатания России немаловажная роль принадлежит изданиям различных научных, просветительских и общественных организаций, в массе появившихся во второй половине XIX — начале XX в. Историю их становления и развития можно проследить на примере "Ежегодника Tobольского губернского музея".

Тобольский музей, основанный в 1870 г. при Тобольском губернском статистическом комитете, был одним из двух (наряду с Минусинским) сибирских музеев, который выпускал печатные научные труды.

По словам В.Н. Волковой, к 90-м гг. XIX в. в Тобольске сложились "благоприятные условия для планомерной и целенаправленной издательской деятельности музея" /1/. В Тобольске действовали две крупные типографии: губернского правления и Тобольского епархиального братства, создававшие "устойчивую полиграфическую базу".

Вокруг музея "с глубокой верой в необходимость и полезность начатого дела" собрались все местные культурные силы города: учителя гимназии, служащие статистического комитета, сотрудники музея. А это давало стабильный состав авторов "Ежегодника".

Его организаторами были Г.В. Кузнецов, С.Н.Мамеев, Н.А.Лыткин, А.А. Терновский, Н.Д. Скалосубов, Д.Е. Луговской. Все они служащие Тобольского статистического комитета и одновременно корреспонденты и редакторы тобольских газет; "Тобольских губернских ведомостей", "Отдела сельского хозяйства и кустарной промышленности".

"Ежегодник Тобольского губернского музея" выходил с 1893 по 1918 г. Всего издано 29 выпусков. Последний вышел в период колчаковщины.

Выпуски "Ежегодника" печатались по мере накопления материала. Ежегодно в зависимости от денежных средств музея выпускали от одного до трех выпусков.

"Ежегодник" начинал издаваться в трудных условиях, без достаточных для регулярной работы средств и даже без ощущения сибирской общественности. Финансирование "Ежегодника" базировалось на пожертвованиях меценатов, и выпуск очередного номера постоянно находился под угрозой срыва: не хватало средств, чтобы заплатить за бумагу и печать. Не раз ставился вопрос о закрытии издания "до более благоприятного времени", предлагалось "печатать "Ежегодник" в виде особого приложения к неофициальной части "Тобольских губернских ведомостей".

"Ежегодник" носил характер повременного периодического издания с обширной программой. В структурном отношении он представлял собой четкую, логически стройную систему, которая складывалась по мере развития издания. "Ежегодник" состоял из официальной и неофициальной частей. В первой части печатались протоколы общего годичного собрания, отчеты секретаря, консерватора, библиотекаря музея, отчеты ревизионной, редакционной комиссий, хроника его деятельности, а также личный состав членов музея. Во второй части печатались статьи по вопросам истории, археологии, антропологии, этнографии, географии, промышленности, торговли, народного образования в крае, истории культуры, статистики, библиографии. Кроме того в "Ежегоднике" в качестве приложений публиковались труды комитетов по выставкам: по устройству сельскохозяйственной и кустарной выставки в Кургане (1896 г.) и Всероссийской художественно-промышленной выставки в Нижнем Новгороде (1896 г.).

Объем "Ежегодника" составлял в разные годы от 8,87 до 28,93 печатного листа. Таким немалым объемом "Ежегодник" обязан прежде всего деятельности одного из секретарей редакционной комиссии Тобольского музея Льва Евграфовича Дуговского. Он также сумел придать изданию приличную по местным типографским возможностям внешность.

Тираж "Ежегодника" в разные годы колебался от 300 до 750 экз., в отдельные годы доходил до 1000 экз. Это было связано с ростом количества подписчиков и потребностей в обмене. В годы революции (1917 - 1918) тираж "Ежегодника" резко сократился - до 250 - 300 экз. Издание распространялось следующим образом: 1) высылались подписчикам; 2) продавалось; 3) бесплатно раздавалось членам комитета Тобольского музея; 4) посылалось в обмен на труды других учреждений и обществ; 5) передавалось в дар учреждениям, высылалось почетным членам Тобольского музея, лицам и учреждениям, часто жертвующим в библиотеку музея печатные и рукописные произведения.

Подписная стоимость издания была небольшой: за один экземпляр - 1 р., с пересылкой - 1 р. 25 к.

Издание "Ежегодника" способствовало росту известности и популярности музея, расширению его научных связей. Он был для Тобольского музея основным источником обмена трудами с различными учреждениями и обществами. "Ежегодник" периодически высылался в 165 научных обществ и учреждений. Труды, полученные по обмену, передавались в библиотеку музея и составляли значительную часть ее фонда.

Таким образом, издательская история "Ежегодника Тобольского губернского музея" - это часть научного, музейного книгоиздания России XIX в. На его примере можно судить, как менялись структура, содержание, сфера распространения подобных изданий. "Ежегодник" стал собранием ценнейших сведений о крае, к которому до сих пор обращаются многие исследователи и краеведы.

Примечание

1. Волкова В.Н. Сибирская книга второй половины XIX в. // 200 лет книгопечатания в Сибири. Новосибирск, 1939. С. 74.

ТОБОЛЬСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX в.

Конец XIX - начало XX в. - это период расцвета издательского дела в Тобольской губернии. Одним из крупных печатных органов становятся "Тобольские епархиальные ведомости", выходившие с 1882 по 1919 г. Они выпускались от 2 до 4 раз в месяц сначала в типографии Калининой, затем в типографии Тобольского епархиального братства.

Цена годовой подписки непрерывно повышалась (от 5 до 30 р.), о тираже издания косвенно можно судить по данным отчетов епархиальной типографии. Так, за 1909 г. тираж "Ведомостей" не превышал 1000 экз. (в России в тот период тиражи изданий колебались от 125 до 5000 экз.).

Анализ публикаций "Тобольских епархиальных ведомостей" за 37 лет их существования приводит к выводу, что религиозный институт того времени - это органически неотъемлемая часть жизни общества. Епархиальный печатный орган на своих страницах в эмоциональной форме реагирует на тревожные явления в жизни людей, здесь нет погони за сенсацией.

Условно можно выделить пять основных направлений по характеру публикаций.

1. Идеологическое с освещением вопросов абстрактно-теологического, конкретно-теологического и религиозно-государственного планов.

2. Политическое, в котором нашло место обсуждение вопросов переустройства общества.

3. Социально-нравственное направление, где обсуждались вопросы семьи, велась борьба с получившим в то время распространение таким народным бедствием, как пьянство.

4. Бытовая сфера, где излагались советы для повседневной жизни человека.

5. Хроника текущих событий, объявления, реклама.

Статьи абстрактно-теологического плана находят место на страницах "Тобольских епархиальных ведомостей" с одной и той же регулярностью на протяжении всех 37 лет издания. Здесь и

толкования различий католицизма, протестантства и православия, вопросы о месте рационального начала в духовной жизни верующих, как, например, в работе "О православии церкви" ("Тобольские епархиальные ведомости", далее по тексту ТЕВ. 1883, № 5, 6). Сюда же относятся публикации богословского характера – своего рода подробный церковный катехизис, составленный как священнослужителями Тобольской епархии, так и других, преимущественно центральных епархий России. Статьи написаны в изысканно-художественной манере, могут служить образцом литературной формы того времени.

Характерной чертой деятельности служителей культа Тобольской губернии была масштабная миссионерская деятельность, борьба с расколом, принимавшая большие масштабы особенно после указа 1905 г. о веротерпимости. Публикации составлены в форме бесед, например, "Отповедь старообрядцам, преимущественно беспоповцам".. Тобольский миссионерский комитет регулярно издавал отчеты о своей деятельности.

Проблема отделения церкви от государства рассматривается тобольским печатным органом как подрыв государственных основ Российской империи. Статьи носят резкий характер. Так, в статье "Жизнь без Бога" автор пишет, что развращение нравов всегда сопровождалось наибольшим разливом в обществе атеистических настроений – это эпоха господства в Греции софистов, последние времена Римской империи, эпоха Французской революции (ТЕВ. 1912. № 18. С. 410 – 420). Нечто подобное, по мнению тобольских церковных публицистов, происходит в России в период с начала 900-х гг.: "Там, где нужно низложить престол, необходимо бывает опровергнуть алтарь" (ТЕВ. 1916. № 31. С. 651). Бойкотируется предложение Государственной думы о введении выборного начала в церкви (ТЕВ. 1916. № 15. С. 249)..

Начиная с 1905 г. "Тобольские епархиальные ведомости" – издание острополитического характера, выражавшее непримиримое отношение к теориям нового переустройства общества. Авторы Епархиальных ведомостей пишут о вредном влиянии на людей "лжеучителей" из числа политических ссыльных, "отрицающих законную власть, не желающих честным путем приобретать себе пищу, проповедующих "гнусный коммунизм", где уничтожается частная

собственность, парализуется честный труд, при этом грабежу и насилию предоставляется полный простор" (ТЕВ. 1908. № II. С. 82).

Публикации 1918 г. – это своеобразное хронологическое описание непрерывных конфликтов русской православной церкви с учреждениями Советской власти. Ценность сибирских изданий подобного рода усиливается тем, что в западной части России религиозные издания к этому времени в большинстве были закрыты. Ведомости пестрят заголовками типа: "Молитва о спасении церкви Православной", то и дело печатаются сообщения о посягательствах на жизнь священнослужителей, разрушении и осквернении храмов, разграблении церковного имущества. И, наконец, 1919 г. – это кульминация непримиримого отношения служителей культа к новой власти вместе с надеждой на скорейшую победу над большевиками армий Колчака, Юденича, Деникина (ТЕВ. 1919. № 6. С. 104). Здесь печатается хроника массовых расстрелов священнослужителей в разных губерниях России. Вот характерные заголовки статей: "Пермские ужасы большевизма", "Большевистские зверства", "Насилие над архиепископом", "Новый вид зверств", "Мученики красного террора", "Мученики XX века", "Памятник Иуде Искарйоту". Помещены объявления о продаже брошюры с кратким жизнеописанием погибшего в 1918 г. Тобольского епископа Гермогена (выпущена тиражом 2 200 экз.). По мнению представителей Тобольской епархиальной печати, приход "антихриста", о признаках которого неоднократно сообщалось, начиная с 1884 г., осуществился в 1917 г. в лице вождя большевиков В.И. Ленина (ТЕВ. 1919. № 19 – 20. С. 293).

Статьи социально-нравственного плана отличаются наибольшей остротой в 10-х гг. XX в. Характерна в этом отношении перепечатка работы священника Д. Березкина "В чадху порнографии". В ней приводится тревожная статистика роста венерических заболеваний, самоубийств среди молодежи, небывалое распространение низконравственной литературы детективного жанра, ницшеанского толка, книг, проповедующих преклонение перед пороком, грубой физической силой, следствием чего является рост преступности, половой психоз (ТЕВ. 1910. № 4. С. 2 – 21). "Ожил древний Вавилон, воскрес нечестивый библейский пентаполь" (с. 10), "Нынче супружество, семья, эта "домашняя церковь", – считаются предрасудком, воспитательные дома переполнены незаконнорожденными, в

канавах, храмах, банях, чердаках находят поджидышей" (ТЭВ. 1912. № 19. С. 445).

"Тобольские епархиальные ведомости" приводят статистику резкого увеличения употребления спиртного в губернии. Вплоть до 1914 г., когда был издан указ Николая II о запрещении торговли вином, практически в каждом выпуске "Ведомостей" затрагиваются проблемы борьбы с алкоголизмом. Приводятся данные Всероссийского противоалкогольного съезда: на 10 русских деревень приходится один убитый на японской войне и четыре спившихся! Ежегодно от чахотки в России умирает 700 тыс. человек (75% всех умерших), из них 90% — по причине алкоголя (ТЭВ. 1912. № 19. С. 145-147). Желая помочь страдающим от пьянства, редакция публикует рекомендации народной медицины типа "Чай от запоя", с подробным описанием применения лечебных средств и местных трав.

Если в 80-х гг. на страницах "Тобольских епархиальных ведомостей" рекомендации житейского характера типа "Врачебные советы приходского пастыря" о способах лечения различных бытовых болезней — это редкость, то начиная с 900-х гг. в этом отношении журнал уже наполовину светского характера. Здесь и советы, как сделать обувь непромокаемой, как лечиться грязевыми ваннами, заметки о заготовке леса в неурожайные годы и т.д. Начиная с 1914 г., отдел хроники и объявлений неотрит сообщениями о вакансиях на различные должности церковных приходов, особенно в сельской местности.

Описываемое издание — своего рода литературно-историческая летопись религиозной жизни Тобольской губернии, а отчасти и России в целом.

Анализируя печатные материалы того времени, замечаем, что несмотря на тенденцию к снижению религиозного чувства в обществе, церковь сохранила огромное влияние на людей, являясь органической частью государства, искренне борясь за лучшую судьбу своей паствы и обнаруживая при этом поразительную стойкость и верность религиозно-нравственным установкам.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ
(90-е гг. XIX - начало XX в.)

В 1727 г. в Восточной Сибири возникла первая православная епархия - Иркутская. В ее составе долгое время находилась Забайкальская область со всеми церквями и монастырями. Самостоятельная Забайкальская епархия оформилась в октябре 1894 г., ее возглавил епископ Георгий. Дело оставалось за выпуском епархиальных ведомостей, которые с 80-х гг. XIX в. в массовом порядке выпускали в других епархиях.

В Иркутске епархиальные ведомости выходили с января 1863 г. по категорическому указу Синода от 23 октября 1862 г. Их выпуск организовал священник П. Громов, умный и образованный человек, редактор ведомостей до 1871 г. Архидиаконы Иркутска поддерживали свое детище: время от времени - по решению духовенства - на ведомости повышались подписные цены; многопричтовые церкви - по распоряжению архиепископа - выписывали по 2 - 3 экз. ведомостей; консистория давала на их выпуск денежные дотации. В 1905 - 1907 гг. архиепископ Тихон распорядился о перечислении каждой церковью на нужды ведомостей по 25 р. в год.

Структура епархиальных ведомостей была несложной: в официальном отделе помещались указы и определения Синода, читателей знакомили с жизнью православной церкви и т.д. Неофициальный отдел давал различного рода отчеты, исторические справки и др.

Забайкальская епархия давно стремилась обзавестись собственной типографией. Впервые вопрос этот был поднят на II епархиальном съезде летом 1897 г. в Чите. Попытка не удалась, однако выручил архиепископ иркутский Тихон: за плату материал по Забайкальской епархии решено было размещать в "Иркутских епархиальных ведомостях". Такое положение сохранялось до конца 1899 г., а с I января 1900 г. в Чите стали выходить "Забайкальские епархиальные ведомости". Сразу же начались и мытарства на издательской почве: заказы пришлось размещать в основном в частных типографиях Читы, малая зарплата не позволила привлечь хороших журналистов, менялись редакторы (соответственно - свя-

щенники М. Колобов, Еп. Кузнецов, преподаватели духовного училища В. Сибирский, М. Злобин и др.). Доходов от реализации ведомостей епархия не получала, а дотаций отпускала предостаточно. Выходили ведомости не очень аккуратно: это часто зависело от каприза владельцев типографий, на выход их влияли забастовки типографских работников. Кроме того, забайкальский епископ Мефодий в 1905 - 1907 гг. сверхтщательно просматривал и задерживал материалы ведомостей, боясь проникновения в них "крамолы".

В июне 1907 г. забайкальское духовенство на очередном съезде вело серьезный разговор об улучшении работы епархиальных ведомостей (по примеру Енисейской и Иркутской епархий). Ровно было усилить финансирование ведомостей за счет повышения подписной платы, заменить ведомости на "беспартийный церковный орган" "Забайкальскую неделю" (выпуск предполагался по воскресеньям с января 1908 г.). Были назначены два ответственных редактора из наиболее образованных священников (С. Старков и Г. Георгиевский). Кроме того, была создана комиссия по закупке типографии (!) для епархии, которой выделили 5000 р.

Через некоторое время, в октябре того же года, забайкальское духовенство получило хороший шанс приобрести долгожданную типографию: на торги были представлены сразу четыре типографии стоимостью от 5500 до 6670 р. Комиссия по закупке типографии начала торг с госпожой Рейфович, которая продавала типографию за 5500 р., но выдвинула свое требование: госпожа Рейфович привозит в Читу и размещает сама свою типографию для епархии. Естественно, что епархия не собиралась оплачивать перевозку и установление оборудования, а Рейфович отказалась продавать типографию. Скупой платит дважды: типографию епархия так и не приобрела. Заказы свои она продолжала размещать в частных и ведомственных типографиях.

Время от времени небольшими тиражами, экономя средства, епархия выпускала листки о церковных праздниках, с текстами общеупотребительных молитв, призывами к благотворительности, разнообразными рекламными объявлениями заводов и фабрик России и Сибири, выпускавших церковную утварь.

Весьма редко епархиальное ведомство Забайкалья позволяло себе выпуск книг и брошюр: это требовало большого напряже-

ния его финансовых возможностей и творческих сил. Удачей можно считать "Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1907 год", выпущенный Читинским церковным братством. Ранее, в 1899 г. была отпечатана оемистраничная брошюра "Церковно-школьное дело в Забайкалье на Читинской выставке 1899 года". В 1905 г. троицкосавская типография А.С. Лушников, по заказу духовной консистории, издала брошюру в шестнадцать страниц "Сказание о овятом кресте и об исторической иконе Божией матери гор Селенгинска". В 1911 г. читинское Товарищество печатного дела выпустило брошюру начальника Забайкальской духовной миссии архимандрита Вфрема "Иргень - место овятое" /1/. Если дизайн более или менее объемных книг был удовлетворительным, то исполнение брошюр оставляло желать лучшего.

Своей типографией Забайкальская епархия так и не обзавелась. Вероятно потому, что запрашиваемые цены за оборудование казались ведомству довольно высокими, проще было размещать заказы в читинских и областных типографиях. Однако, если походить из суждений бывшего редактора "Забайкальских епархиальных ведомостей" Н. Тараторина, забайкальское духовенство не особенно было озабочено судьбой своего епархиального печатного органа.

Примечание

1. Забайкал. епарх. ведомости. 1907. № 20. С. 444; № 22. С. 483; Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1907 год. Чита, 1908; Церковно-школьное дело в Забайкалье на Читинской выставке 1899 года. Чита, 1899; Сказание о овятом кресте и об исторической иконе Божией матери гор. Селенгинска. Троицкосавск, 1905; Вфрем, архим. Иргень - место овятое. Чита, 1911; Забайкал. епарх. ведомости. 1904. № 13. Прибавления. С. 194, 195.

ВЕРХНЕУДИНСКИЕ ТИПОГРАФИИ НАЧАЛА XX в.

Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), лежащий на ключевом пути в нерчинские заводы и Дальний Восток, занимал в XVIII – XIX вв. выгодное географическое и экономическое положение. Город имел культурные традиции, восходящие к XVIII столетию, тонкую образованную чиновно-купеческую прослойку. Однако слабое развитие промышленности и ремесел, положение поселения, не ставшего значительным административным центром, малое количество просвещенной интеллигенции затормозили социально-культурное развитие Верхнеудинска. Необходимые условия, способствующие образованию типографий, зарождению книгопечатания, сложились здесь позднее, нежели в других городах Забайкалья.

Первым печатным изданием в Верхнеудинске, по некоторым свидетельствам (Е.Д. Петряев, Н.В. Ким), явился листок-блестень телеграфного агентства, выходивший в 1882 г. в течение нескольких месяцев. Данные эти нуждаются в проверке и уточнениях, ибо факт выпуска блестеня предполагает полиграфическую базу, а в дальнейшем – хотя бы слабые следы издательской деятельности. В отчетах же Верхнеудинской городской управы за более поздний период (1892 – 1895) однозначно указывается на отсутствие в городе типографий, литографий, металлографий и заведений, производящих и продающих принадлежности тиснения.

Строительство Сибирской железной дороги, начавшиеся с 1895 г. работы на Забайкальском участке дали новые импульсы для экономического и культурного роста Верхнеудинска. Первые известные нам архивные документы о попытках организации типографии относятся ко второй половине 90-х гг. прошлого века. Связаны они с именем крестьянина Саянтуевского оедения А.Д. Рейфовича.

В августе 1899 г. Рейфович обратился с письмом в городскую управу, в котором писал: "Имея, о разрешения надлежачего начальства, копировальный аппарат "Гектограф" для печатания афиш, объявлений и проч/его/, я давно убедился уже, /.../ что Верхнеудинск крайне нуждается в местной типографии, так

как в данное время /.../ вынуждены посылать свои заказы в гг. Читу или Иркутск /.../. Не смотря таким образом на явную необходимость в открытии в г. Верхнеудинске типографии до сих пор не нашлось ни одного предпринимателя".

Именно Рейфовичу и принадлежит честь открытия в начале XIX в. первой типографии в Верхнеудинске. Точная дата ее организации, штаты, состав оборудования, наличие шрифтов не установлены. Располагалась типография в доме на набережной Уды и печатала афиши, объявления, деловые бумаги, визитные карточки и небольшие по объему брошюры. Завоевала популярность у горожан и переплетная мастерская Рейфовича.

В ноябре 1904 г. преуспевавший типограф получает права на издание первой в городе газеты "Верхнеудинский листок". Официальным ее редактором был утвержден частный поверенный И.М. Сипайло, но фигура эта была подставная. Сведения о настоящем редакторе разноречивы. Одни источники указывают на народника Л.Ф. Мирского, отбывшего каторгу на Каре и жившего в Верхнеудинске на поселении. Другие – на инспектора народных училищ Верхнеудинского и Баргузинского уездов И.К. Окуницова. Появившаяся на гребне событий первой российской революции газета имела демократическую направленность, корреспондентов из подпольных организаций и часто помещала материалы острого характера. 19 января 1906 г. газета распоряжением возглавлявшего карательную экспедицию генерала Меллера-Закомельского была закрыта, типография опечатана. На квартире Рейфовича произведен обыск, а сам он и редакторы арестованы и заключены в знаменитый Верхнеудинский тюремный замок.

В течение почти четырех месяцев типография не действовала и открылась только 16 мая, хотя сам Рейфович все еще находился в тюрьме. По доверенности делами заведения занялась его жена Софья Лазаревна. Дальнейшая судьба первенца полиграфии Верхнеудинска не совсем ясна. Скорее всего, по отбытии срока наказания Рейфович был лишен права иметь типографию и вынужден распродать ее имущество.

Документально установлено, что основным покупателем печатных станков у Рейфовича был мещанин С.Б. Нодальман, открывший в первой половине 1906 г. собственную типографию "Прогресс", а при ней переплетную мастерскую и книжный магазин. Вскоре он

начинает выпускать газеты "Байкальская волна", "Прибайкалье", "Байкальская струя". Как известно, газеты эти были легальными органами Верхнеудинской организации РСДРП. Они, как и "Верхнеудинский листок", имели "зид-редакторов", хотя в действительности их редактировал большевик Б.З. Щумяцкий, командированный специально для этих целей в Верхнеудинск. Помогали Нодельману в выпуске периодических изданий и социал-демократы Кыхты-Троицкосавска, направившие к нему четырех опытных наборщиков, работавших ранее в типографии И.А. Душникова.

Газетам, наполненным статьями "непозволительного" содержания, суждена была недолгая жизнь. Просуществовав каждая менее месяца, они одна за другой запрещались администрацией. Последняя из них, "Байкальская струя", была приостановлена в ноябре 1906 г. за статью в № 5 "Ты улысь мои печали". По-видимому, репрессиям подвергся и владелец типографии, так как в этом же месяце он передает права на нее своему родственнику Г.А. Нодельману. Получив разрешение на издательскую деятельность в феврале 1907 г., Г.А. Нодельман выехал из Верхнеудинска в 1908 г., а типография вновь вернулась в ведение С.Б. Нодельмана. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с обычными для тех лет попытками ввести в заблуждение власть относительно истинных владельцев дела с помощью нехитрого камуфляжа.

По неизвестным причинам типография С.Б. Нодельмана в 1909 г. вновь привлекает внимание жандармов и опечатывается. После снятия ареста ее с 27 июля 1909 г. берет в аренду купец С.И. Ровенштейн. Согласно протоколу очередного полицейского осмотра от 6 апреля 1910 г., в типографии имелось 3 скоропечатных машины фабрик "Аугсбург", "Гамм", "Кёниг и Бауэр", 2 прессы марки "Франц Марк и К^о" и "Эмиль Каль", шрифтов разных 182 пуда 1,5 фунта, линеек, украшений и политипажей 83 пуда 26 фунтов, а также 44 комплекта деревянного шрифта. Помимо этого лично у Нодельмана оставалась не отданная в аренду печатная машина "Кёниг и Бауэр" и некоторое количество шрифта.

По числу рабочих, объемам производившихся работ типография Нодельмана была маленьким полиграфическим предприятием. В 1910 г., например, в ней числилось до 20 человек обслуживающего персонала.

Удалось проследить, что типография Нодельмана существова-

ла до 1920 г., после чего взята в аренду городской управой. Передача типографии городу, возможно, вызвана тем обстоятельством, что отступающие семеновские части вывезли из Верхнеудинска в Читу одно из печатных предприятий. Составляя смету расходов на содержание типографии, Нодальман указал ее штат: заведующий, 4 наборщика, печатник, 2 наладчика, 2 вертальщика и переплетчик.

По разрешению военного губернатора Забайкальской области от 27 марта 1906 г. в Верхнеудинске открыл печатное заведение именитый купец А.К. Кобылкин. Размещалось оно по Большой Николаевской улице, в специально выстроенном во дворе дома Кобылкина двухэтажном здании. Судя по результатам полицейской ревизии от 10 мая 1911 г., типография имела довольно слабую материальную базу: скоропечатную машину "Аугсбург", ножную американскую "Либерти", корректурный валик, просекательный и бумагорезательный аппараты. Шрифта металлического, не считая медного, и различных материалов для печатания числилось 130 пудов 3/4 фунта. Для открытой в декабре 1909 г. переплетной мастерской дополнительно были выписаны проволокошпигательная машина "Бренсер, № 5" и картонорубилка "Краузе". Работала при типографии и небольшая фабрика по изготовлению каучуковых штампов.

Кобылкин также имел связи с социал-демократическими организациями Забайкалья. В 1906 - 1907 гг. корректором в типографии был А.А. Черных - телеграфист Кяхтинско-Троицкосавской почтовой конторы, участник марксистских кружков, член Верхнеудинской организации РСДРП. В 1910 г. типографией заведовал П.А. Саплин - бывший владелец первой частной типографии Кяхты, затем управляющий типографией И.А. Душникова. Профессиональный полиграфист, Саплин, несомненно, помог Кобылкину поставить дело на должную высоту. В феврале 1906 г. Саплин, причастный к устройству народных собраний, изданию запрещенной кяхтинской газеты "Байкал", был заключен в тюрьму. Типография Кобылкина, предположительно, просуществовала вплоть до Октябрьской революции.

Анализ изданий первых типографий Верхнеудинска дореволюционного периода затруднен, так как весь их массив не выявлен, многое утеряно безвозвратно. Знакомясь с немногими сохранившимися образцами продукции их печатных станков, можно все же

предположить, что помимо деловых бумаг и газет они выпускали в основном скромные по объемам и тиражам брошюры официального (уставы, протоколы, отчеты) и историко-краеведческого (история церквей, учебных заведений, строительство железных дорог и т.п.) характера.

Верхнеудинские полиграфические предприятия начала XX в. в силу различных причин не поднялись до уровня аналогичных заведений фабричного типа крупных культурных центров Сибири. Тем не менее. их положительное значение в том, что они заложили основы газетно-журнального и книгоиздательского дела в Прибайкалье.

Г.И. Кан (Томск)

РЕВОЛЮЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Б.Д. ОРЖИХА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (начало XX в.)

В начале XX в. в России значительное распространение получила издательская деятельность революционных партий. Нелегальная революционная литература проникла во все уголки обширной империи. В Сибири и на Дальнем Востоке в годы первой русской революции наиболее успешно функционировали подпольные типографии организаций эсеров.

Среди организаторов вольной русской печати на Дальнем Востоке особое место принадлежит Б.Д. Оржиху.

Революционная биография Оржиха началась в Томске в рядах сибирского Красного Креста. 16-летний юноша занимался в кружках самообразования, под руководством В. Осипанова изучал труды Чернышевского, Добролюбова, Писарева, читал Тургенева, Достоевского, Помяловского.

В 80-х гг. Б.Д. Оржих активно работал в рядах народовольцев в городах юга России, стал инициатором и организатором воссоздания разбитой организации "Народной воли". Усилиями Б.Д. Оржиха были созданы типографии Южнорусской организации народовольцев в Таганроге и Новочеркасске. В 1885 г. удалось выпустить программную брошюру "Борьба общественных сил в России" В. Богораза и № II - 12 "Народной воли". Оржих сам рабо-

тал в типографиях, собирал хронику, хлопотал о передовицах, корреспонденциях, а затем развозил отпечатанное по городам России.

Приобретенный опыт в организации и распространении нелегальной печати пригодился ему потом в далекой ссылке. После 9 лет одиночного заключения в Шлиссельбургской крепости Оржих в 1898 г. был выслан в Приморскую область.

В ЦГА РСФСР ДВ (г. Томск) обнаружены документы, позволяющие проследить судьбу Б. Оржиха, связанную с его революционной и издательской деятельностью на Дальнем Востоке.

Со свойственной Оржиху страстностью, неутомимостью, ненавистью к царящему в России деспотизму он включился в революционную жизнь Приморья. Большое значение в борьбе с царизмом придавал организации широкой пропаганды революционных идей через нелегальную печать. Печать должна была сыграть консолидирующую роль. Для задуманного издательства нужны были средства, и Оржих в 1901 г. добивается от властей разрешения организовать садовое заведение во Владивостоке. Предприятие давало доход, приносило репутацию благонадежного преуспевающего коммерсанта, под предлогом коммерческих дел появилась возможность выезда в различные города. Документы фиксируют неоднократные посещения Оржихом Хабаровска, Харбина, Иркутска. Во время поездок устанавливались связи с местными революционными группами. Так, из воспоминаний Оржиха известно, что в последнюю поездку в Иркутск в 1905 г. он посетил там соратника по работе в таганрогской типографии З. Когана, а бывший народоволец Михалевич снабдил его целым чемоданом нелегальной литературы для Владивостока.

Оржих активно сотрудничал в местных газетах, пытался добиться разрешения на издание своей газеты, был членом партии социалистов-революционеров, в 1905 - 1906 гг. он - один из руководителей революционного движения во Владивостоке - участвовал в издании воззваний к населению. После разгрома январского 1906 г. восстания солдат и матросов эмигрировал в Японию.

В Нагасаки, где возникла колония русских политэмигрантов, был создан Восточно-автономный заграничный комитет партии С-Р и организовано под руководством Оржиха издательство "Воля".

О деятельности этого издательства автор совместно с

С.А. Пайчадзе делал сообщение на Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения /I/.

Издательство "Воля" выпускало одноименную еженедельную иллюстрированную газету, воззвания, прокламации, брошюры, книги, сборники, альбомы, печатало открытки и портреты. При редакции "Воли" была организована продажа изданий, функционировала библиотека.

Подавляющая часть тиражей предназначалась для распространения среди населения и воинских частей Дальнего Востока. Через шанхайскую русскую почтовую контору издания "Воли" рассылались более чем в 30 городов России. 110 адресатов получали газету в Благовещенске, Иркутске, Томске, Харькове, Батуми и других больших и малых городах. Способы доставки литературы на материк были многообразны.

Революционно-издательская деятельность Оржиха вызывала большое беспокойство у царских властей, за ним была установлена агентурная слежка, а в июле 1908 г. японские власти опечатали типографию, так как начался поиск взаимовыгодных контактов между двумя империями, и царское правительство настаивало на принятии действенных мер по отношению к политэмигрантам, выступавшим против самодержавия. К тому времени дальневосточное эсеровское движение потерпело ряд серьезных неудач, после волн арестов оно находилось в состоянии кризиса.

Б.Д. Оржих эмигрировал в Южную Америку. Поселился в Сантьяго (Чили). Известно, что и там он продолжал пропагандистскую и издательскую деятельность. Выступал с лекциями по истории русского революционного движения, издавал журнал на испанском языке.

Изучение биографии Б. Оржиха, его революционно-издательской деятельности на Дальнем Востоке по материалам ЦГА РСФСР ДВ позволяет внести коррективы в литературу по истории русской вольной печати и существенно обогатить разработку темы.

Примечание

I. Книга и книжное дело в Сибири: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. по пробл. книговедения (23 - 25 окт. 1989 г., г. Новосибирск). Новосибирск, 1989. С. 74 - 77.

С Е К Ц И Я: БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО И КНИГОРАСПРОСТРАНЕНИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

С.В. Максимова (Якутск)

БИБЛИОТЕКИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ЯКУТСКА (начало XIX в. - 1917 г.)

Первые сведения о библиотеках г. Якутска относятся к началу XIX в. Однако их нельзя считать полными, так как целенаправленных, обобщающих исследований по этой проблеме еще не было. Некоторые факты можно почерпнуть из неопубликованных материалов Института языка и литературы, которые хранятся в фонде Центрального государственного архива ЯАССР.

В 1808 - 1862 гг. существовала библиотека при Якутском уездном училище, в 1861 г. ее фонд насчитывал 1002 наименования книг и журналов. В 1862 г. была открыта Епархиальная библиотека, которая сгорела в 1870 г. Маленькие библиотечки имели Якутская мужская прогимназия и Якутская духовная консистория.

Во второй половине XIX в. в Якутске появляются частные библиотеки. Заслуживает внимания работа библиотеки, принадлежавшей купцу М.А. Шестакову, открытой в мае 1870 г. Книги выписывались из Москвы и Петербурга на средства владельца. Он проявлял большую находчивость в комплектовании фонда, о чем свидетельствует письмо, сохранившееся в архивном фонде канцелярии Министерства путей сообщения в Ленинграде. М.А. Шестаков обращается к министру с просьбой помочь библиотеке выделением книг и журналов, издаваемых ведомствами Министерства. Всего за годы деятельности М.А. Шестакова им приобретено более 7 тыс. названий книг и журналов. Библиотека действовала 3 года, в 1873 г. перед отъездом из города Шестаков ее продал купцу Соловьеву, затем она перешла к крестьянину Вильконецкому, далее сведения теряются. Перед тем как продать книги частному лицу, Шестаков, понимая необходимость библиотеки для города, предложил городской думе купить ее и сделать общественной, но ему было отказано.

Публичная библиотека оставалась насущной необходимостью. В 1882 г. пытались открыть библиотеку городской секретарь Москвы и губернский секретарь Трифионов, но городская дума не поддержала

этот почин "в виду недостатка городских средств". И только 1 апреля 1886 г. в Якутске открылась Городская публичная библиотека в зале городского общественного управления. Инициатором устройства библиотеки выступил епископ Якутский и Вилюйский Иаков. Он первым пожертвовал для библиотеки более 200 книг, принял на себя расходы по вознаграждению библиотекаря, привлек к пожертвованию и других лиц. Первыми на призыв отозвались императорское Экономическое общество, местная духовная семинария, духовная консистория, городская управа. Поступили в библиотеку книги и от частных лиц, наиболее крупные - от потомственного почетного гр. Сибирякова и местного губернатора К.Н. Светлицкого. Как видно из отчета библиотеки с апреля 1886 г. по 1888 г., составленного первым библиотекарем Николаем Иосифовичем Москвиным, к концу 1886 г. в книжном фонде числилось 570 названий, в 1888 г. - свыше 1400 названий книг. В течение 1888 г. насчитывалось 30 - 40 подписчиков. Наибольшим спросом пользовались периодические издания, беллетристика, книги по истории, меньшим - книги духовно-нравственного содержания.

В 1887 г. по ходатайству Якутского комитета Миссионерского общества перед Якутской думой библиотеке было предоставлено помещение в городском общественном зале. С этого времени она становится официально Городской публичной библиотекой и получает от города ежегодные средства на содержание и выписку книг.

В 1887 г., по представлению библиотекаря, городская дума издает "Правила, соблюдаемые подписчиками и посетителями". На основании этих правил, книги выдавались для чтения в помещении библиотеки бесплатно, а на дом - за плату. В 1908 г. эти правила пересматривались, в этом же году был утвержден Устав библиотеки.

В октябре 1911 г. закончилось строительство двухэтажного каменного здания, предназначенного для музея и библиотеки, которое было начато после получения заявления колонии политссыльных Среднеколымска о том, что при создании необходимых условий для работы библиотеки в Якутске они готовы передать ей свой книжный фонд. Это начинание поддержали политссыльные Якутска, передовая общественность, интеллигенция.

С 1912 по 1915 г. Якутская городская публичная библиотека издает ежегодные отчеты, которые позволяют судить об основных

показателях ее работы. Первой попыткой изучения читательских интересов можно назвать приложение к отчету за 1914 г. "Якуты и книга: Кто из якутов читает? Что читают якуты?", составленное библиотекарем М. Виленской.

Количество посетителей за эти годы возрастает. Если в 1912 г. библиотеку посетило 4362 человека, то в 1915 г. - 17616. Причина роста посещений состоит в том, что библиотека с 1912 г. преобразована в бесплатную и работала ежедневно. Основным источником комплектования по-прежнему являлись денежные и книжные пожертвования. Фонд продолжал увеличиваться. Если в 1912 г. числилось 5727 экз., то в 1916 г. - 12612 экз. книг.

Таковы основные моменты деятельности Якутской городской публичной библиотеки со дня ее открытия до 1917 г. Впоследствии она была преобразована в Якутскую центральную библиотеку.

Второй доступной для горожан библиотекой была Бесплатная народная библиотека-читальня. В 1896 г. известный путешественник Г.Н. Потанин предложил бывшему тогда в Петербурге якуту В.В. Никифорову организовать Общество для устройства народной библиотеки-читальни. В.В. Никифоров заинтересовался этой идеей. За дело взялась И.Л. Лубенцова, жена председателя окружного суда. 12 января 1898 г. был утвержден устав общества и 2 февраля проведено первое общее собрание членов общества, на котором присутствовало 50 человек. Помещение для библиотеки-читальни предоставил безвозмездно Совет старшин Якутского благородного собрания.

Народная библиотека-читальня основана и действовала за счет пожертвований сочувствовавших просвещению масс и поступлений от спектаклей кружка любителей литературы и музыки. Согласно крайне реакционным "Правилам об областных народных библиотеках-читальнях" в фонд приобретались лишь те издания, которые одобрялись ученым комитетом Министерства народного просвещения. Министерские каталоги очень ограничивали возможности комплектования. Книги выписывались из магазина А.М. Копыловой в Петербурге. К началу своей деятельности библиотека-читальня имела 1247 разных книг и журналов.

Открытие библиотеки-читальни состоялось 9 августа 1898 г. В первый год библиотеку посетило 4342 читателя всех сословий. По сохранившимся ежегодным отчетам с 1898 по 1904 г. видно, что

число посещений и количество книг увеличивалось. В 1904 г. библиотеку посетило 5719 читателей, фонд составлял 3170 экз. книг.

В 1904 г. библиотека-читальня была выставлена из благородного собрания и перешла в помещение городской управы, затем в клуб Общества взаимопомощи приказчиков.

В 1911 г. вставал вопрос о слиянии библиотеки-читальни с городской публичной библиотекой, но библиотеку удалось отстоять. С 1911 г. дела библиотеки ухудшились, о чем свидетельствует статья В. Соловьева "Об открытии читальни и ее работе в дальнейшем". Он пишет, что с открытием городской библиотеки среди якутян интерес к обществу бесплатной библиотеки охладел и у общества в настоящее время нет ни средств, ни сил поддерживать библиотеку.

Бесплатная народная библиотека-читальня, открытая в 1898 г. была реорганизована в 1916 г. в библиотеку-читальню Якутского просветительного общества.

Открытие библиотек в дореволюционном Якутске стало заметным явлением в жизни города. Сохранившиеся книги Якутской городской публичной библиотеки и Бесплатной народной библиотеки-читальни хранятся в фонде ЯРНБ им. А.С. Пушкина. В дальнейшем необходима реконструкция фондов этих библиотек - путем изучения библиотечных печатей, печатных каталогов, читательских помет; их научно-библиографическое описание. Это позволит более полно воссоздать судьбу библиотек, выявить круг интересов читателей, определить их роль в процессе общественного развития.

Л.С. Лукьянова (Тюмень)

РОЛЬ КУПЦА Н.М. ЧУКМАЛДИНА В РАЗВИТИИ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА ТЮМЕНИ (вторая половина XIX в.)

Библиотечное дело Тюмени второй половины XIX в. неразрывно связано с именем купца-мецената Николая Мартемьяновича Чукмалдина (1836 - 1901 гг.)

Н.М. Чукмалдин - выходец из беднейшей крестьянской семьи. Мальчик на службе у богатого купца И.А. Решетникова, приказчик, компаньон лавки сестры хозяина, а затем и ее владелец - таков его путь в деловые люди. Накопив капитал более 70 тыс., переписи-

сывается в купцы I гильдии, заслуживает репутацию даровитого и основательного человека.

Отличительной чертой его характера было стремление к самообразованию, науке и деятельное участие в общественных делах. Он становится энциклопедически образованным человеком, владеет несколькими европейскими языками, много путешествует, пробует силы на литературном поприще. На протяжении всей жизни Н.М. Чукмалдин содействовал просвещению народа, приобщению его к книге, организации школ и библиотек.

Н. Чукмалдин был создателем уникальной книжной коллекции Тюменского музея.

"...Среди книг Тюменского музея немало ценнейших рукописей XVI – XVII веков. Коллекция печатных изданий включает настоящие жемчужины общеславянской и древнерусской культуры", – писал академик А.П. Окладников в 1972 г.

К числу инкунабул принадлежит одна из самых первых печатных книг – "Триодъ постная", изданная Фиолем Швайпольтом в Кракове (1491 г.). Среди редких книг – "Библия руска, выложена доктором Франциском Скориною из славного града Полоцька богу ко чести и людям посполитым к доброму научению" (Прага, 1519 г.); "Острожская библия" (1580 г.); "Псалтырь" Ивана Федорова (XVI в.); издание его преемника А.Т. Невежи "Апостол" (1597 г.); "Соборное уложение царя Алексея Михайловича" (1649 г.), "Учительное евангелие" К. Транквиллиона-Ставровецкого (1619 г.), "Грамматика" М. Смотрицкого (1619 г.), "Арифметика" Магницкого (1703 г.) и др. На всех этих книгах овалы красные с внутренним белым полем ярлычки-памятки "Н. Чукмалдин. Москва." Уже будучи признанным крупным сибирским коммерсантом, Чукмалдин со знанием дела собирал коллекцию старопечатных книг в городах России и за рубежом – в странах Европы и Востока.

Любовь к книге проходит через всю жизнь Чукмалдина. В молодости книги для чтения ему приходилось доставать с большим трудом читать урывками в лавке или дома по ночам. Об этом периоде он вспоминал: "Читать книги охота была сильная, а покупать их выписывая из Москвы, средств не было. Ни публичной библиотеки, ни городской читальни в Тюмени и в помине тогда не было".

"Эпоха великих реформ" – 60-е гг. воздействовали на Тюмень.

В многочисленных статьях 1863 г., напечатанных в "Тобольских губернских ведомостях", Чукмалдин создавал общественное мнение о необходимости публичной библиотеки в городе. Он предлагал свои варианты организации обслуживания населения книгой, устройства городской библиотеки при уездном училище. По его мнению, для учеников училища библиотека должна быть бесплатной, а для публики "гонорарий ... по возможности умеренный". И все-таки открытая в 1864 г. публичная библиотека была труднодоступной для менее платежеспособных мещан и разночинцев, которые более всего нуждались в книгах и стремились к знаниям. Чукмалдин с горечью констатирует индифферентность тюменского общества и скудость общественной инициативы. В этом он видит основную причину отсутствия библиотеки в городе. В своих статьях Чукмалдин предлагает список книг для пожертвования в будущую библиотеку, который свидетельствует о демократических взглядах владельца. При сравнении содержания печатного каталога публичной библиотеки (1864 г.) и пожертвованных Чукмалдиным книг становится очевидным, что последние явились основой ее книжного фонда.

По инициативе Чукмалдина в Тюмени в 1869 г. был открыт первый в Сибири клуб приказчиков. Для осуществления культурно-просветительных целей, кроме литературных и музыкальных вечеров, спектаклей, большие надежды возлагались на библиотеку. Создателем библиотеки при клубе, по воспоминаниям современников, был Чукмалдин. Бесплатная библиотека-читальня была учреждена в 1895 г., главным образом, на его средства. На протяжении многих лет он был одним из почетных членов Общества попечения о начальном образовании, благодаря материальной поддержке которого и существовало общество.

Чукмалдин не остался в стороне и от материальной поддержки Тюменского отдела Тобольского общества попечения о народной трезвости. "Сибирская торговая газета" в 1897 г. сообщала, что Чукмалдин принес в дар библиотеке общества "... сочинения русских писателей в роскошных переплетах более чем на сто рублей".

Многотомная богатая библиотека, собранная основателем и директором реального училища И.Я. Словоцким, была значительно дополнена кушом Чукмалдиным.

На родине Чукмалдина в селе Кулаково (в 16 верстах от Тюме-

ни) в построенной на его средства двухэтажной кирпичной школе выделена комната для библиотеки. Более 20 лет школа и библиотека (учительская), библиотека-читальня содержались на его ежегодные субсидии в 540 р. В 1886 г. Чукумалдин жертвует деньги на книги для библиотеки А. Суханова в Тобольске. В 1900 г. первым жертвует 1000 р. на строительство народной аудитории в Тюмени.

Чукумалдин содействовал просвещению не только у себя на родине - в селе, городе, но и в крае. Его патриотизм выразился не на словах, а на деле. Им руководило чувство здоровой гордости за развитие народного самосознания через книги и библиотеку.

Сегодня особенно важно помнить, ценить и уважать память о наших замечательных согражданах, оказавших глубокое воздействие на всю последующую общественную и культурную жизнь края.

О.Г. Никиенко (Томск)

О БЕСПЛАТНОЙ НАРОДНОЙ БИБЛИОТЕКЕ В ТОМСКЕ (80-е гг. XIX в. - 1919 г.)

С именем П.И. Макушина неразрывно связана история первой в России городской бесплатной народной библиотеки.

Тот факт, что ее двери распахнулись для читателей на четыре месяца раньше известной Тургеневской библиотеки в Москве, раньше чем это произошло в столичном Петербурге, нельзя объяснить или считать простой случайностью.

Открытие библиотеки пришлось на начало 80-х гг. XIX в., когда, по словам Н.М. Ядринцева, "после 300-летия Сибири жизнь получила такой толчок, перемена была так значительна, что нельзя не признать этого поворота за вступление Сибири в новый период истории" /1/. Этот период "возрожденческого подъема самосознания сибиряков, небывалого духовного роста во многом был подготовлен деятельностью Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина и других публицистов. Их статьи в "Восточном обозрении", "Сибирской газете" вызвали у населения Сибири живейший интерес к самим себе - к своей истории, культуре, будили патриотические чувства. Строительство университета, возникновение новых газет, оживление деятельности местных

научных обществ способствовали основанию в сибирских городах различных просветительских учреждений.

По инициативе П.И. Макушина, гласного городской думы, Общество попечения о начальном образовании начинает в 1882 г. свою деятельность в Томске. В него вошли представители местной администрации, профессора университета, преподаватели учебных заведений, местное купечество и сотни граждан, внося свою лепту в дело народного образования.

В 1884 г. Общество открывает народную библиотеку для тех, "кто не имеет средств учиться много и долго и лишен доступа в библиотеки платные"/2/. По мысли устроителей, библиотека должна стать "центром умственной и эстетической жизни города". Поэтому с самого начала, по убеждению П.И. Макушина, она должна быть солидно устроена: иметь собственное помещение, хорошие фонды, печатные каталоги. Петру Ивановичу удается воодушевить неграмотного купца-остяка С.С. Валтусова пожертвовать 15 тыс. р. на постройку дома для библиотеки. Двухэтажное каменное зданиеместило не только книги, но и аудиторию для воскресных чтений, музей учебных пособий, хоровые классы пения, театральный зал для любительских спектаклей.

Библиотека стала местом, где можно поменять книги или почистить газеты, послушать лекцию, осмотреть выставку, побывать на концерте, спектакле или танцевальном вечере. Такое разнообразие функций и бесплатное обслуживание делало библиотеку весьма привлекательной. У нее с самого начала сотни, а затем и тысячи подписчиков. По числу читателей она далеко превосходила все существующие до революции публичные библиотеки Томска: частную библиотеку П.И. Макушина, библиотеку Сибирской железной дороги, городскую публичную библиотеку. Для обеспечения сохранности книг существовала остроумная система поручительств, о которой одобрительно отзывался Н.А. Рубакин в "Этюдах о русской читающей публике".

Однако судьба библиотеки оказалась нелегкой: бедность и полное юридическое бесправие постоянно напоминали о себе. Согласно правилам 1890 г. народной библиотеке было разрешено иметь лишь 3,3% из всех книг, изданных на русском языке. Здесь причина того, что число книг в библиотеке росло медленно: 1 тыс. названий в 1888 г., чуть больше 7 тыс. в 1911 г., т.е. за 26 лет библиотека

пополнилась лишь 6 тыс. экз. Обращаемость фонда здесь всегда была чрезвычайно высокой: в 1892 г., например, она достигла 8,5 и никогда не опускалась ниже 5. Лучшие книги быстро ветшали, требовали ремонта. На замену таких изданий часто расходовались все средства, отпущенные на комплектование, пополнение фонда зачастую осуществлялось только благодаря пожертвованиям.

Городские власти грубо вмешивались в дела библиотеки.

В 1906 г. Общество попечения о начальном образовании было закрыто, библиотека передана в ведение городского управления, которое отдало ее в аренду Томскому отделению Союза русского народа. Год хозяйничали черносотенцы в библиотеке. После их ухода, по отзывам современников, она имела такой вид, точно здесь "Мамай прошел".

В 1909 г. П.И. Макушин добивается открытия Общества попечения о народном образовании. Новому обществу городская дума передает бесплатную библиотеку, для заведования которой избрана особая комиссия под председательством П.И. Макушина. Поскольку циркуляром 1905 г. каталоги Министерства народного просвещения были отменены, появилась надежда пополнить, наконец, библиотеку новыми книгами, значительно увеличить число периодических изданий, приобрести детскую литературу. Начали поступать пожертвования. Библиотеку удалось привести в приличный вид. Но в 1912 г. ее положение снова ухудшилось. Новые "Правила о библиотеках при низших учебных заведениях" вернули ограничительные каталоги, народные библиотеки опять отданы в ведение чиновников Министерства народного просвещения. В 1912 г. в бесплатной библиотеке произошел обыск, полицейские искали противозаконные издания. В особом шкафу, где хранились пожертвованные книги, не выдаваемые абонентам библиотеки, власти обнаружили издания "Донской речи" и конфисковали их. Обыск 1912 г., видимо, окончательно "отрезвил" П.И. Макушина, и больше к делам библиотеки он не возвращался.

Бесплатная народная библиотека все же просуществовала до 1919 г. Она должна войти в историю отечественного библиотечного дела не только потому, что стала первой городской бесплатной библиотекой в России. Самое важное — это тысячи читателей, преимущественно подростков и молодежи, приобщившихся к книге.

Мы должны отдать должное стойкости томичей — представителей самых разных слоев общества, поддерживавших библиотеку 35 лет

ее существования, их верности идеалам 80-х годов. И первым среди томичей мы называем имя Петра Ивановича Макушина.

Примечания

1. Адрянцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп. Спб.: Изд. И.М. Сибирякова, 1892. С. 642.

2. Отчет Общества попечения о начальном образовании в Томске за 1899 год. Томск, 1901. С. 23.

Г.С. Демьяненко (Томск)

ИЗ ИСТОРИИ ОБСЛУЖИВАНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ВУЗОВСКОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКОЙ СИБИРИ (1900 - 1925 гг.)

В "Проекте штата и учебного плана Томского технологического института" отмечалось: "Вновь проектируемый в Томске технологический институт не только сделается рассадником технического образования среди уроженцев Сибирского края, но и привлечет значительное число воспитанников из Европейской России...и, таким образом, явится новым связующим звеном между Сибирью и Европейской Россией".

В проекте указывалось, что институт является не только учебным, но и научным учреждением, в связи с чем, "учитывая сибирскую отдаленность от европейских культурных центров, вызывает необходимость хорошо обставить библиотеку по теоретическим предметам и выписать полные серии целого ряда журналов (с самого начала их издания), без чего не может научно работать ни один профессор".

Библиотека Томского технологического (ныне политехнического) института явилась первой вузовской научно-технической библиотекой Сибири. Она была открыта в 1900 г. с книжным фондом в 6 тыс. томов. Ее основателем был первый директор института Е.Л. Зубашев. По его поручению профессора и преподаватели составили списки книг и журналов по математике, теоретической механике, физике, химии. В первую очередь комплектовался фонд научной литературы. Учебная библиотека была открыта только в 1903 г. Таким образом, с этого

времени в библиотеке созданы два книжных фонда – научный и учебный.

Руководство работой библиотеки возлагалось на библиотечную комиссию. Так, 28 ноября 1900 г. на заседании Совета института "... директор предложил выбрать комиссию, которая бы заведовала выпиской книг для библиотеки института, выработала бы правила пользования книгами и т.д.". Однако только "когда председателем библиотечной комиссии был избран 23 октября 1901 г. В.А. Обручев, впервые начали вырабатываться те нормы, которыми и регулируется жизнь библиотеки по настоящее время".

В фонде библиотеки сохранился литографированный экземпляр "Правил заведывания библиотекою ТТИ, приобретения книг и пользования ими", составленных В.А. Обручевым в 1901 г. и отпечатанных в количестве 200 экз.

§ 18 "Правил пользования..." гласит: "Все лица, принадлежащие к учебному персоналу, как-то: профессора, преподаватели, лаборанты и ассистенты могут получать на дом сочинения в количестве не более (30) названий и на срок не более одного текущего учебного года".

§ 19 "Должностные лица института, не принадлежащие к учебному персоналу, могут получать не более 2-х томов на срок 4-х недель. Лица инспекции имеют право получать до 4-х томов на тот же срок".

§ 29 "Все студенты имеют право получать книги на дом в количестве не более 2-х названий, стоимость которых не должна превышать 20 рублей серебром".

§ 31 "При поступлении в институт каждый студент получает один экземпляр правил пользования библиотекой".

§ 41 "Все студенты могут пользоваться книгами для чтения в помещении библиотеки, кроме книг цензурного запрещения".

Для приема и выдачи книг профессорам и преподавателям в учебное время года библиотека была открыта от 9 часов до 4 пополудни и от 5 до 8 вечера, для студентов – от 10 до 2 часов и от 5 до 8 вечера; в то же время студенты пользовались в читальном зале изданиями, не выдающимися на дом. В каникулярное время издания из библиотеки профессорам выдавались от 10 до 2 часов ежедневно, кроме субботы, а студентам – от II до I часа 2 раза в неделю.

Сведения о количестве читателей в первые годы работы библиотеки не сохранились, но число студентов и преподавателей непрерывно росло, и в 1910 г. было 1427 студентов, 70 профессоров и преподавателей; количество выданной литературы - 25534 экз. Затем начинается снижение показателей. Резко сократилось число студентов института в 1917 г., в связи с чем уменьшилась и книговыдача литературы до 8433 экз.

Книжные фонды библиотеки использовались не только профессорско-преподавательским составом, но и студентами как в учебной, так и в научной работе. Об этом свидетельствует докладная записка председателя библиотечной комиссии А.Э. Сабека в Совет института: "В библиотечную комиссию поступило прошение студента IУ курса В.Л. Ванюкова, состоящее в том, что летними каникулами ему придется провести время на одном из Уральских заводов, где представляется возможным подготовить материал для обработки научной темы, так называемой "дипломной работы". Для таковой цели ему необходимы некоторые книги как общего характера, так и очень специального и потому недоступных по ценам".

Деятельность библиотечной комиссии была направлена "... в изысканию и осуществлению мер к обогащению книжного имущества библиотеки, к предоставлению пользующимся библиотекою возможно больших удобств". В числе ее постановлений заслуживают внимания также, как: создание сводного каталога "всех книжных богатств института для облегчения пользования ими преподавательскому персоналу", а также "О крайне неаккуратном возвращении студентами взятых ими книг в установленный срок". Комиссия пришла к заключению о необходимости наложения на неисправных студентов денежных штрафов, а "...взысканные суммы могут частью идти в фонд утверждаемой при институте студенческой библиотеки, частью же в пользу сторожей, которых надо посылать на квартиры к студентам сначала с повестками, а потом и за невозвращенными книгами".

С годами росло число преподавателей и студентов, увеличивался объем работы библиотеки с фондами и читателями, а ее штат по-прежнему состоял из библиотекаря и его помощника.

Октябрьская революция широко открыла двери учебных заведений для рабочих и крестьян, резко изменила состав студентов, а следовательно, и состав читателей.

Характеризуя деятельность библиотеки в 1923/24 г., ее заведущий М.А. Слободской писал: "Общее число выданных за год книг и журналов составляет 50348. Сама по себе цифра показывает, какую интенсивную работу пришлось вести библиотеке в отчетном году, но эта цифра станет еще красноречивее, если мы сравним ее с прошлогодней: общее количество выдач выражается цифрой 27125, таким образом, потребность в книге в отчетном году увеличилась вдвое, но количество новых поступлений возросло очень незначительно. Если принять во внимание, что покупательская способность преподавателей и в особенности студентов очень слабая, то будет понятен тот голод, который ощущают абоненты в книгах. Количество неудовлетворенных требований читателей в этом году составило 4599, что наглядно рисует этот голод..."

Дальнейшая перестройка деятельности библиотеки была связана с пропагандой фондов. С этой целью оформлялись книжные выставки, которые нередко устраивались совместно с библиотекой Томского университета, и постоянно действующие выставки новых поступлений.

Директор библиотеки Томского университета В.Н. Наумова-Широких, выступая на II Всероссийской конференции научных библиотек в 1926 г., отметила: "...библиотека Сибирского технологического института играет громадную роль не только для Томска, но и в общесибирском масштабе..."

П.З. Курусканов, канд. ист. наук (Омск)

ТОРГОВЛЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

Одним из примечательных явлений духовной жизни населения Сибири в начале XX в. было знакомство его с массовой бесцензурной политической литературой, выходившей в период первой российской революции 1905 - 1907 гг. в Петербурге, Москве и некоторых других городах Европейской России. Констатируя это, исследователи (историки, краеведы, книговеды), однако, недостаточно уделяют внимания тому, как конкретно обеспечивалось распространение указанной литературы в губерниях и областях Сибири. Между тем изучение данного вопроса позволило бы обогатить дополнительными сведениями

проблему постановки политико-просветительной работы в Сибири в дооктябрьский период.

В распространении политических книг и брошюр периода революции 1905 - 1907 гг. большую роль играла организация продажи их в населенных пунктах Сибири. Ведущее место в этом деле занимали частные книжные магазины, владельцы которых выписывали от издательств десятки наименований книг и брошюр, причем многие из них в значительном количестве. Так, крупные партии социально-политической литературы продавались в книжных магазинах П.И. Макушина в Томске и Иркутске. Ему, как и другим книготорговцам, приходилось считаться с запретом судебных органов на те или иные издания, поступившие уже в магазины. В качестве примера можно отметить следующее: в издававшейся им газете "Сибирская жизнь" в № 219 от 31 октября 1906 г. напечатан оплошк более 30 политических брошюр, изъятых из продажи.

В Красноярске большой выбор социально-политической литературы имелся в книжном магазине, принадлежавшем по документам В. Кривницкой, но фактически ее зятю Н.И. Трегубову, человеку демократических убеждений и весьма энергичному в торговом деле. В 1905 - 1912 гг. от разных издательств и магазинов он выписывал сотни политических книг и брошюр. Жандармы отмечали: "Усиленное распространение таких изданий было главной целью Трегубова". В феврале 1907 г. из его магазина полиция конфисковала 7265 экз. социально-политических книг, брошюр и журналов, а в июне 1912 г. 6130 экз.

Во время революции 1905 - 1907 гг. в Омске в районе железнодорожной станции, называвшемся Атаманским хутором, размещался книжный магазин В.И. Мезенцова. Он, согласно архивным источникам, торговал исключительно бесцензурными политическими изданиями. Временный генерал-губернатор Акмолинской области Папенгут, сочтя такое деяние преступным, распорядился конфисковать весь книжный товар и закрыть магазин.

Более осторожно, чем В.И. Мезенцов, вел торговлю А.С. Александров. Его книжный магазин, расположенный в центре Омска, также предлагал покупателям политические книги и брошюры, но наряду с художественными, религиозными и прочими изданиями. Последнее обстоятельство, вероятно, и избавляло А.С. Александрова длительное

время от неприятностей в общении с надзирающими должностными лицами. Однако в октябре 1908 г. и ему пришлось давать пояснения полиции по поводу наличия в подвальных комнатах магазина 2695 экз. запрещенных социально-политических книг и брошюр.

Политическими изданиями в прибайкальском городке Верхнеудинске приторговывал книжный магазин С.Б. Нодельмана, закрытый властями в декабре 1906 г. в связи с обнаружением в нем до 50 наименований книг и брошюр, посвященных разнообразным вопросам демократии, социализма и революционного движения.

Населению Сибири в период революции 1905 - 1907 гг. и некоторое время после нее социально-политическую литературу, возможно, предлагали, кроме названных магазинов, и другие. Например, на основании жандармских материалов можно предположить о распродаже ее в книжных магазинах Невской в Томени и Н.П. Литвинова в Новониколаевске (теперь Новосибирск), киоске С.Е. Булачева в Омске.

Вклад в распространение политической литературы в Сибири вносили местные организации социал-демократов и эсеров. Некоторые из них, установив связи с издательствами, открывали торговлю книгами и брошюрами соответствующих идейно-политических направлений. По воспоминаниям Л.А. Лужанской, в 1906 г. в Томске она в течение двух месяцев продавала в технологическом институте брошюры социал-демократической ориентации, выписанные местным комитетом РСДРП из Петербурга от издательств "Молот", "Вперед" и др. "Фирма" перестала существовать по требованию властей. В сентябре того же года полиция Томска установила книготорговую деятельность членов социал-демократической организации К.М. Кулеша, А.М. Шаболтаса и А.М. Левченко. При обыске в квартире, где они жили, были обнаружены "книга отчетности" по продаже социально-политических изданий и 264 экз. нереализованных брошюр.

Книготорговля имела место в деятельности Иркутского и Читинского комитетов РСДРП. На базе книжного товара, полученного от этих организаций, в ноябре 1906 г. социал-демократы Верхнеудинска открыли на базаре киоск, продержавшийся почти месяц, пока его не закрыла полиция. Книжный киоск некоторое время (в 1906 - 1907 гг.) имели и социал-демократы Новониколаевска.

В продаже политических изданий участвовали местные отделения Общества попечения о начальном образовании, имевшие, как вид-

но из материалов полиции, большую литературу периода 1905 - 1907 гг. Книготорговой деятельностью занимались и отдельные организации профессиональных союзов, в частности, железнодорожных рабочих и служащих.

Книжный товар революционных, профсоюзных, просветительных организаций и частных магазинов в целом содержал практически весь перечень политических книг и брошюр, выпущенных издательствами Петербурга, Москвы, Одессы и Ростова-на-Дону в 1905 - 1907 гг. Составляющими частями этой массовой литературы были:

1. Книги и брошюры основоположников пролетарского социализма К. Маркса и Ф. Энгельса (всего свыше 50 наименований, включая тематические сборники).

2. Книги и брошюры деятелей социал-демократии стран Западной Европы (И. Диггена, В. Либкнехта, А. Бебеля, Ф. Меринга, П. Лафарга, Ж. Гедэ, Ж. Жореса, К. Цеткин, К. Каутского, Э. Вандервельде, К. Либкнехта, Р. Люксембург, С. Дикштейна и др.), популярно излагавшие экономическую и социально-политические теории К. Маркса и Ф. Энгельса и посвященные классовой борьбе пролетариата в капиталистических странах.

3. Книги и брошюры В.И. Ленина, Г.В. Плеханова, Л. Мартова, М.С. Ольминского, В.В. Воровского, А.В. Луначарского, Н.А. Рожкова, А.А. Богданова, Ф.И. Дана и других, в которых разрабатывались и развивались идеологические и организационные принципы построения Российской социал-демократической рабочей партии, ее стратегии и тактики в революции 1905 - 1907 гг.

4. Брошюры о свободе, демократии и социализме, написанные с позиций мелкобуржуазной революционной демократии и буржуазного либерализма. Авторами их были народники, эсеры, народные социалисты, анархисты, кадеты, октябристы и т.д.

Наличие большой социально-политической литературы, возможность выбора ее по разным вопросам, рассредоточенность торговых точек по крупным и малым городам - все это характеризовало организаторов книжной торговли как людей, одержимых благородной идеей подъема политического сознания широких масс Сибири.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗДАНИЙ В СРЕДЕ
РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ
ВОЙНЫ И ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1904 - 1906 гг.)

Неудачное ведение военных действий командованием Маньчжурских армий привело не только к ряду крупных поражений, но и к значительным потерям убитыми, ранеными и пленными. Основная масса военнопленных пребывала в годы войны в специальных лагерях на японских островах. С другой стороны, в годы русско-японской войны на территории Японии оказалось немало эмигрировавших или бежавших из России революционеров. Поэтому, когда на островах появились пленные нижние чины и офицеры русской армии, жизнь революционеров-эмигрантов заметно оживилась.

Своей активностью выделялась Нагасакская группа, в которой тон задавали социалисты-революционеры. Созданный в этом городе Восточный заграничный комитет в феврале 1906 г. был признан в правах местного комитета ПСР. Для того, чтобы вести агитационную работу среди пленных и издавать революционную литературу, в Нагасаки было организовано издательство "Воля", просуществовавшее с весны 1906 до лета 1908 г. Значительная часть издаваемой здесь литературы предназначалась для распространения среди солдат и матросов русской армии и флота. В годы русско-японской войны в Японию для развертывания революционной пропаганды прибыл американский гражданин доктор Н. Руссель (политический эмигрант из России Н.К. Судзилевский). Н.К. Руссель-Судзилевский сумел организовать Комитет помощи русским пленным, который снабжал солдат, матросов и офицеров продуктами, бельем, письменными принадлежностями, газетами и книгами. Основная же цель деятельности этого Комитета заключалась в том, чтобы широко развернуть среди военнопленных революционную агитацию и склонить их на сторону революционных сил России.

Первое время, еще до начала работы издательства, революционная литература, предназначенная для солдат и матросов, отправлялась в адрес Комитета из разных стран, в которых были организованы и действовали группы русских революционеров. Не остались в

стороне от этого и социал-демократы. В.Д. Бонч-Бруевич, входивший в состав Меновской центральной экспедиции, в своих воспоминаниях писал, что газеты и книги шли от них Руссело, причем для конспирации они сначала переправлялись в Нью-Йорк и поступали как посылки из Нью-Йорка, а не из Мены.

Кроме распространения присылаемой литературы, Восточный заграничный комитет позднее сумел наладить издание газеты, журнала, брошюр и книг в городах Японии: в Нагасаки выпускали газету "Воля", в Кобе - журнал "Япония и Россия". Революционеры-эмигранты весной 1907 г. приняли решение о создании специального фонда для издания под наблюдением Нагасацкой группы иллюстрированной газеты "Власть народа", так как выпуск общедемократического органа печати в Сибири был невозможен "по полицейским условиям". Редакцию газеты решили поручить доктору Н.К. Руссело.

Японское правительство разрешило Н.К. Руссело-Судзилевскому беспрепятственно общаться с пленными, созывать сходки военнопленных, говорить им речи и организовывать в каждом поселении, где размещались пленныe, кабинеты для чтения русских книг и журналов. Японское командование рассчитывало таким образом значительно ослабить вооруженные силы своего противника. И действительно, эта агитация охватила большую часть русских пленных, общее число которых к осени 1905 г., когда началась их эвакуация из Японии в Россию через Владивосток, было весьма значительным и составляло: 1436 офицеров и 70487 нижних чинов.

Пропаганда революционных идей нашла среди пленных солдат и матросов самое горячее сочувствие, даже часть младших офицеров открыто встала на сторону революционеров. "Журнал "Япония и Россия" и прочая литература читались солдатами запоем. Внезапно хлынувший поток новых идей для громадного большинства был откровением. Закипела в серой солдатской массе умственная работа, пошли ожесточенные дебаты, образовались политические партии..." /I/.

В письмах к Н.К. Руссело-Судзилевскому солдаты и матросы делились впечатлениями о событиях, происходивших в лагерях пленных, рассказывали о своих мыслях, возникших под влиянием революционных газет, журналов и брошюр. В одном из таких писем сообщали: "По всем участкам начались массовки. Вчера например в 4 участке говорили речи, читали книги. Публики было тысяч до двух. Не-

бывалое явление. Черносотенцы подавлены...", в другом письме выражалась благодарность от пленных: "Многие из нас благодарны Вам за присылаемую Вами литературу. Многим она уяснила многое, чего раньше или не видели или не понимали, хотя быть может и чувствовали, но без всякого осознания. Теперь сознание если не совсем, то отчасти проснулось..." /2/.

На страницах газет и журнала, выпускаемых революционерами в Японии, постоянно печатались письма или статьи, посылаемые солдатами и матросами из лагерей. Это способствовало росту популярности изданий. Позднее по материалам этих газет и журнала было выпущено несколько сборников под названием "В плену". Содержание таких изданий показывает, как под влиянием революционных изданий существенно менялись взгляды и настроения нижних чинов русской армии и флота. "Самодержавие утратило свое значение. Оно отжило свой век и должно уступить трезвому, молодому управлению "республиканскому"... И неужели все волнения, прошедшие и которые идут по всей России - от хорошей жизни? ... Пора же, наконец, сбросить это самодержавного, бюрократического режима, довольно же служить тьме и лжи" /3/.

Конечно, далеко не все пленные сочувственно относились к революционерам и их деятельности. Многие офицеры, представители высших слоев армии и флота встретили эту пропаганду враждебно и требовали от японской администрации положить ей конец.

После окончания эвакуации русских пленных из Японии, революционеры продолжали выпускать периодические и непериодические издания. Правда, теперь они были предназначены для распространения главным образом на Дальнем Востоке и в Сибири. Революционную литературу из Японии стали чаще обнаруживать у солдат сибирских частей во время обысков. Командующий Приамурским военным округом генерал-лейтенант Унтербергер в своем послании министру внутренних дел П. Дурново, весной 1906 г. настаивал на необходимости принятия дипломатическим путем мер против распространения из Японии антиправительственной пропаганды.

После окончания первой русской революции в Японии продолжает издаваться революционная литература, предназначенная главным образом для нижних чинов армии и флота. Так, летом 1910 г. революционер Б.Д. Оржих подготовил партию литературы для отправки в

Россию. В ней находилось около 30 наименований брошюр и воззваний для солдат и 12 для крестьян. Среди них брошюры: "Солдатский подвиг", "К офицерам русской армии", "Георгиевский кавалер", "Сказка о солдатской душе".

Примечания

1. Лазарев Е.Е. Русские революционеры и японцы // Былое. 1907. Июнь. С. 190.

2. ЦГАОР, ф. 5825, оп. I, д. 219, л. 29, 31.

3. В плену: Сб. на память о войне и плене. Кобе, 1906. С. 6, 8.

Л.В. Попелкова (Томск)

А. СЕРОШЕВСКИЙ И НИКОЛЬСК-УССУРИЙСКИЙ НАРОДНЫЙ ДОМ (1906 - 1913 гг.)

Судьба многих сахалинских политкаторжан, их общественно-политическая деятельность после отбоя каторги во многом еще остается малоизученной. В Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока (г. Томск) обнаружены интересные документы об А. Серошевском и его работе в Никольск-Уссурийском народном доме в 1906 - 1913 гг.

Серошевский Адам Фомич (Томашевич) родился в 1863 г. в Варшавской губернии. В 1884 г. был осужден на 14 лет каторжных работ за принадлежность к партии "Пролетарият", прибыл на о. Сахалин в 1887 г. После отбоя срока каторги в 1904 г. покинул остров и поселился в Приморье, сначала на ст. Евгенийевка, а с 1906 г. - в Никольск-Уссурийске, где выполнял обязанности заведующего Народным домом и библиотекой при нем.

Никольск-Уссурийский народный дом был создан в 1906 г. на средства бывшего политического ссыльного торговца Иннокентия Пьянкова и служил прибежищем для многих революционеров. Возглавляли его А.А. Квятковский, член РСДРП, находившийся под гласным надзором полиции, и инженер Л.С. Сафарьянц, служивший Уссурийской железной дороги, имевший тесные связи с рабочим и демократическим движением.

Главная цель Народного дома согласно его Уставу – "доставление народу научных знаний, здоровых и разумных развлечений и содействия к повышению нравственного и культурного уровня населения". При Народном доме действовали: театр, библиотека-читальня, начальная городская школа, кружок для чтения лекций.

Прогрессивная направленность деятельности Народного дома и, прежде всего, публичных лекций и работа читальни привлекла внимание охранного отделения. В 1913 г. по секретному доносу была проведена ревизия библиотеки и читальни, в результате которой обнаружен ряд запрещенных книг и изданий революционного содержания.

Организуемые Народным домом публичные лекции носили, как сообщалось в рапорте чиновника особых поручений при военном губернаторе Приморской области, "совершенно понятный характер". Приглашались прежде всего лекторы из революционно-демократического лагеря: В. Мякошин, В.В. Водовозов, Морозов. Многие лекторы приглашались при содействии кружка В. Потанина.

Прогрессивная культурно-просветительная деятельность Народного дома оказала значительное влияние на общественную жизнь Никольск-Уссурийска, распространение демократических идей среди учащейся молодежи и солдат местного гарнизона.

И.Л. Кармановская (Москва)

БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Собрание написано на основе изучения материалов Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (ГБЛ), библиотеки Московской духовной академии (МДА), Церковно-археологического кабинета (ЦАК), личного знакомства с постановкой библиотечной работы в МДА.

Библиотека МДА складывалась из фондов библиотек Славяно-греко-латинской академии, многочисленных частных коллекций середины XVIII в., например, библиотеки Вятского епископа Лаврентия Горька. В следующем столетии библиотека пополнялась собраниями архиепископа Тобольского Афанасия Протопоевича; архиепископа Тверского и Кашинского Саввы. В 1903 г. поступила вся библиотека профессора академии Е. Голубинского; происходило присоединение ряда монас-

тырских и семинарских библиотек, например, Иосифо-Волоколамского монастыря в середине XIX в., библиотеки Вифанской духовной семинарии в начале XX в.; библиотеки Лаврской Троицкой семинарии; неоднократно поступления шли из синодальной библиотеки, прочих книжных собраний.

Истоками своими библиотека МДА восходит к знаменитой Славяно-греко-латинской академии, учрежденной в конце XVII в. в патриаршество 9-го патриарха всероссийского Иоакима. Академия в то время "предназначалась быть общеобразовательной школой, первым русским университетом и по открытии своем наполнялась искавшими образования студентами всех сословий московского общества, среди которых было немало титулованной знати" /1/. Затем Академия перешла в ранг высшей духовной школы, из которой вышел целый ряд образованных иерархов и пастырей церкви и светских образованных людей.

Библиотека — это душа Академии, как сказано в Духовном регламенте Петра Великого об образовании в России духовных училищ.

Славяно-греко-латинская академия имела хорошо подобранный книжный и рукописный фонд, который время от времени пополнялся преимущественно за счет многочисленных пожертвований.

В 1737 г. в результате пожара, бушевавшего в Москве, часть фонда библиотеки сгорела. Во времена наполеоновского нашествия библиотека Академии уцелела и даже стала хранильницей книг, собранных в нее из московских книжных лавок.

1 октября 1814 г. состоялось торжественное открытие Академии в Троицкой Лавре. Академия заслужила себе известность в ученом мире благодаря своей библиотеке, которая по числу книг и рукописей и научной их значимости принадлежала к разряду знаменитейших в России. Ее фондами пользовались такие известные иностранные ученые, как профессор права Тюбингенского университета Кюсскус, английский архидиакон Пальмер. Из русских ученых: академик П.М. Строев — историк, археограф; М.П. Погодин — историк, писатель, журналист; А.Ф. Бычков — археограф; акад. И.И. Срезневский — филолог-славист, историк; К.И. Невоструев — палеограф, археограф — выпускник МДА 1840 г., один из составителей "Описания славянских рукописей Московской синодальной библиотеки" (М., 1855 — 1917).

Заведовали библиотекой в то время в основном выпускники МДА (Воскресенский, Пятницкий, Успенский), высокообразованные люди, определенные на этот пост из других мест. Таким был, например, смотритель Тульского духовного училища И.Н. Корсунский, с работой которого в библиотеке связано благородное начинание – издание систематических каталогов книг, до сих пор бережно хранящихся в библиотеке МДА. В каталогах, кроме основных сведений об изданиях, делались пометки, откуда поступила книга. Таким образом, можно определить дары университетов, частных лиц и т.д. В 1894 г. в библиотеку МДА поступило большое собрание архиепископа Тверского и Кашинского Саввы в количестве более 6 тыс. редких рукописей.

К.М. Попов проработал в должности заведующего библиотекой больше кого бы то ни было до него – 21 год: с 1898 г. по 1919 г. При нем библиотека расцвела, по количеству изданий она превосходила все существующие тогда в России духовные академии. Упоминания о библиотеке можно найти во многих известных энциклопедических словарях и справочниках того времени. К.М. Попов продолжал издание систематических каталогов. В ГБЛ хранятся составленные им "Отчеты о работе библиотеки с 1900 по 1913 гг." Достоинно упоминания имя многолетней помощницы, супруги Попова – Ольги Николаевны, которая стала первой женщиной, состоявшей в штате Академии.

Весной 1919 г. занятия в МДА были прекращены, здание Академии перешло к военно-электротехнической академии. Библиотека МДА в количестве 500 тыс. томов была передана в ведение дирекции Румянцевского музея и объявлена его Сергиевским филиалом. В 1933 г. библиотека была переведена в Москву. Этот год можно считать моментом ее закрытия.

Новый период в истории библиотеки МДА начинается в 1944 г., когда в Москве в здании Лопухинского корпуса Новодевичьего монастыря был открыт Православный богословский институт и богословско-пастырские курсы. Одновременно воссоздается и библиотека, которая в 1948 г. насчитывала 20 тыс. томов. Таким образом, фонд со времени передачи в ГБЛ сократился в 25 раз, или на 480 тыс. изданий.

В 1950 г. при кафедре церковной археологии был создан церковно-археологический кабинет, где можно ознакомиться с образца-

ми икон разных стран и народов; почетное место в нем занимает коллекция старопечатных книг и рукописей XVI - XVIII вв., бережно хранятся основные работы русского первопечатника И. Федорова.

В середине 80-х гг. нашего столетия фонд библиотеки составил 150 ты. томов. Штат - 20 человек. КATALOGИ доступны для читателей в любое время, даже когда библиотека закрыта (по выходным и праздничным дням). Библиотека открыта 12 часов в день - именно о таком режиме работы библиотек мечтал когда-то В.И. Ленин. Имеется следующая система каталогов и картотек по русскому фонду: 1) алфавитный каталог книг; 2) систематический каталог книг; 3) регистрационная картотека журналов; 4) систематический каталог журналов; 5) алфавитная картотека статей. По иностранному фонду: 1) алфавитный каталог книг; 2) систематический каталог книг; 3) регистрационная алфавитная картотека иностранной периодики; 4) регистрационная тематическая картотека иностранной периодики; 5) алфавитная картотека статей из периодических изданий и сборников; 6) систематическая картотека статей. Приведенная система каталогов и картотек всесторонне и глубоко раскрывает фонд библиотеки, облегчает пользование книжными сокровищами.

Знакомство с историей старейшей библиотеки в системе высшего богословского образования - библиотеки МДА - позволяет увидеть, с каким трудом и любовью она собиралась, сколько сил было положено всеми поколениями библиотекарей МДА в ее создание и нормальное функционирование.

Книги и другие издания, принадлежавшие ранее библиотеке Московской духовной академии и хранимые ныне в ГБЛ и ряде других библиотек, несомненно должны быть возвращены их законному владельцу.

Примечание

1. Богословский М. Реформа духовной школы при Александре I и основание МДА. Серг. Пасад, 1917. С. 28.

Е.И. Дергачева-Скоп, канд. филол. наук,
В.Н. Алексеев, канд. филол. наук (Новосибирск)

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ТОБОЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ КОНЦА ХУШ в. И ЕЕ ЧИТАТЕЛИ

Летом 1990 г. археографической группой Новосибирского университета и ГПНТБ СО АН СССР была описана одна из книжных коллекций Тобольска – русские издания ХУШ в., хранящиеся в собрании письменных источников историко-архитектурного музея-заповедника. В ее составе – книги ХУШ в., собиравшиеся как раритеты Тобольским губернским музеем в начале ХХ в. и фрагменты "живых" библиотек конца ХУШ в. – Тобольской духовной семинарии, уездного училища, личной библиотеки архиепископа Антония (1803 – 1806 гг.).

Наиболее полно в собрании "живых" библиотек представлена библиотека Тобольской семинарии конца ХУШ в. – около 120 названий (более 250 томов), выделяемая нами по записям 1796 – 1804 гг. о принадлежности книги библиотеке Тобольской семинарии и шифрам. Записи двух вариантов сделаны каллиграфическими почерками конца ХУШ в., оба варианта сопровождаются однотипными библиотечными шифрами. Естественно, что это не вся библиотека конца ХУШ – начала XIX в., в ней отсутствуют, например, известные нам книги на иностранных языках, латыни, греческом; "классическая" библиотека (младших классов семинарии, находившаяся постоянно "на руках"); библиотека "малой семинарии" при Знаменском монастыре; собственная богословская библиотека. Не могут быть пока учтены и книги ХУШ в., пожертвованные семинарией в более поздний период в различные духовные заведения Сибири.

Выявление полного состава семинарской фундаментальной библиотеки конца ХУШ – начала XIX вв. – дело будущего, требующее еще поиска и исследования ее описей и ревизий. Однако следует подчеркнуть, что тот материал, который имеется в нашем распоряжении, дает возможность некоторых обобщений. Они необходимы для того, чтобы поставить вопрос о важности изучения семинарских библиотек как богатейшего материала для выявления потенциального уровня

общего и профессионального образования средних сословных учебных заведений, для понимания специфики такого рода школ.

Когда в конце 70-х – начале 80-х гг. XVIII в. просветительский фронт стал "реальным фактом общественной жизни" (Г.П. Макагоненко) и государство в лице императрицы, ее чиновников должно было считаться с этим демократизирующим общество процессом, оно создает свой вариант просветительства. В сферу благосклонного внимания государства попадает и концепция внесословного образования, предлагавшаяся несколькими поколениями передовой интеллигенции России. Не реализованная до конца, эта концепция отразилась, прежде всего, в системе среднего образования. Оставшаяся несмотря на реформы в основе своей сословной и профессиональной "новая школа" останавливает круг своих интересов в общеобразовательной части на формировании нравственного человека и человека-гражданина вообще.

Среди таких школ прежде всего следует отметить духовные семинарии, которые "сыграли видную роль как средние общеобразовательные школы. Ни одна высшая школа XVIII и первой половины XIX в. кроме сословных дворянских, не обходилась без питомцев духовных семинарий" /1/. В 1785 г. в семинариях декретом Синода был введен новый метод обучения, разработанный для общеобразовательных школ Ф.И. Янковичем, а вместе с ним и совершенно определенный набор учебных предметов /2/. Представляется, что тогда же он и был подкреплен большой партией литературы, возможно, присланной централизованно. К концу XVIII – началу XIX в. библиотека обеспечивала весь учебный процесс и достаточно высокий уровень внеклассного общеобразовательного, внесословного чтения.

Широкий круг учебников по истории, географии, физике, математике, естественной истории, созданных для различных средних учебных заведений: дворянских (см. "Практическая геометрия Степана Назарова" для "благородного юношества Сухопутного шляхетского корпуса"), купеческих (см. "Новейшая арифметика Н. Пшита" в переводе и с дополнениями А. Барсова) и других был в библиотеке Тобольской семинарии, и, судя по записям, интенсивно использовался учащимися. В конце века, в связи с появлением новых акцентов в образовательной политике, появились учебники по тем же предметам с указанием "для юношества", которые также имеются в Тобольской

библиотеке (см., например, "Полный курс чистой математики" Ефима Войтяховского в 4 томах, "Пространное землеописание Российского государства", "Новая алгебра" А. Барсова, "Начертание всеобщей истории" и т.д.).

В основу общеобразовательной просветительской системы положен принцип универсальности, широты образования. Фундаментом такого полигисторского образования считались история и география. Они представлены в Tobольске наибольшим количеством названий типа "Истории о странствиях вообще" аббата Прево (т. I-2I. 1782 - 1787 гг., типография Н. Новикова), "Деяний Петра Великого" (ч. I-12. 1788 - 1789 гг., типография Н. Новикова), "Древней истории" Шарля Роллена (т. I-9. 1749 - 1761, типография Академии наук), "Сибирской истории" Иоганна Эбергарда Фишера (1774 г., типография Академии наук) и др.

Богат раздел словесности - от басен Эзопа и "творений велемудрого Платона" до "Оссиана, сына Фингалова", "Путешествия Разума в европейские области" Л. Караччоли, "Похождения Аристоноя" Ф. Фенелона, "Истолкования темного места из Геллертовых басен" и других сочинений Ивана Петрова, "Способа, которым можно учить и обучаться словесным наукам" Шарля Роллена, поэм М. Хераскова "Владимир", "Россияда", "Чесменский бой" и др. Заслуживает внимания интереснейший раздел естественных наук ("естественной истории") - здесь обнаруживаются "Физиология, или наука о естестве человеческого", "Магазин натуральной истории", изданный Н. Новиковым, "Всеобщая и частная естественная история" Бюффона в 6 томах и др.

Фундаментальная библиотека Tobольской семинарии конца XVIII - начала XIX в. рассматривается нами как потенциальная основа просветительского, специфически гуманитарного образования в системе средних сословных учебных заведений. На основе такой библиотеки осуществлялось профессиональное образование духовных пастырей, и она должна была отвечать и задачам формирования особого культурного потенциала в духовенстве, гуманитарная деятельность которого определяла его "всеобщественную направленность". Библиотека полностью соответствовала этим задачам, отражая не столько реальные возможности образовательной системы (она зависела от многих других факторов), сколько идеальные черты политики в образовании

Примечания

1. Рождественский С.В. Очерки по истории системы народного просвещения в России в XVIII – XIX вв. Спб., 1912. Т. I. С. 70.

2. Й. Матль, Ф.И. Янкович и австро-сербско-русские связи в истории народного образования России //XVIII век. Сб. Ю. Л., 1975. С. 76 – 81.

И.А. Гузнер, канд. ист. наук (Новосибирск)

РОЛЬ ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ФОНДОВ БИБЛИОТЕК ГОРНОЗАВОДСКИХ ПРОВИНЦИЙ В XVIII в.

В 20 – 80-е гг. XVIII в. на территории Урала и Сибири формируются два крупнейших центра металлургической промышленности России – Екатеринбургские и Колывано-Воскресенские горнозаводские округа, ареал влияния которых, как показывают исследования, в экономическом и научно-техническом отношении значительно шире их географических и административных границ. Развитие горнозаводской промышленности, городообразование, потребность в связи с этим в инженерных и квалифицированных рабочих кадрах, образованном духовенстве, грамотных служащих и т.д. создавали необходимые предпосылки для заинтересованности государства в развитии "культуры специального образования" в этих районах.

Однако внимание исследователей к проблемам создания и функционирования государственных и частных книжных собраний горнозаводских провинций Урала и Сибири в XVIII в., выявления их роли в процессах просвещения, образования, в культурном становлении края – явно недостаточно. Между тем, 20–80-е гг. XVIII в. – важный в истории России период, когда происходило активное включение книги в государственную систему образования и культуры. Параллельно со становлением системы профессионального образования осуществлялся переход от "мастеровой" передачи технических знаний к постижению "книжной" науки.

Администрация сибирских горных заводов, комплектуя школьные библиотеки, одновременно способствовала распространению книг, обеспечивая необходимой литературой различных специалистов, про-

никновении в заводскую демократическую среду современных технических знаний, элементов новой культуры, передовых идей своего времени.

Сложившиеся как специалисты на Урале первые представители сибирской технической интеллигенции активно участвовали в комплектовании библиотек Колывано-Воскресенских заводов.

Фактически формировали фонды библиотек Колывано-Воскресенских заводов несколько поколений горнозаводских служащих. Развивая концепцию В.Н. Татищева по созданию центра просвещения в провинции, у истоков книжного собрания Колывано-Воскресенских горных заводов стоял А.И. Порошин, а затем выпускники Екатеринбургской школы И.И. Ползунов, К.Д. Фролов, И.И. Черницын, сын К.Д. Фролова - П.К. Фролов, ставший в 1801 г. библиотекарем заводов и осуществивший в 1809 г. коренную реорганизацию горнозаводских книжных фондов. Политику комплектования горнозаводских библиотек Алтая в разное время определяли выпускники Московского университета Николай Плосхов и Василий Чулков, Сухопутного шляхетного корпуса - Николай Делиль; будущий известный физик Василий Петров - преподаватель Барнаульского горного училища.

В конце XVIII - начале XIX вв. Барнаульской библиотеке передавались и продавались личные книжные собрания горнозаводских инженеров, многие из которых в свое время были сформированы с помощью централизованной заводской системы книжных поставок. В частности, в библиотеку поступили издания из собрания русских и французских книг П.К. Фролова, библиотеки инженеров Черницыных, Г. Спасского, И. Бера и др.

В целом нужно говорить о том, что горнозаводская интеллигенция сыграла важную роль в прогрессивных изменениях, происходивших в книжной культуре русской провинции в XVIII в., способствовала решению широких просветительских задач, отвечавших государственной системе просвещения.

ЗАПИСИ И ПОМЕТЫ НА КНИГАХ ГРАЖДАНСКОЙ ПЕЧАТИ ХУШ в.
ИЗ СОБРАНИЯ ТОБОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Книги гражданской печати ХУШ в. из собрания Тобольского государственного музея-заповедника, работа над описанием которых проводилась летом 1990 г., имеют много записей и помет, являющихся ценным источником по истории книги и истории культуры ХУШ в.

Записи и пометы разнообразны по характеру и объему, по месту расположения в книге (форзац, поля, между строками текста) и позволяют судить: 1) о генезисе и путях формирования собрания; 2) об отношении читателей к книге, включающем социально-психологические, возрастные, географические особенности. Большая часть книг собрания имеет владельческие записи, свидетельствующие о принадлежности книг библиотекам: Тобольской семинарской, Тобольского уездного училища, Тобольского губернского музея; известным и неизвестным лицам: купцам, крестьянину, священникам, Антонию, архиепископу Тобольскому и Сибирскому; встречаются уникальные записи, фиксирующие акты дарения (например, дар Тобольскому уездному училищу комплекта Продолжения Древней Российской Вивлиофики известного историка и просветителя П.А. Словцова).

Особый интерес представляют записи семинаристов. Это многие фамилии учащихся, сообщения о некоторых реалиях семинарского быта, шутливая переписка читателей книг, эмоциональные отзывы об их содержании. Ряд книг демонстрирует заинтересованное, пристрастное чтение читателей (в том числе компетентных). Спектр записей такого рода широк – от кратких ремарок типа "вздор", "верно", "и я согласен" до дополнений (кратких и пространных) по существу выделенных подчеркиванием карандашом строк и фрагментов. К пометам такого рода относятся исправления на полях "Географии" широты и долготы европейских столиц, дополнение исторических сведений, касающихся истории Тобольска (издание В. Корнильева "Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства воеводах и губернаторах и прочих чинах"). На форзацах книг встречались записи стихов.

Наблюдения над характером и формой записей и помет в книгах XVIII в. показывают, что несмотря на бытование в них характерных для культуры нового времени подчеркиваний карандашом текста и кратких значков на полях, широко использовались типичные для рукописной традиции типы записей. К таковым относятся: пробы пера, росчерки, подробные владельческие записи, с указанием цены и места, где была приобретена книга, помета "читал ... (имярек)" с указанием числа, месяца и даже часа, биографические записи (о смерти родственников, смерти и дате погребения семинариста), хозяйственные записи, сентенции морально-дидактического плана (типа: "для снискания мудрости ненадобно лишно есть, ни лишно спать ...", "огненные страсти суть курьеры жизни: с ними недолго ехать до кладбища"), записи, характеризующие отношение к книге: "Читал с удовольствием сию книгу ...", "стоит внимания эта книга ...", "читайте, да не долго, как можно поскорее ...". Записи такого рода – характерная и яркая особенность эстетики демократического рукописного сборника XVIII – начала XIX вв. (см. рукописные сборники из собрания ГАТОН).

Записи и пометы на книгах гражданской печати из собрания Тобольского музея-заповедника дополняют наши представления об интереснейшем этапе в истории книги: они зафиксировали и отразили особый тип живого, заинтересованного отношения читателей к книге

Н.П. Матханова, канд. ист. наук (Новосибирск)

"ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ" В СИБИРИ, ИХ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ (50 – 60-е гг. XIX в.)

В 1857 г. в четырех сибирских городах – Тобольске, Иркутске, Красноярске и Томске – начали выходить "Губернские ведомости". Пришедшее на годы общественного подъема издание этих газет, особенно их неофициальной части, создало возможность сотрудничества всех интеллектуальных сил края: чиновников, офицеров, учителей, священников, образованных купцов, политических ссыльных. Газеты играли важную роль в выявлении и организации таких сил.

С точки зрения формально-сословной принадлежности большая

часть авторов неофициальной части "Губернских ведомостей" - чиновники и офицеры. Чаще и больше других печатались Н.Д. Свербеев ("Иркутские губернские ведомости"), Н.А. Абрамов ("Тобольские губернские ведомости"), Н.А. Костров (Енисейские, Тобольские, Томские "губернские ведомости"), Д.А. Романов ("Иркутские губернские ведомости"), Г.Н. Потанин ("Томские губернские ведомости"). Заметное место в газетах принадлежало статьям учителей М.В. Заголкина ("Иркутские губернские ведомости"), Д.Л. Кузнецова ("Томские губернские ведомости", редактором которых он был), врачей Н.И. Кашина ("Иркутские губернские ведомости"), М.Ф.Кривошапкина ("Енисейские губернские ведомости"), священников А.А. Аргентова, П.В. Громова ("Иркутские губернские ведомости"), купца И.А. Носкова ("Иркутские губернские ведомости"). В "Иркутских губернских ведомостях" важную, а в первые годы ведущую роль играли политические ссыльные петрашевцы Н.А. Спешнев, М.В. Петрашевский, Ф.Н. Львов.

В неофициальной части первых номеров Енисейских, Тобольских, Томских "губернских ведомостей" почти не было оригинальных материалов, они заполнены перепечаткой и пересказами уже опубликованных книг и статей. Газеты не могли сразу ни найти свое лицо, ни определить своего читателя. Положение осложнялось и тем, что инициатива издания газет исходила от "верхов", их существование началось с приказа, но ни авторов, ни читателей еще не было. Постепенно содержание газет обогащалось, что было связано с возрастанием их просветительной роли: они печатают научно-популярные статьи, наполненные историческими, этнографическими, географическими, юридическими, экономическими, статистическими, естественно-научными сведениями, посвященные изучению Сибири, ее производительных сил.

И все же первые сибирские газеты (кроме "Иркутских губернских ведомостей") не очень были похожи на газеты в привычном смысле слова. Не случайно одни и те же статьи появлялись и в научных сборниках Русского географического общества, и "губернских ведомостях" (с сокращениями), но местных материалов, сегодняшней информации в газетах почти не было. Впрочем, такой облик "губернских ведомостей" вполне мог отвечать ожиданиям читателей, еще не привыкших к гласности, с удивлением и восторгом встречавших пер-

вые ее признаки. Просветительное же направление газет отвечало сформировавшимся к этому времени потребностям и уважительному отношению к знаниям, науке, даже своеобразной моде на них.

С ростом общественного подъема газеты активнее откликаются на актуальные проблемы, обсуждают предстоящие и осуществляющиеся реформы, в них появляются статьи о положении крестьян, инородцев, ссыльных, рабочих золотопромышленности, о колонизации новых районов, корреспонденции с мест, проблемные статьи сибирских авторов, обсуждаются не только общероссийские, но и сибирские вопросы. Духу времени отвечало и изучение жизни народа, своеобразный этнографический уклон, довольно явственно проступающий в облике местной сибирской печати уже в первые годы ее существования.

Достаточно полных сведений о подписке на "губернские ведомости" не сохранилось, упоминания о чтении газет в письмах и воспоминаниях современников немногочисленны, о круге читателей приходится судить в основном по косвенным данным, прежде всего по содержанию газет. При изучении его традиционно внимание исследователей обращалось к неофициальной части – именно в ней отражалась общественная жизнь, велась полемика, печатались интересные и важные материалы. Это соответствовало задаче газет: "изучение данной местности, ... рассмотрение и обсуждение ... всякого рода местных вопросов, изучение местных потребностей и интересов" /1/. Однако читательские интересы исследователей и современников не тождественны. Конечно, неофициальная часть привлекала внимание читателей-современников: в газетах появлялись корреспонденции – отклики на ранее опубликованные статьи, материалы, в которых рассказывалось об обсуждении их читателями, а также статьи, как "Выборы" или "Вред от гласности", встречали отклик и в центральной печати, и в правительственных кругах /2/.

Не следует забывать и о том, что подписка на "губернские ведомости" была обязательной для всех "присутственных мес". Современники находили важные для себя сведения и в официальной части. Она содержала постановления, приказы и распоряжения центральной и местной власти, сведения о назначениях, наградах, перемещениях и увольнениях чиновников, известия о ценах, предстоящих торгах, отводе приисков. В неофициальной части также публиковались не только проблемные и научно-популярные статьи, но и част-

ные объявления, реклама. Все это было важно и интересно для многих категорий читателей.

Думается, не будет большим преувеличением сказать, что читателями "губернских ведомостей" были все сколько-нибудь образованные жители Сибири.

Примечания

1. Иркут. губ. ведомости. 1857. № 5. 13 июня.

2. Иркут. губ. ведомости. 1858., № 20. 15 мая, Спб. ведомости. 1858. № 175. 12 авг. Енис. губ. ведомости. 1859. № II. 14 марта; Том. губ. ведомости. 1865. № 9; ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1859, д. 136. О неприличных выражениях, помещенных в статьях Енисейских и Иркутских губернских ведомостей под заглавием "Вред от гласности".

В.А. Зверев, канд. ист. наук (Новосибирск)

АНКЕТА А.С. ПРУТАВИНА О ЧИТАТЕЛЕ И ЧТЕНИИ В СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Исследования истории книжного дела и читательской аудитории, а также истории менталитета, культуры и образа жизни населения Сибири периода капитализма нуждаются в расширении источниковой базы. До сих пор слабо используется один из наиболее информативных и достоверных массовых источниковых комплексов – материалы анкетных обследований круга чтения и читающей публики в России.

Инициатива сбора сведений о народном чтении пореформенного периода принадлежит российскому земству. В 80 – 90-х гг. XIX в. материалы о книге и читателе в различных регионах страны, кроме земских статистических бюро, собирали Комитет грамотности при Московском обществе сельского хозяйства, Санкт-Петербургский комитет грамотности при Вольном экономическом обществе, Харьковское общество распространения грамотности, Общество содействия распространению народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии, другие организации и частные лица. Для этого либо разрабатывались собственные анкетные программы, либо заимствова-

лись опубликованные в печати и прошедшие экспертизу в научной и общественной среде программы Д.И. Шаховского (1885 г.), А.С. Пругавина, Н.А. Рубакина и др.

Для историков-сибиреведов наиболее интересна программа Пругавина: во-первых, в ее окончательном варианте она была наиболее полной и развернутой, во-вторых, ее вопросы стали основой для ответов многочисленных респондентов не только из центра страны, но и с восточных окраин.

Известный публицист и общественный деятель А.С. Пругавин составил свою "Программу для собирания сведений о том, что читает народ и как он относится к школе и книге" с учетом достоинств и недостатков уже существовавших к тому времени анкет. Программа впервые была опубликована в книге II журнала "Русская мысль" за 1887 г. в статье Пругавина "К вопросу о том, что и как читает народ?". Поскольку автор и редакция журнала получали множество просьб о высылке текста публикации, анкета дважды была выпущена отдельными изданиями. Они предварялись просьбой к учителям и учительницам сельских, городских и фабричных школ, земским деятелям, членам учительских советов, попечителям народных школ, священникам, статистикам, заведующим народными библиотеками, помещикам, ко всем лицам, имеющим возможность наблюдать за чтением народа, о доставке сведений и ответов на имя автора.

Многие периодические издания России перепечатали программу целиком. Среди них были "Сборник Пермского земства" (1888, № I) и "Восточное обозрение" (1888, № 28), распространявшиеся преимущественно на востоке страны. Немало газет посвятило предприятию сочувственные статьи и заметки, в которых знакомило читателей с целями издания анкеты и приглашало заняться собиранием по ней сведений. В рассылке и пропаганде анкеты участвовал, наряду с другими организациями и частными лицами, Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества.

Вскоре после первой публикации автор стал получать из различных мест самые разнообразные по форме корреспонденции: толстые тетради, содержащие ответы на большинство вопросов анкеты, заметки по одному или группе вопросов, наброски впечатлений, дневников, автобиографий и т.д. Анализ поступившего материала, рецензии и отзывы специалистов и заинтересованных лиц заставили

Пругавина в начале 90-х гг. переработать и расширить программу. Окончательный ее вариант печатался в двух изданиях книги "Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания" (Спб., 1890, 1895). Он содержал 80 вопросов, сгруппированных в шесть разделов, которые были озаглавлены соответственно "Предварительные сведения" (о корреспондентах и респондентах, социально-экономических и культурных условиях их жизни, обстоятельствах их чтения. - В.З.), "Что читает народ?", "Отношение народа к чтению", "Газеты и журналы", "О картинах", "Где и как крестьяне достают книги и картины".

В ответ на упомянутые публикации Пругавин получил более 200 корреспонденций. Кроме того, часть ответов на его анкету поступила в адрес Н.А. Рубакина, издавшего в 1889 г. свой "Опыт программы исследования литературы для народа", в редакции журналов и газет, губернские статистические бюро и комитеты, общественные организации и осталась, вероятно, неизвестной автору. Планировавшееся Пругавиным издание сборника ответов с расположением последних по местностям не было осуществлено ввиду недостатка средств.

Известно, что наряду с многочисленными материалами из Европейской России в распоряжении автора оказались обстоятельные сведения из некоторых районов Сибири. Из г. Каинска Томской губернии прислал ответы некий И.И. Бу-в, из Енисейской губернии - видный общественный деятель, этнограф-краевед и книготорговец Н.В.Скорняков (г. Енисейск) и укрывшийся за псевдонимом И.Г.Т-ов житель Ачинского округа. Эти и другие неопубликованные материалы современному исследователю придется разыскивать в архивохранилищах. Однако значительная часть сведений по Сибири и Зауралью более доступна: иркутская газета "Восточное обозрение" издала поступавшие в ее адрес ответы на "Программу ...", а учитель Маслянского народного училища Шадринского округа Пермской губернии Коуров напечатал свои ответы в "Сборнике Пермского земства" (1888. № 18 - 19).

Важно отметить, что культуртрегерская инициатива российских земств и просветительских организаций подтолкнула государственных чиновников на включение многих вопросов анкеты Пругавина в программу массового обследования крестьянских хозяйств и экономи-

ческого быта сельского населения Сибири, произведенного во второй половине 80-х – первой половине 90-х гг. XIX в. Министерством земледелия и государственных имуществ. Уже в ноябре 1888 г. один из руководителей этого обследования Л.С. Личков представил Восточно-Сибирскому отделу Русского географического общества доклад "К вопросу о том, что читает народ в некоторых селениях Иркутской губернии", основанный на материалах, собранных в 25 населенных пунктах двух округов. Затем сбор материалов продолжался более целенаправленно и комплексно, как путем опроса жителей, так и через "вопросные листы", рассылаемые статистиками учителям сельских школ.

Та часть собранной информации, которая относилась к состоянию школьного дела и уровню грамотности населения, наряду со сведениями социально-экономического характера, была обработана сразу и вошла в "Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний" (М.; Иркутск, 1889 – 1894. Т. I – 4.). По предмету исследования она соотносима с "Предварительными сведениями" в анкете Пругавина. Те же материалы, которые касаются круга чтения различных категорий населения (главным образом русского крестьянства), а также отношения их к прочитанному, источников поступления книг, периодики и картин в сельскую местность (разделы 2 – 6 программы Пругавина), были разработаны Личковым отдельно и опубликованы совместно с исследовательскими выводами этого автора в большой статье "Как и что читает народ в Восточной Сибири" в журнале "Русская мысль" (1896. Кн. I – 2). Сюда вошли данные по 70 селам и деревням всех, кроме Киренского, округов Енисейской и Иркутской губерний. Публикация Личкова – одновременно важный конкретно-исторический источник и одна из немногих в дооктябрьской библиографии исследовательских работ, подробно характеризующих деревенского читателя, бытовые условия и круг чтения в Сибири второй половины XIX в.

**КРУГ ЧТЕНИЯ СТУДЕНТОВ ТОМСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
НАЧАЛА XX в. (по материалам книжных собраний библиотеки
Томского политехнического института)**

Открытие в 1900 г. Томского технологического (ныне политехнического) института совпало с подъемом революционного движения в России. Не остались в стороне от происходящих событий преподаватели, студенты и служащие первого технического вуза Сибири. Не случайно попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л. Лаврентьев называл институт "вертепом революции".

Активное участие технологов в революционном движении во многом было обусловлено их социальным и национальным составом и крайне тяжелым материальным положением. Кроме того, значительное число их составляли бывшие студенты высших учебных заведений Европейской России, сосланные в Сибирь за участие в революционном движении. Среди них было много убежденных революционеров, связанных с подпольными организациями и ведущих большую агитационно-пропагандистскую работу в рабочей и студенческой среде. К их числу относятся профессора Г.Л. Тираспольский и Н.М. Киннер — организаторы забастовок среди профессоров и студентов, выступавшие с революционными речами, призывавшими к вооруженному восстанию; преподаватели Н.Ф. Бундигов, П.А. Козьмин, Н.Н. Воронцов, П.А. Казанский; студенты С. Малых, И. Молчанов, И. Павлов, В. Шимановский, А. Петухов, А. Маслов, В. Покровский и др.

Н.Ф. Бундигов, будучи студентом Харьковского технологического института, входил в состав социал-демократического кружка, занимавшегося нелегальным выпуском и распространением марксистской литературы. Весной 1897 г. под видом конспектов учебных лекций им изданы брошюры "Экономическое учение Карла Маркса. Популярное изложение Карла Каутского" и "Экономическое положение женщины" Клары Цеткин. К социал-демократической партии принадлежал и П.А. Казанский. Вместе со своей женой, урожденной княжной А.Г. Кутушевой, он состоял под гласным надзором полиции, учрежденным в ноябре 1901 г. "за социал-демократическую пропаганду среди фабричных рабочих в г. Твери".

В научно-технической библиотеке выявлены произведения социал-демократического и марксистского содержания, в том числе небольшие книжные собрания студентов – участников революционных событий, которые позволяют установить круг чтения студентов-технологов в 1900 – 1907 гг.

В результате длительного поиска была выявлена библиотека студента И.И. Высотина, состоящая из 29 названий (33 тома). Она включала работы К. Маркса "Критика некоторых положений политической экономии" (М., 1896); первое издание книги В.И. Ленина под псевдонимом В. Ильин "Развитие капитализма в России" (Спб., 1899); С. и Б. Вебб "Теория и практика английского тред-юнионизма". Перевод с англ. В. Ильина. Т. 1. (Спб., 1900); Т. 2. (Спб., 1901). Сохранились работы К. Каутского "Аграрный вопрос" (Харьков, 1900); "Национальность нашего времени" (Спб., 1903); "Очерки и этюды" (Спб., 1901). В состав библиотеки входили работы русского экономиста и историка М.И. Туган-Барановского, немецкого экономиста, историка и социолога В. Зомбарта, русского педагога В.П. Вахтерова, революционеров-демократов Н.А. Добролюбова и Н.В. Шелгунова.

Многочисленные пометы на страницах сохранившихся книг позволяют предположить, что они вызвали большой интерес у читателей. Особенно "зачитаны" критические статьи Н.А. Добролюбова и "Очерки русской жизни" Н.В. Шелгунова. На титульных листах всех найденных книг имеется запись "От студента Высотина бесплатно". Установить личность владельца этой библиотеки помогли архивные материалы.

И.И. Высотин в 1903 г. стал студентом Томского технологического института, находясь под особым надзором полиции. Будучи учителем земского народного училища в Пермской губернии, он устраивал "чтения" для крестьян, учил их, "как следует делать бунт", за что и был в октябре 1902 г. "препровожден в Пермскую губернскую тюрьму". Таким образом, становится вполне объяснимым наличие у студента-первокурсника такой обширной по тому времени личной библиотеки. Подбор книг отражает круг интересов народного учителя и революционера.

В библиотеке сохранились книги и другого студента, активного участника январских событий 1905 г. в Томске, Н.Н. Слободянского,

тяжело раненного во время демонстрации, позднее скрывшегося от судебного преследования. На титульных листах его книг имеется короткая надпись: "В дар от Слоб. 9.Ш. 905 г.". С такими надписями выявлены "Сочинения Давида Рикардо" в переводе Н. Зиберы (СПб. 1882). В качестве приложения в книгу был включен раздел главы "Деньги" из работы К. Маркса "К критике политической экономии", благодаря чему русские читатели впервые познакомились с этой работой. Из книг Н.Н. Слободинского до нас дошло 4-томное "Собрание сочинений" В.Г. Белинского, "Исторические монографии и исследования Николая Костомарова". Т. 2. (СПб., 1872), "Статистика и наука об обществе" (СПб., 1898). Н. Рейхсберга.

Среди общественно-политической литературы того времени, поступившей в библиотеку, встречаются книги с пометами: "Счет Макушина". К их числу относятся работы С.и Б. Вебб, В. Зомбарта, Д. Шлосса и др. Кроме того, есть часть литературы, которая не только не имеет никаких помет, но даже не отражена в библиотечных каталогах. Это работа К. Каутского (под псевдонимом Г. Гросс) "Экономическая система Карла Маркса с научной стороны" (СПб., 1895); сборник работ В.И. Ленина (В. Ильин "Экономические этюды и статьи" (СПб., 1899); Р. Ликсембург "Промышленное развитие Польши" (СПб., 1899); брошюра П. Кропоткина на французском языке "Анархия, ее философия, ее идеал" (Париж, 1905). (В мае 1907 г. Зосковской судебной палатой было принято решение об уничтожении этой работы П. Кропоткина, вышедшей в 1906 г. на русском языке.)

В период первой русской революции в библиотеке появились труды К. Маркса "Собрание исторических работ" с приложением: Ф. Энгельс "Введение к "Борьбе классов во Франции", К. Каутский "Предисловие к "Революции и контрреволюции" (СПб., 1906); Ф. Энгельс "Положение рабочего класса в Англии" (СПб., 1905); Г. Девилль "Капитал. Изложение I-го тома "Капитала" Маркса. Со вступительной статьей "Очерк научного социализма"" (СПб., 1907).

Большинство этих книг, в том числе И.И. Высотина и Н.Н. Слободинского, оказались в НТБ благодаря библиотекарю В.В. Курдюмову, который с 1903 г. снабжал "местные организации заграничной партийной литературой", поступающей от ЦК РСДРП. Они фактически представляют собой нелегальную библиотеку в научно-технической библиотеке Томского технологического института.

Таким образом, выявленная литература свидетельствует о широком распространении среди студентов-технологов социал-демократической и марксистской литературы, вдумчивом и серьезном ее изучении, о ее воздействии на мировоззрение молодежи, круге их читательских интересов.

Э.Ш. Хазиахметов, канд. ист. наук (Омск)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ СИБИРИ КАК ЧИТАТЕЛИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (1906 - 1917 гг.)

Духовные интересы и запросы политических ссыльных Сибири до последнего времени исследователи изучали в связи с историей распространения общественно-политической (главным образом, марксистско-ленинской) литературы, историей библиотек политических ссыльных, организации политической и общеобразовательной учебы (работы Д.С. Баркова, М.Ф. Богдановой, Н.Н. Шербакова, автора тезисов и др.). Интересы ссыльных - читателей художественной литературы специально не изучались. Между тем, исследование их поможет ответить на острый вопрос, который сейчас активно дебатруется: каким культурным потенциалом обладали люди, совершавшие Октябрьскую революцию, ибо многие из них в 1905 - 1917 гг. прошли через сибирскую ссылку.

Используя различные источники: переписку политических ссыльных, документы редакций ряда журналов, периодическую печать, протоколы обысков ссыльных, мемуарную литературу, - мы остановимся на вопросах, какими путями попадала художественная литература к ссыльным, насколько она была распространена в местах поселения, как оценивали ссыльные творчество отдельных писателей.

В первые годы массовой ссылки еще были случаи, когда ссыльные могли брать с собой книги любимых писателей. Нередко посылки с книгами "догоняли" адресата в пересыльных тюрьмах. Организации политического "Красного Креста", союзы учителей и другие общественные организации проводили сборы книг и журналов для библиотек ссыльных. Так, Ю.И. Безродная (Петербург) обратилась к прогрессивным деятелям с призывом "С миру - по книге". Только в ноябре-декабре 1906 г. ею устроена отправка 42 пудов книг в Иевлево, Ялу-

торовск, Енисейск и Иркутск. Редакции популярных журналов "Вестник Европы", "Образование", "Русское богатство", "Современный мир", позже - "Современника", "Просвещения", "Заветов", "Русских записок", "Летописи" практиковали бесплатную или на льготных условиях рассылку своих изданий в колонии ссыльных. Так, в феврале 1909 г. более 100 экз. "Русского богатства" отправлено ссыльным. В Якутске и Олекминске в руки ссыльных перешли ценные библиотеки, собранные их предшественниками. Ссыльные создавали и свои скудные "библиотечные" фонды и посылали заявки на книги, журналы и газеты с оплатой подписки.

Например, в 1910 - 1911 гг. из д. Яржи на Ангаре заказы были направлены в книжный магазин Макушина в Томск, склад товарищества "Знание" в Петербург, книгоиздательство "Польза" (Москва). Произведения "малых форм" многих прозаиков и поэтов часто впервые публиковались в получавшихся во всех крупных колониях газетах "Речь", "Русские ведомости", "Русское слово", "Правда", "Сибирская жизнь", "Сибирь" и др.

Исследователи истории библиотек политссыльных обычно приводят перечни имен классиков русской и зарубежной литературы, произведения которых имелись в ссылке. Но следует обратить внимание на то, что ссыльные главным образом из периодики (отдельных книг и альманахов, таких как "Земля", "Шиповник" и т.п. было относительно мало) знакомились не только с сочинениями авторов-реалистов, но и с произведениями представителей различных модернистских направлений, идеологические позиции которых были полярно противоположны.

Материалы ряда анкетных опросов дают представление, насколько силен был интерес к беллетристике. Так, в Бирюльской волости (Иркутская губерния, 1911 г.) из 84 ссыльных 19 специально читали художественную литературу, 58 опрошенных ссыльных Тулуна (1913 г.) - журналы "Современный мир", "Русское богатство", большинство - "Заветы". В 1915 г. 186 ссыльных Нарымского края получали 70 газет и журналов. Наибольшим спросом пользовались журналы "Современный мир", "Русские записки", "Вестник Европы", "Русская мысль", "Голос минувшего", "Северные записки", "Бюллетень жизни и литературы", имевшие солидные литературно-художественные и критические отделы. С 1916 г. начал поступать журнал "Летопись".

Только в указанных изданиях были опубликованы новые произведения В.Я. Брюсова, А.А. Блока, Вяч. Иванова, М. Цветаевой, А. Чапыгина, Е. Замятина, М. Горького, С. Есенина, Ив. Шмелева, И. Бунина, И. Вольнова, М. Герасимова и др.; рецензии на стихи А. Ахматовой, В. Маяковского, сборник пролетарских поэтов.

Сохранилось много свидетельств об огромной жажде чтения у невольных жителей Сибири. "Хотелось бы иметь в своем распоряжении петербургскую Публичную библиотеку" (С. Брауэр, Туринск, 1910 г.) /1/. "Всецело погрузился в книги ... Добыл много хороших изданий ... Библиотека наша имеет уже около 3000 томов, из которых многие представляют даже библиографическую редкость" (Колпашево, 1910 г.)/2/. Собирателем библиотеки на ст. Мирно Туруханского края в 1911 - 1912 гг. был Ф.С. Мансветов, известный в 20-х гг. библиограф русской зарубежной книги, редактор "Книжного указателя" (Прага).

Ссылные давали свои оценки крупным явлениям литературной жизни страны, творчеству видных писателей. Острые споры шли вокруг бестселлеров 1908 - 1912 гг., какими были "Санин" М. Арцыбашева, "Конь бледный" и "То, чего не было" В. Ропшина (Б. Савинкова), "Ключи счастья" А. Вербицкой, сборник "Вехи". Несомненный интерес для литературоведов представляют письма из енисейской ссылки известного издателя, большевика Н.С. Клестова-Ангарского 1909 - 1911 гг., в которых он выразил свое отношение к новым произведениям М. Горького, В. Вересаева, В. Винниченко, позициям редакции "Современного мира".

Свидетельством огромного уважения к творчеству и смелой критике самодержавно-полицейского произвола В.Г. Короленко являются многочисленные приветствия ему в связи с 25-летием освобождения из якутской ссылки и 60-летним юбилеем из 21 колонии ссылных, под которыми стояли подписи более 500 ссылных - членов различных политических партий. Такие же приветствия получал из ссылки М. Горький в связи с его возвращением из эмиграции.

Мы не склонны идеализировать состояние осведомленности ссылных о литературной жизни. Многие из них, заброшенные в глухие места, вообще имели смутное представление о внешней жизни. Но организованная ссылка, несмотря на огромные препятствия, была в курсе важнейших явлений литературного движения в стране. Обращает на

себя внимание большая благотворительная деятельность многих редакций и издательств по снабжению сыльных литературой, чему не грех поучиться современным издателям. Чтение беллетристики способствовало приобщению сыльных к традициям и новым явлениям культурной жизни, их духовному обогащению.

Примечания

1. ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1910, д. 20, ч. 80, лит. Б, л. 5.

2. Там же, д. 5, ч. 27, лит. Б, л. 173. Письмо А.Н. Медведкова.

Н.А. Майдурова, канд. ист. наук (Горно-Алтайск)

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗДАНИЯ В ТОМСКЕ В ПЕРИОД РЕАКЦИИ (1907 - 1909 гг.)

Для исследователей, занимающихся историей политического движения, представляет немалый интерес вопрос о характере распространявшейся в тот или иной период революционной литературы, местах ее сосредоточения; каналах поступления. Анализу названных проблем и посвящена данная публикация. Речь в ней пойдет прежде всего об изданиях социал-демократического и неонароднического направлений, распространенных в Томске в период реакции.

Чаще всего революционная литература встречалась в личных библиотеках представителей подпольных организаций. Существовали также нелегальные партийные библиотеки как у Томского комитета РСДРП, так и комитета ПСР. Трижды в течение 1907 - 1909 гг. явндармы города докладывали в департамент полиции о ликвидации партийной библиотеки томских социал-демократов.

В феврале 1908 г. была разгромлена библиотека "I-го кружка самообразования". У членов его, студентов технологического института, обнаружено: у А. Ганина - 191 экз. воззваний партии социал-демократов и социалистов-революционеров, 280 номеров газет "Труд" "За народ", "Земля и Воля", "Солдатская газета" и др., 451 экз. брошюр изданий "Народная воля", "Молот" и др.; у Александра Семёнова - воззвания и кассовые отчеты Томского комитета РСДРП, каталог книг освободительной литературы и алфавит к ним, 90 брошюр;

у Андрея Семенова – 694 брошюры освободительного направления, по несколько экземпляров одного наименования. У слушателя томских общеобразовательных курсов Г. Букина изъято 145 брошюр. 24 сентября 1908 г. в департаменте полиции была получена телеграмма, извещавшая, что в Томске арестован комитет и главные деятели военной организации социал-демократов, взяты отчет, библиотека и другие материалы.

Несмотря на провалы, библиотека продолжала существовать. В январе 1909 г. агент доносил, что "должна собраться книжная комиссия для составления каталогов кружковых библиотек, обсуждения вопроса о выдаче книг для лотереи и составления каталога книгам, предназначенным для военной группы РСДРП". Однако в этом же месяце был нанесен новый удар по организации РСДРП. У Н. Соболевой обнаружен "склад фундаментальной партийной библиотеки, в коем многие издания в тождественных экземплярах, а у Е. Петровой – каталоги нелегальной библиотеки томских социал-демократов". И даже после этих изъятий часть библиотеки сохранилась, и все уцелевшие после ликвидации книги были перенесены на хранение в надежное место. К сожалению, жандармские документы не дают полного представления о количестве изданий, находившихся в партийных библиотеках, не приводят названия книг и брошюр.

Что же касается личных библиотек томских социал-демократов и эсеров, то в них насчитывалось от нескольких десятков до сотен брошюр, листовок, газет и журналов. Так, в феврале 1908 г. у члена организации РСДРП В. Гребенщиковой было обнаружено 153 брошюры "тенденциозного характера"; в январе 1909 г. у Ю. Хрушевой – 27 брошюр; в январе 1908 г. у Д. Трошина – 298 брошюр и т.д. Литературу обнаруживали в книжных магазинах и складах, в библиотеках учебных заведений и культурно-просветительных обществ, спрятанную в сараях и подвалах жилых домов. В апреле 1908 г. по Офицерской улице во дворе дома Островского жандармы нашли 2040 брошюр, в подвале этого же дома 65 экз. книг и брошюр революционного содержания и 12 таких же изданий в комнате у дочери домохозяина. Какой организации принадлежит литература, установить не удалось. В 1910 г. 112 книг и журналов освободительного направления было найдено в Томской воскресной женской школе.

Нередко подпольщики Томска помогали литературой революционе

рам других городов Сибири. Сохранились свидетельства о посылке 600 книг в 1908 г. в Новониколаевск, в этом же году литература была отправлена в Омск и Харбин /1/.

Революционные издания поступали в Томск от товарищей по партии, проживавших за границей или в других городах страны, ее присылали Центральные Комитеты РСДРП и ПСР, прогрессивные издательства. Такие издательства, как "Донская речь", "Земля и Воля", "Молот", высылали в 1907 г. литературу Томской группе Всероссийского союза учителей. Группа имела комиссию по рассылке книг и брошюр и немало сделала для распространения революционных изданий среди населения Томской губернии. Известно несколько адресов по которым в годы реакции высылалась литература: Томск, Солдатская ул., д. 27, сельская лечебница, акушерке Верижной; Томск, по востребованию, "Гаспарычу"; Томск, университет, студенту А.В. Абрамову; Томск, контора бр. Нобель, Силину и т.д. Нередко адреса-ты не проживали в Томске (как в предпоследнем примере), часто корреспонденция не доходила по назначению и изымалась жандармами. В годы реакции томские социал-демократы поддерживали связи с редакцией газеты "Пролетарий", с революционерами Женева, Парижа, Москвы, Петербурга, Киева, Харькова, Архангельска, многими городами Сибири. Эсеры Томска имели связь с ЦК своей партии, писали и получали письма из Парижа, Киева, Харькова, Екатеринбурга, Петербурга, Красноярска, Омска и других городов.

Основная часть книг и брошюр, распространявшихся в Томске в годы реакции, была выпущена в период первой российской революции и приобретена подпольщиками легально. С наступлением реакции многие издания стали запрещенными и систематически изымались из обращения. К концу периода количество революционных книг и брошюр сократилось. Социал-демократы и эсеры стремились продолжать выпуск собственной литературы, однако количество ее, по сравнению с предшествующим периодом, было незначительно.

Томские социал-демократы выпустили прокламации "Суд 55 социал-демократов", "Ко всем" (1907 г.); листок № I "Рабочей хроники" (1908 г.); воззвание "Товарищи и граждане" (1909 г.); кассовый отчет за декабрь 1908 г. и отчет группы РСДРП за январь 1909 г.; "Устав Томской группы РСДРП" (1909 г.). Возможно, что организации РСДРП удалось издать один номер нелегального органа.

Сведения об этом сообщены в донесении начальника Томского губернского жандармского управления от 29 января 1909 г. Во время ликвидации организации в этом месяце у Е. Петровой был изъят "551 экземпляр первого номера органа Томского комитета РСДРП под названием "Голос социал-демократа" за январь 1908 г."

Зсеровские издания периода реакции: "Сибирские партийные известия" № 1, 2, 3 за 1907 г.; прокламации "К новобранцам" (1907 г.); "Ко всем", "К солдатам", "К студентам", листок № 1 "Крестьянин и рабочий" (1908 г.); отчет за август и сентябрь 1908 г.; "Голос труда" № 3 /2/.

Примечания

1. ЦГАОР, ф. 102, 00, оп. 1908, д. 5, ч. 63, л. 6, 37, 68, 84; д. 20, ч. 1, л. 18, 19; д. 7, ч. 16, л. 15; оп. 1909, д. 5, ч. 63, л. А, л. 6, 40; оп. 1910, д. 5, ч. 81, л. А, л. 8; ГАТО, ф. 3, оп. 77, д. 2138, л. 16; ЦИА, ф. 1405, оп. 530, д. 717, л. 59; д. 719, л. 29; д. 714, л. 26.

2. Богданова М. Ф. Распространение произведений К. Маркса и Ф. Энгельса в Западной Сибири (1905 - 1914 гг.) // Большевики в борьбе за организацию революционного движения в Сибири и на Дальнем Востоке (1903 - 1917 гг.). Томск, 1980. С. 23 - 24; В. И. Ленин и революционное подполье в Сибири. Омск, 1983. С. 173; Большевики Сибири в борьбе против царизма (1895 - февр. 1917). Омск, 1987. С. 97, 104, 107; Знамя труда. 1907. № 8. С. 16; За народ. 1907 № 10. С. 16; ПАНУ, ф. 5, оп. 2, д. 81, л. 22; ЦГАОР, ф. 102, 00, оп. 1907, д. 5, ч. 63, л. 162, 169; д. 9, ч. 36, л. 52; оп. 1908, д. 9, ч. 65, л. 58, 120; л. А, л. 5, 39, 42, 63; оп. 1909, д. 5, ч. 63, л. 25.

О. Н. Бахтина, канд. филол. наук (Томск)

КРЕСТЬЯНСКАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА НИФОНТОВЫХ

Алексей Никифорович Нифонтов - один из видных деятелей Томского раскола конца XIX - начала XX в. О нем пишет Д. Н. Беликов в известной работе "Старообрядческий раскол в Томской губернии", основываясь на несохранившемся деле Томского губернского суда, Алексей Нифонтов характеризуется как упорный и фанатичный защит-

ник раскола, один из наставников и руководителей поморского согласия. Он был непререкаемым участником споров о православии на почве "теоретических книжных рассуждений". Об этом свидетельствуют и такие факты: вложенные в книги письма старообрядца Н.И. Коровина секретаря I Всероссийского старообрядческого собора, наличие в собрании уникальных рукописных книг – Томского списка Степенной книги XVI в., Хронографа XVII в., рукописей с Выга и т.д. Библиотека Нифонтовых в Томском областном краеведческом музее представлена 26 книгами (7 рукописных и 19 старопечатных). Музей получил библиотеку в 1923 г. из Томского губисполкома как изъятую у владельцев историческую ценность.

Все книги из библиотеки Нифонтовых свидетельствуют об активном, внимательном и глубоком прочтении: рукописные книги в меньшей степени, старопечатные в большей содержат многочисленные пометы в тексте (до 300 в одной книге) и записи на форзацах и переплетных листах типа указателя для памяти. Пометы, встречающиеся в книгах, типичны для старообрядческих книг (слово "зри", рука с указующим перстом и др.), но есть и индивидуальные – маленькая круглая печать, оттиск делался красными чернилами, маленькие "бляшки" из металлической бумаги, наклеенные на полях текста и др. Иногда пометы представлены очень "густо" (89 на 15 листах), при этом некоторые листы остаются чистыми. Во внеслужебных книгах (Добротолюбие, Книга о вере и др.) Нифонтова особенно привлекают нравственные проблемы.

Многочисленные отчеркивания и подчеркивания красным, синим и простым карандашом, пометы "зри" и другие, часто соотносимые с записями типа указателя на форзацах и переплетных листах, свидетельствуют, на наш взгляд, о подготовке выписок для авторских сборников.

С Е К Ц И Я: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ЧАСТНЫЕ КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ (БИБЛИОТЕКОГРАФИЯ)

Р.И. Цуприк, канд. ист. наук (Чита)

ФОРМИРОВАНИЕ БИБЛИОТЕК ДЕКАБРИСТОВ В УСЛОВИЯХ КАТОРГИ

Ограничение или полное запрещение книг входило в систему карательных мер тюремного режима, так возмущавшего декабристов. Не случайно с борьбы за право читать и получать книги и периодические издания на каторге начинается первый и самый главный этап борьбы ссыльных декабристов за политическое существование в Сибири.

Первые 8 декабристов, доставленные в октябре 1826 г. в Благодатский рудник, испытали на себе жестокость произвола местных властей. Безропотно приняв всю тяжесть каторжной работы, они единодушно протестовали против попытки лишить их возможности читать. Голодовка декабристов 10 - 12 февраля 1827 г. в знак протеста против запрещения пользоваться вечером свечами окончилась победой узников: им разрешили не только свечи, но и книги, в том числе и присланные С.Г. Волконскому сочинения французских писателей.

В Читинском остроге, куда декабристов стали переводить с января 1827 г., книги проходили цензуру коменданта С.Р. Лепарского и возвращались владельцам. До августа 1828 г. были запрещены периодические издания - главный источник информации о событиях внешнего мира. "В паровике нашего казематского общества бурлили пары, сжатые высоким давлением, машинисты-тюремщики /.../ боялись подливать масла на огонь", - так объяснил эту особенность тюремного режима М.А. Бестужев /1/. Лишенные права переписки узники осуществляли связь с внешним миром через жен своих товарищей. С их помощью и комплектовалась казематская библиотека.

Был и другой, нелегальный, канал - это местное купечество и дружески расположенные к узникам офицеры из комендантского управления Лепарского. Об этом свидетельствует одно из тайных писем Д.И. Завалишина, отправленное из Петровского завода Смольяниновым "Для скорости здесь многие выписывают книги через генерала и плац-майора и адъютантов, и Ильинского и купцов - и генерал это знает,

и не запрещает – ибо в России не продается запрещенных книг, и, следовательно, опасности нет. Я сам недавно получил через Клея немецкие книги, которые выписывал из Петербурга, и сам дал их подписать генералу", – писал Завалишин /2/. Наличие у декабристов каталогов библиотек Смирдина и Плавильщикова свидетельствует о серьезном, целенаправленном комплектовании своих сибирских библиотек. Постепенно в каземате сосредоточилось большое количество книг по самым различным отраслям знаний. "Казематская академия", изучение иностранных языков, научные трактаты по самым различным вопросам науки и техники, практические занятия медициной, огородничеством, различными ремеслами – все это требовало разнообразных теоретических, практических и справочных пособий, словарей, без которых было трудно пользоваться иностранными изданиями. Иркутский генерал-губернатор Лавинский в ноябре 1828 г. докладывал в Петербург, что в Читинский каземат присылаются книги "на русском, французском, немецком, итальянском, греческом, английском и латинском языках, содержание коих по большей части относится к словесности, к частям высоких наук, как-то: математике, химии, механике, физике, исторические, новейшие путешествия, книги назидательные российских архипастырей и малая часть романов" /3/. Готовясь к длительному пребыванию в Сибири, возможно, в самых глухих ее уголках, узники запасались теми книгами, которые могли дать им пищу духовную на многие годы.

Общее пользование книгами говорит о существовании единой казематской библиотеки в Читинском остроге, где узники жили в больших тесных камерах. С переводом в Петровский каземат узников разместили в отдельных номерах, и обмен книгами стал затруднительным. Подписка зажиточной части казематского общества на периодические издания стала производиться в соответствии с их личными вкусами и желаниями, что не могло не отразиться на чтении малообеспеченных товарищей. Для ликвидации этого неравенства решили обратиться к испытанной форме товарищеской взаимопомощи – артели. Была создана газетно-журнальная артель, существовавшая, как свидетельствует Д.И. Завалишин, совершенно самостоятельно. Учредителями ее – Д.И. Завалишин, С.Г. Волконский и М.Ф. Митков. Выписывались издания, интересные для всех – политические, исторические, литературные. Перечень подписных изданий утверждался

большинством голосов, от этого зависела и вносимая плата — до 10 р.

По свидетельству Д.И. Завалишина, для соблюдения еще большей справедливости даже в газетной артели специальные, чисто ученые журналы выписывались не из общих средств, а на особую складчину тех, кому они были нужны. Вступающие в артель обязывались давать для чтения личные книги, журналы и газеты всем членам артели. На год выбирался библиотекарь, заведовавший подпиской и чтением. Каждая почта поступала к нему, он составлял список читающих, определял очередность и строго следил за ее выполнением. В каземате было 12 отделений, и каждое по очереди становилось первым обладателем очередной почты. Газеты давались каждому на 2 часа, журналы — на 2 суток. Повторно и на более длительный срок издание можно было получить только после его прочтения всеми членами артели. Задержавших издание штрафовали.

Узники не ограничивались удовлетворением только собственных читательских интересов. Хорошо зная, как трудно приходится тем, кто уже вышел на поселение, оставшиеся помогали им не только деньгами, но и книгами. С созданием газетно-журнальной артели поселенцев стали снабжать и периодическими изданиями после того, как они были прочитаны узниками каземата. "Посылали тем из состоявших на поселении товарищам, которые по своим средствам не могли сами их выписывать, или встречали от местного начальства стеснение в выписке /.../, чтобы хоть издали следить по порядку за событиями мира", — писал Завалишин /4/.

Петровский каземат постепенно пустел. Уменьшались и книжные запасы. Несмотря на все трудности путешествия по сибирским дорогам, декабристы везли с собой книги.

Получив относительную личную свободу на поселении, возможность общаться с местным населением, вести переписку, хотя и под контролем местных властей и Третьего отделения, поселенцы в то же время лишились главного — общества друзей, материальной поддержки казематской артели и книжных богатств казематской библиотеки.

Во многих декабристских колониях долгие годы сохранялись традиции казематской газетно-журнальной артели, обмен наиболее интересными изданиями, в том числе и запрещенными. Постоянные

заботы о хлебе насущном для большинства ссыльных не заслоняли стремления быть в курсе всех политических, научных и культурных новостей, в меру сил и возможностей приносить пользу людям.

Примечания

1. Воспоминания Бестужевых. М., 1951. С. 174.
2. РО ГБЛ, ф. 542, № 7, л. 35.
3. ЦГАОР, ф. 109, III отд, I экспед., 1826, л. 61, ч. 15/2/, л. 55.
4. Завалишин Д.И. Записки декабриста. Спб., 1906. С. 345.

А.Б. Шиндина (Красноярск)

КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ П.А. ЕФРЕМОВА В ЮДИНСКОМ СОБРАНИИ КРАСНОЯРСКОЙ КРАЕВОЙ БИБЛИОТЕКИ им. В.И. ЛЕНИНА

Петр Александрович Ефремов (1830 – 1907 гг.), замечательный библиограф и редактор, подаривший литературе множество первоклассных изданий русских авторов, был не менее талантлив и как выдающийся библиофил. Современники называли его "самой крупной и самой яркой фигурой" из собирателей второй половины XIX в. Он начал собирать свою библиотеку с семи лет и не расставался с ней до конца жизни. Московский книжник С.П. Виноградов, оставивший личные воспоминания о П.А. Ефремове, писал: "Если бы Ефремов в течение своей жизни только составил бы свою удивительную библиотеку и собрание русских гравюр и литографий, то и это создало бы ему почетное имя..."¹. По свидетельству другого современника, букиниста-антиквара П.П. Шибанова, "библиотека его была необычайно красива и необычна в своем составе... Мы видели у него на полках 16 томов Писарева, когда он на самом деле состоит из 10 томов... Все у него выросло как в своем объеме, так и по количеству томов. Это было потому, что он любил наращивать и приплетать к экземпляру то, чего в нем никогда не было: журнальные статьи, литературу по этому предмету и т.д. Таким образом, все у него выросло вдвое и втрое..."².

И вот эта изумительно неординарная библиотека не сохранилась

великолепное собрание гравюр было продано Ефремовым книгопродавцу Фельтену вскоре после вторичного переезда в Петербург, так как ни книги, ни гравюры Ефремову "не дозволили внести в квартиру, чтобы не проломить пол", а в сарае, где они хранились в ящиках, им грозила гибель от сырости и крыс.

Небезынтересно привести некоторые выдержки из писем петербургского букиниста В.И. Ключкова Г.В. Юдину, хранившихся в фондах Государственного архива Красноярского края и содержащих много любопытных фактов из жизни столичного книжного мира. Вот что он пишет в письме от 24 июля 1901 г.: "...Сообщаю Вам новость. П.А. Ефремов продает свою библиотеку и переезжает обратно в Петербург. Сначала я не верил этому слуху, но потом оказалось, что это верно. Бедного старика Москва обидела. Дело вот в чем: в Москве были фабричные беспорядки, в это время кто-то сообщил полиции, что у Ефремова много запрещенных книг. Полиция пригласила его к себе для разъяснения. Старика это страшно разобидело, он тотчас же поехал к московскому губернатору, дело разумеется разъяснилось; перед Петром Александровичем извинились, но это так подействовало на него, что он решил все книги и гравюры, до последнего листка, распродать и перебраться в Петербург. Относительно цифры пока ничего не могу сказать. Написал в Москву и надеюсь, получу более подробные сведения."

В письме от 27 августа 1901 г.: "...П.А. Ефремов переехал в Петербург, снял квартиру у Измайловского моста. Книги и гравюры уложил в ящики и перевез с собой. В Москве оставил лишь журналы и военный отдел." В ноябре 1901 г. Ключков сообщил Юдину о том, что Ефремов продал гравюры и иллюстрированные издания за 17 500 р. Фельтену и взял с него обязательство, что библиотеку он тоже купит за 17 500 р., если Ефремов ее не пристроит. "Пристроить книги за эту сумму будет нелегко, — добавляет Ключков, — ведь наиболее интересные и дорогие издания пошли к гравюрам."

Приведенные цитаты, во-первых, называют причину вторичного переезда Ефремова в Петербург, во-вторых, уточняют дату переезда туда, в-третьих, указывают сумму и дату продажи иконографического собрания. Данные эти несколько расходятся с литературными и, очевидно, нуждаются в дополнительной проверке.

Книжное собрание было продано Фельтену уже после смерти Еф-

ремова его вдовой и, как указывал Шибанов, "в львиной своей доле расплылось по всему Петербургу", распроданное покупщиком разным букинистам. Часть библиотеки Ефремова (24 тыс. томов) выкупил у Фельтена Пушкинский дом, часть попала к Д.П. Бурлыгину в Иваново-Вознесенск. Некоторую же часть приобрел для своей второй домашней библиотеки красноярский библиофил Геннадий Васильевич Юдин, и сейчас ефремовские книги в составе Юдинского собрания украшают фонды сектора редких книг Красноярской краевой научной библиотеки им. В.И. Ленина.

Документов, связанных с обстоятельствами покупки Г.В. Юдиным части библиотеки Ефремова, пока не обнаружено, поэтому некоторые выводы приходится делать лишь на основании отдельных предварительных данных изучения Юдинского собрания:

1. Юдин приобрел часть библиотеки Ефремова через букиниста В.И. Ключкова, своего основного поставщика. Об этом свидетельствуют разнообразные экслибрисы фирмы "Антикварная книжная торговля В.И. Ключкова".

2. Время приобретения Юдиным части библиотеки Ефремова — конец лета 1908 г. Это заключение можно сделать на основании дат, проставленных карандашом на нижней крышке переплета многих книг, что весьма характерно для экземпляров Юдинского собрания. Крайние даты на ефремовских книгах — 25.III.1908 — 27.XII.1908. Очевидно, они проставлялись при распаковке коробов с книгами.

3. Количество книг Ефремова не может быть названо даже приблизительно. На выставке, организованной к 150-летию со дня рождения Г.В. Юдина, раздел "Из библиотеки П.А. Ефремова" включал свыше 150 томов, отобранных главным образом по чисто внешнему признаку — золототисненному суперэкслибрису в виде инициалов "П.Е." на корешках книг в добротных полукожаных переплетах. В левом верхнем углу внутренней стороны верхней крышки переплета чаще всего наклеен скромный шрифтовой экслибрис светло-зеленого цвета "Из книг П.А. Ефремова". Изредка встречается отпечаток овального штампа с текстом "Петр Александрович Ефремов", очень редко — запись чернилами: "Библиотека Ефремова". Чаще на титуле проставлены карандашом инициалы "П.Е." и указано количество страниц (для конволютов через плюс). Иногда принадлежность книги Ефремову определяется только по характерному написанию даты на титуле или обложке книги.

Там же можно встретить написанные почерком Ефремова указания для переплетчика типа: "в одну", "с обложками", "3 книги в I с обложками". Полное выявление всех книг Ефремова в составе Юдинского собрания будет осуществлено в ходе составления печатного каталога этого собрания.

4. Книги из библиотеки Ефремова составляют одну из наиболее ценных частей Юдинской коллекции. Среди них есть прижизненные издания произведений классиков XVIII и XIX в., редкие книги, от тиражей которых сохранились считанные экземпляры, книги с автографами и автографами представителей литературы, науки, культуры. На уже упоминавшейся выставке было представлено около 60 конволютов, объединивших в своем составе свыше 200 аллигатов. Иногда это переплетенные вместе части или тома одной книги, но чаще под одним переплетом собраны тематически родственные издания. Так, один из конволютов включает 12 аллигатов, посвященных философу Б. Спинозе. Среди них не только отдельные издания, но и вклеенные или вpletенные вырезки из газет и журналов. Тематика конволютов самая разнообразная, едва ли не по всем крупным разделам десятичной классификации. Отдельные экземпляры содержат карандашные пометы самого П.А. Ефремова, относящиеся к содержанию книги (раскрывающие псевдонимы, исправляющие или уточняющие текст), и это делает их для исследователей-литературоведов ценнейшим источником. Ведь не случайно из-за колоссальной эрудиции современники называли Петра Александровича "живой летописью русской литературы".

Таковы предварительные итоги изучения небольшой части знаменитой библиотеки П.А. Ефремова, благодаря Г.В. Юдину неожиданно попавшей в начале века в далекую сибирскую провинцию.

Примечания

1. Виноградов С.П. П.А. Ефремов как собиратель // Памяти Петра Александровича Ефремова. М., 1908. С. 24 - 25.

2. Шибанов П.П. Друзья книги // Книга: Исслед. и материалы. 1973. Сб. 27. С. 161.

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ М.В. СУРИНА В ФОНДАХ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Продолжая раскрывать исследователям и ценителям старой книги фонды Научной библиотеки Томского университета, нельзя обойти вниманием ценное собрание книг, принадлежащее Михаилу Васильевичу Сурину.

М.В. Сурин родился в 1833 г. в Симбирске в дворянской семье. Закончив симбирскую гимназию, он поступил на юридический факультет Казанского университета, после окончания которого служил по ведомству юстиции и народного образования, преподавал богословие, географию, законоведение и словесность в учебных заведениях разных городов страны. Столь широкий диапазон его профессиональной деятельности и обширные личные интересы обусловили и универсальность характера его библиотеки, которая насчитывает около 2 тыс. томов. Книжное собрание завещано М.В. Суриным Томскому университету и передано в 1908 г. его вдовой из Киева, где последние годы жила семья М.В. Сурина, а сам он служил членом киевского окружного суда. В "Отчете о состоянии Императорского Томского университета за 1908 г." так характеризуется только что поступившая в библиотеку университета книжная коллекция киевского библиофила "...в высшей степени ценное собрание книг по различным отраслям знания, среди которых имеется и несколько инкунабул".

Вместе с библиотекой был передан и рукописный каталог, книги в котором распределены по восьми разделам, включающим литературу по истории, географии, искусству, естествознанию, словесности, справочные и периодические издания. Открывает каталог раздел "Богословие...Философия.Педагогика", основная часть изданий которого (около 100) религиозная и богослужебная литература, книги по истории всех мировых религий. Здесь представлены издания книг Священного писания на разных языках, в том числе Библия на японском языке, небольшая коллекция книг по буддизму, религиозно-мистические сочинения, изданные в России и за рубежом в XVIII - XIX в., и др.

Особенно богат и разнообразен по своему составу раздел сло-

весности и языкознания, представленный именами римских классиков в издании Эльзевиров и Альдов, писателей эпохи Возрождения (например, издание "Божественной комедии" А. Данте 1569 г.), европейских и русских поэтов XVIII – XIX в. Показательна в этом смысле коллекция из 10 изданий "Слова о полку Игореве", самое раннее из которых относится к 1837 г. Также можно выделить небольшую коллекцию русских книг XVIII в., среди которых сочинение П.П. Шафирова "Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый...к началу войны против короля Карола 12, шведского...имел..." (М., 1722), "Путешествие Палласа по разным провинциям Российского государства" (1773 – 1786), один из полиграфических шедевров рузаевской типографии Н. Струйского, и другие редкие издания.

Одной из интересных особенностей библиотеки М.В. Сурина является собрание русских литературных альманахов и сборников XVIII – XIX в., состоящее из 37 книжек. 25 из них – издания первой половины прошлого столетия, которые вошли в число лучших альманахов пушкинской поры. Среди них – все три книжки знаменитой "Полярной звезды" декабристов А.А. Бестужева-Марлинского и К.Ф. Рылеева на 1823 – 1825 гг., все восемь выпусков "Северных цветов" А.А. Дельвига и А.С. Пушкина, "Мнемозина на 1824 год", издаваемая А.Ф.Одоевским, полный комплект роскошно издававшегося В.А. Владиславлевым альманаха "Утренняя заря" на 1839 – 1843 гг. и другие сборники.

Особо следует сказать о коллекции иностранных изданий, находящихся в книжном собрании М.В. Сурина, которых насчитывается около 200. В основном это книги на французском, немецком и латинском языках, охватывающие период с XV по XIX в., в том числе издания голландских печатников Эльзевиров, итальянской фирмы типографов Альдов и др. М.В. Сурин, очевидно, хорошо владел польским языком и интересовался историей Польши, о чем свидетельствует небольшая подборка польских книг с комментариями владельца. Кроме печатного материала, в библиотеке имеется рукопись на польском языке, включающая произведения польских поэтов IX – XIX вв., приобретенная коллекционером у Сабини Мошинской, а также рукописные листы с построчным переводом "Дядюв" А. Мицкевича с правкой М.В. Сурина.

Как видно, коллекция книг, принадлежащая М.В. Сурину, формировалась владельцем не только исходя из его профессиональных интересов, — доля юридической и педагогической литературы в ней незначительна, — но в большей степени может быть названа библиофильской. Библиотека, которую ему удалось собрать, — плод длительного, целенаправленного собирания человеком, знающим книгу, понимающим ее историческую и культурную ценность, страстным библиофилом. Лишь небольшая часть книг была куплена им в книжных магазинах, основной же массив изданий приобретался посредством личных библиофильских связей и через известных букинистов страны. О чем свидетельствуют многочисленные владельческие записи, штемпели личных библиотек, ярлыки антикварных книжных магазинов.

В отделе редких книг ведется работа по описанию и изучению книжной коллекции М.В. Сурина, которая завершится изданием ее каталога и, несомненно, даст новый, интересный материал для изучения личных библиотек, их формирования, бытования в дворянской среде XIX в., истории библиофильства прошлого.

Т.П. Карташова (Томск)

ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ БИБЛИОТЕКА Г.Г. ТЕЛЬБЕРГА В ФОНДАХ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Изучая историю книжной культуры Сибири, невозможно оставить без внимания целый ряд проблем, связанных с кругом чтения сибиряков различных социальных групп. В решении этих и других вопросов нам помогает метод реконструкции библиотек, который становится все более популярным, так как позволяет не только воссоздать судьбу библиотеки, но и раскрывает характер ее связей с идейными устремлениями эпохи.

Среди книжных собраний сибиряков, находящихся в фондах ОРК НБ ТГУ, заслуживает внимания историко-правовая библиотека томского профессора Г.Г. Тельберга, поступившая в 1919 г.

Георгий Густавович Тельберг родился в 1881 г. в Царицыне. После окончания Казанского университета (в 1903 г.) занимался адвокатской деятельностью, преимущественно в районах Урала. За исследование по истории политического суда в России получил степень магистра. С 1908 г. он состоял приват-доцентом Московского, а с

1912 г. профессором Томского университета. При Колчаке Тельберг занимал должность старшего юрисконсульта, а впоследствии был рекомендован на пост управляющего делами при Сибирском правительстве. Дальнейшая судьба Г.Г. Тельберга неизвестна, скорее всего он уехал за границу.

Коллекция книг, оставленная в библиотеке университета на сохранение, была упакована в ящики (всего 34) и помещена в подвале книгохранилища, где и обнаружена лишь через 10 лет, 27 июня 1929 г. Тогда же создана комиссия для вскрытия ящиков и произведения описи их содержимого. В акте вскрытия характеризуется состав библиотеки: "...книги юридического, историко-юридического содержания, кроме того имеются также книги историко-литературные и беллетристические" /1/. В 25-м ящике находились рукописи, в том числе материалы по февральскому перевороту и относящиеся к колчаковскому периоду, а также письмо М.М. Сперанского 1813 г. из Перми к императору Александру I и несколько архивных дел петровских и елизаветинских времен. К сожалению, от архива Тельберга осталось лишь несколько фотографий и писем к друзьям и родным.

По объему библиотека насчитывает 4926 книг, на всех - пометки о принадлежности их Г.Г. Тельбергу в виде штампа или шифра. В настоящее время выявлена только пятая часть книг (около 800), но и на основе этого небольшого объема уже можно судить как о составе библиотеки, так и о запросах ее владельца.

В основном - это русские издания рубежа XIX - XX вв., за редким исключением - начала XIX в. Встречаются книги на немецком, английском и французском языках.

Интересы Тельберга были необыкновенно широки. В его библиотеке мы находим целые массивы книг по истории, философии, археологии (Тельберг был почетным членом императорского Московского археологического института), литературоведению, языкознанию, педагогике, психологии, экономике, библиографии. Значительную часть занимают тематические конволюты, составленные самим Тельбергом из периодических изданий того времени (около 20 названий журналов), от широко распространенных до узкоспециальных провинциальных.

Пока трудно говорить о начальных стадиях формирования владельцем библиотеки, работа с ней только началась. Но уже известны некоторые источники поступлений книг. Часть книг Тельберг по-

купал, часть выписывал через книжные магазины Москвы, Санкт-Петербурга, Житомира, Пензы, Казани. Есть книги со штампом книжного магазина П.И. Макушина в Томске. Целенаправленно собирая свою библиотеку, он активно использовал каталоги книжных магазинов, музеев, частных собраний, алфавитные указатели его библиотеки.

Многие книги были подарены Тельбергу авторами и издателями. Выявлено уже 36 автографов, в том числе дарственные книги с автографами С. Шумакова, Ф. Тарановского, Н. Новомбергского, С.Ф. Платонова, М.М. Рубинштейна.

Интересна подборка запрещенных изданий конца XIX в. и, особенно, начала XX в., коллекция книг периода первой русской революции; произведения А. Герцена, Г. Плеханова, Дж. Кеннана, Л. Мартова, М. Бакунина, А. Бебеля, К. Каутского и многие другие.

Работа по выявлению и научно-библиографическому описанию книжного собрания Г.Г. Тельберга будет продолжена. Воссоздание и изучение его библиотеки позволит лучше понять духовные запросы, характер деловых и дружеских связей представителей томской интеллигенции, поможет воссозданию истории старейшего университета Сибири, укреплению и продолжению его традиций.

Планируется издание каталога библиотеки Г.Г. Тельберга, а также публикация архивного материала.

Примечание

1. Архив библиотеки. Т. 6. Л. 70.

Г.И. Колосова (Томск)

"ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СИБИРЕВЕДЕНИЯ" (книжное собрание Г.К. Тюменцева в фондах Научной библиотеки Томского университета)

В 1925 г. в библиотеку Томского университета было передано книжное собрание Г.К. Тюменцева. "Энциклопедией сибиреведения" назвал его А.И. Милютин, бывший в то время директором библиотеки.

Гавриил Константинович Тюменцев родился в 1842 г. Успешно закончил в 1861 г. тобольскую гимназию и был направлен на учебу

в Казанский университет. В 1866 г. окончил физико-математический факультет по разряду естественных наук. Некоторое время Г.К. Тюменцев работал в учебных заведениях Тобольска, Омска, Красноярска, а в 1870 г. переехал в Томск, где преподавал в гимназиях города. В 1877 г. его назначили директором вновь открытого томского Алексеевского реального училища, которое он возглавлял до 1907 г.

Кроме педагогической деятельности, Г.К. Тюменцев в свободное время на протяжении сорока лет с величайшей тщательностью вел метеорологические наблюдения на станции, созданной на собственные средства. В 1888 г. за заслуги по исследованию климата Сибири Академия наук утвердила его членом-корреспондентом Главной физической обсерватории. Много сил и времени он отдавал собиранию материалов о климате, природе, истории, статистике и экономике Сибири. Это увлечение началось еще в годы учебы в университете, и более чем за 50 лет Г.К. Тюменцевым была собрана уникальная библиотека, посвященная Сибири, которую он передал Томскому университету. Умер Г.К. Тюменцев в 1931 г.

В процессе работы с книжным собранием Г.К. Тюменцева было установлено, что он передавал свои книги поэтапно. Еще до открытия Томского университета им отдана в библиотеку небольшая партия книг, около 40 ед. На книгах сохранились владельческие записи карандашом синего цвета: "Тюменцев". Это была в основном литература учебного характера по медицине и естественным наукам.

В 1918 г. Г.К. Тюменцев прислал письмо в Ученый совет университета, в котором просил принять в дар свое книжное собрание при условии пользования его книгами только в стенах библиотеки. Он оговаривал передачу книг небольшими частями и вскоре передал в библиотеку университета около 250 книг.

В 1925 г. Г.К. Тюменцев вновь обратился с предложением о передаче библиотеке университета оставшейся части своей книжной коллекции. На заседании Правления университета должным образом отметили этот дар и постановили хранить библиотеку отдельно, присвоить ей наименование "Библиотека Г.К. Тюменцева" и украсить портретом владельца. О пожертвовании было оообщено в Отдел высших учебных заведений Главпрофобра и Главнауку, а также в Наркомпрос.

Книги в 1925 г. передавались партиями по спискам владельца.

В архиве библиотеки сохранилось пять таких списков, согласно которым передано 437 книг (766 томов).

К сожалению, постановление Правления университета не было выполнено, и книги оказались распылены по основному фонду. В 1978 г. начата работа по выявлению и восстановлению всего книжного собрания Г.К. Тименцева. На титульных листах книг, переданных в 1918 и 1925 гг., имелся оттиск штампа "Тавриил Константинович Тименцев". Этот отличительный знак помог при розыске в основном фонде библиотеки его книг.

Условно книги книжного собрания Г.К. Тименцева можно разделить на три группы: периодические издания, отдельные книги и владельческие конволюты, которые Г.К. Тименцев называл "Сборники статей о Сибири и прилежащих к ней странах", общим количеством 335 томов.

В конволютах — их называют еще "Тименцевские сборники" — заключен большой по объему материал, отражающий все стороны жизни Сибири от ее освоения до событий начала XX в. Количественно это около 4 тыс. брошюр, различных научных статей, монографий, художественных произведений, карт, фотографий, объявлений и т.д. практически все, что печаталось как в России о Сибири, так и в самой Сибири. Материал размещен по форматам, встречаются, но редко, тематические сборники. В "Сборниках...", начиная с 19-го тома владелец вместо рукописного вклеивает уже печатные титульные листы, специально заказанные им в типографии. Судя по переплетам "Сборников...", Г.К. Тименцев около 8 раз заказывал для них полукоронные или полуколенкорные переплеты.

Со "Сборниками..." был передан рукописный алфавитный карточный каталог, в котором около 4 тыс. карточек. В архиве библиотеки сохранились две рукописные тетради, содержащие роспись содержания каждого тома — в общей сложности оказалось расписано первых 82 тома и с 296 по 335 том.

В настоящее время ведется работа по научно-библиографическому описанию "Сборников статей о Сибири" и ее результаты подтверждают уникальность подбора литературы в "Тименцевских сборниках". Изучение книжного собрания Г.К. Тименцева — это не только выявление духовных запросов одного из представителей сибирской интеллигенции, но и великолепная база, способствующая раскрытию репертуара сибирской книги XVIII — начала XX в.

СИБИРСКИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗДАНИЯ В БИБЛИОТЕКЕ
КЯХТИНСКОГО МУЗЕЯ

Кяхтинский краеведческий музей им. академика В.А. Обручева* располагает собранием, содержащим более 30 тыс. экз. книг. Библиотека, появившаяся вместе с основанием музея в 1890 г., за 100 лет существования накопила немало изданий, в том числе и сибирских дореволюционных. Состояние книжного фонда, отсутствие справочного аппарата долго не позволяли заняться выявлением этого рода литературы. Актуальность же данной задачи возросла в связи с подготовкой в ГИИТБ СО АН СССР сводного каталога сибирской и дальневосточной дореволюционной книги /1/. Кяхтинским музеем проведено предварительное изучение книжного фонда. Начат анализ коллекции книг, изданных в дореволюционной Сибири.

Общее количество указанных изданий составляет в фонде 654 экз. Хронологические рамки относительно узкие, самое раннее издание датируется 1863 г. Это "Иркутские епархиальные ведомости География изданий охватывает 16 сибирских городов: Барнаул, Благовещенск, Бодайбо, Верхнеудинск, Владивосток, Иркутск, Красноярск, Минусинск, Нерчинск, Омск, Тобольск, Томск, Троицкосавск-Кяхта**¹, Хабаровск, Чита, Якутск. Из казенных типографий того периода представлены губерnsкие окружные типографии, правления Забайкальского казачьего войска, штабов Иркутского и Омского военных округов, Восточного института. Представлены также многочисленные частные типографии: "Амурский край", "Чурин и К^о", "Мокин и К^о" (Благовещенск), Т.А. Дмитриевой (Бодайбо), С.Б. Нодельмана, А.К. Кобылкина (Верхнеудинск), "Дальний Восток" (Владивосток), Н. Синицына, П. Макушина и В. Посохина, К.И. Витковской, И.А. Белоголового (Иркутск), Е.Т. Коновалова (Канск), А.Д. Жилина, Е.Ф. Кудрявцева (Красноярск), А.Ф. Метелкина, В.В. Федорова,

*Музей основан в 1890 г. В 1894 г., с образованием Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русского географического общества, музей и библиотека при нем перешли в ведение отделения.

**Т. Троицкосавск-Кяхта - в дооктябрьский период два населенных пункта: город Троицкосавск и его торговая слобода Кяхта. В настоящее время это один город Кяхта.

В.И. Корнакова (Минусинск), товарищества "Печатное искусство" (Омск) М.Д. Бутина (Нерчинск), С.П. Яковлева, П.И. Макушина, В.М. Перельмана (Томск), П.А. Саплина, М.М. Коковина, И.А. Лушникова (Троицкосавск-Кяхта), М.И. Валова и П.М. Ахитовича, типография Забайкальского товарищества печатного дела (Чита).

По тематике все издания можно условно разделить на два типа официальные и научные. Первые включают разного рода инструктивные материалы, сводки губернских, областных, статистических комитетов о социально-экономическом состоянии края, памятные книжки, сводки о видах на урожай разных лет, бюллетени метеорологических станций, статистические сведения переселенческих управлений, отчеты городских дум и управ о движении городских сумм, епархиальные ведомости и тому подобные материалы.

Научная литература по различным отраслям знаний представлена трудами научных обществ и их экспедиций, отдельными работами членов обществ, отчетами о деятельности обществ, каталогами библиотек и музеев. Фактические сведения, содержащиеся в тех и других изданиях, могут быть широко использованы историками, географами, экономистами, этнографами, сегодня они небезынтересны как в научном, так и в практическом отношении.

Издания поступали нерегулярно. По количеству экземпляров сравнительно полно представлены издания Общества изучения Амурского края, Общества врачей Восточной Сибири, Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского отделов Русского географического общества, Красноярского отдела Московского общества сельского хозяйства, Читинского и Троицкосавского отделений Приамурского отдела Русского географического общества, Томского технологического института, Восточного института. Из 654 экз. по полноте подборки можно выделить лишь "Иркутские епархиальные ведомости" (имеются их годовые комплекты за 1863 - 1899 гг.), "Забайкальские епархиальные ведомости" (с 1900 по 1917 г.), в которых особый интерес представляет неофициальный отдел, а также газету "Байкал" за все годы ее существования, т.е. с 1897 по 1906 г. (Выходила в Троицкосавске-Кяхте, издатель И. Багашев.) Наименьшее количество экземпляров Нерчинской типографии - 9. Это издания городской управы и городского музея. Одним экземпляром представлен г. Бодайбо (небольшая брошюра "Открытие Бодайбинского реального училища 14 сентября 1914 года").

При анализе путей поступления книг в музей замечено, что научная литература направлялась в музейную библиотеку. Разносторонние научные исследования членов Троицкосавского отделения Приамурского отдела РГО вызвали необходимость приобретения трудов других научных обществ. Отсюда – организация обменного фонда, подписка на издания из средств Отделения, пожертвования авторов – ученых. Издания официального характера, как правило, поступали в городскую общественную библиотеку. По окончании гражданской войны в Забайкалье они были переданы на хранение в музей. Тогда же поступили и епархиальные ведомости.

Таков краткий обзор дореволюционной сибирской литературы из библиотеки Кяхтинского музея. Сведения, изложенные в статье, лишь зафиксировали наличие литературы в фонде музея. Предполагается более подробное изучение.

Примечание

I. Задачи создателей каталога и его научная значимость изложены в ст.: Ситников Л.А. О "Сводном каталоге сибирской и дальневосточной дореволюционной книги" // Русская книга в дореволюционной Сибири. Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. Новосибирск, 1984. С. 151.

М.И. Санникова (Кяхта)

КНИЖИ П.И. МАКУШИНА В БУРЯТСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ им. М. ГОРЬКОГО

Республиканская универсальная научная библиотека им. М. Горького выросла на базе фондов Верхнеудинской общественной библиотеки^{*}. Создание ее повторяет историю других многочисленных библиотек, возникших по инициативе прогрессивной общественности. Структура библиотеки включает в числе других и отдел редких и ценных книг, насчитывающий около 15 тыс. экз. Работа по отбору редких

^{*}Верхнеудинская городская общественная библиотека была основана в сентябре 1881 г. по инициативе смотрителя верхнеудинского училища Н.С. Нелюбова.

изданий начата старейшим библиографом-краеведом М.М. Спектором в 60-х гг. Только в 1981 г. эти издания были выделены из общего книгохранения, получили отдельное помещение и стали существовать официально в качестве отдела.

Фонд отдела систематизирован по коллекциям, среди которых имеется и коллекция книг, так или иначе связанных с деятельностью П.И. Макушина. Коллекция небольшая (около 40 экз.), но и по ней можно воссоздать довольно четкую картину просветительской деятельности П.И. Макушина, круг чтения сибиряков, историю политической и духовной жизни Сибири.

В коллекции общественно-политическая, историческая, краеведческая, научно-популярная, художественная классическая литература, т.е. книги, рассчитанные на широкий круг читателей. Большую часть их составляют работы, изданные в Центральной России и реализованные в Сибири через магазины П.И. Макушина в Томске и Иркутске. Это изданное в Петербурге А.Ф. Марксом произведение А. Чехова "Остров Сахалин: из путевых записок", книги С. Филиппова "Поволжье, Дон и Кавказ" (М.: Изд. К.Ф. Одаченко, 1887; К.Н. Старке "Первобытная семья, ее возникновение и развитие" (СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1901) и др. К этому можно добавить книгу Н.М. Карамзина "История государства Российского" (т. 9. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1889) из серии "Дешевая библиотека", в которой содержится ценный материал справочного характера - алфавитный список изданий Суворина в книжных магазинах Михайлова и Макушина в Томске.

Деятельность П.И. Макушина как издателя можно проследить по книгам А.В. Адрианова "Город Томск в прошлом и настоящем" (Томск, 1890); С. Чудновского "Енисейская губерния к трехсотлетию юбилея Сибири: Статистико-публицистические этюды" (Томск, 1885); "Волостной суд, преобразованный по закону 2-го июня 1898 года, практическое руководство" (Томск, 1900). Из этих примеров видно, что изданные им самим книги носили краеведческий характер.

Пути поступления книг разнообразны, но характерны для всех общественных библиотек. Определить их позволили инвентарные книги, библиотечные штампы, владельческие печати, наклейки, дарственные надписи. Не все экземпляры коллекции сразу пришли в библиотеку Верхнеудинска. Большинство из них в свое время принадлежало городским, уездным библиотекам Центральной Сибири и Забай-

каля. Таким образом в республиканскую библиотеку им. М. Горького попали издания, когда-то принадлежавшие политическим ссыльным Баргузина. Так, книга "Письма Фердинанда Лассалья к К. Марксу и Ф. Энгельсу" (Спб.: Лит. дело, 1905) имеет более позднюю пометку Баргузинской общественной библиотеки. Книги, пожертвованные кяхтинскими меценатами, (например, К.И. Назимовым: Б.Д. Прозоровская "Мартин Лютер. Его жизнь и реформаторская деятельность: Биографический очерк" (Спб., 1898); В.Я. Классен "Лассаль. Его жизнь, научные труды и общественная деятельность: Биографический очерк" (Спб., 1896) из серии "Жизнь замечательных людей"; иркутянином В.А. Белоголовым: "Отчет правления Иркутского общества взаимного страхования имуществ от огня..." (Иркутск, 1897)) поступили из Троицкосавской общественной библиотеки.

Еще одним путем поступления были дублетные фонды других библиотек. Среди них книги из Енисейской городской центральной библиотеки: И. Кузнецов "Исторические акты XVII столетия /1633 - 1699/: Материалы для истории Сибири" (Томск, 1890); Д. Клеменц "Древности Минусинского музея: Памятники металлических эпох: Атлас" (Томск, 1886).

В 30-е гг. коллекцию дополнили книги из библиотеки Народного дома рабочих и крестьян Прибайкалья им. В.И. Ленина, сохранившиеся после пожара. С 20-х гг. и позднее стали поступать книги из Троицкосавской общественной библиотеки (история их хранения на местах требует особого освещения). В послеоктябрьский период приходили книги из расформированных гимназических библиотек. Например, книга Д.И. Шнейдера "Наш Дальний Восток: Три года в Уссурийском крае" (Спб., 1897) - из верхнеудинской библиотеки женской прогимназии.

Хронологические рамки данной коллекции охватывают 15 лет. Краткая характеристика одной из небольших коллекций отдела редких книг Бурятской республиканской библиотеки им. М. Горького - начало научной обработки этого интереснейшего фонда.

КНИГИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ТОБОЛЬСКОГО ЦЕРКОВНОГО ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА
В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Книжная коллекция Тобольского церковного древлехранилища по праву считалась одной из интереснейших на территории Сибири. Еще в 50-х гг. XIX в. о ней писал протоиерей А. Сулоцкий. К сожалению, в 20 – 30-е гг. XX в. коллекция была распылена. Известно, что часть книг в 1929 – 1930 гг. попала в Тобольский архив; обзор этой части сделал В.И. Малышев в 1945 г. (тогда же он составил охранную опись на коллекцию), а полное описание дано в 1975 г. Е.И. Дергачевой-Скоп и Е.К. Ромодановской. Вторая часть коллекции оказалась в Томске. Существует две версии поступления части Тобольской коллекции в Томск. Согласно первой из них, опубликованной Н.А. Квашниным в 1941 г., во время отступления колчаковцев уходившие с ними представители высшего духовенства Тобольска пытались эвакуировать и книжный фонд древлехранилища, но обзор был отбит красноармейцами. Книги попали в руки Томской ВЧК и затем были переданы в университет. Согласно второй версии, сообщенной нам директором археологического музея при ТГУ Ю.И. Ожередовым, книги мог привезти из Тобольска в Томск в середине 20-х гг. сотрудник этнолого-археологического музея при ТГУ Порфирий Славянн. Однако документально обе версии не подтверждены.

С 20-х гг. книги из Тобольска находились в этнолого-археологическом музее при ТГУ, позже преобразованном в музей истории материальной культуры. 26 мая 1954 г. часть книжной коллекции музея, в том числе книги из Тобольска, передана в НБ ТГУ. В 1971 г. Е.К. Ромодановская описала рукописную коллекцию НБ ТГУ, в том числе 21 рукопись из Тобольска. В 1975 г. В.В. Лобанов составил каталог славянских книг кирилловской печати XVII – XVIII в. в НБ ТГУ. В нем описано 7 книг из Тобольска (две в одном переплете). В настоящее время в фондах библиотеки обнаружено еще 18 рукописей и гектографированное издание из коллекции древлехранилища.

Всего из музея по описи 1954 г. было передано 64 работы (51 рукопись и 13 печатных книг). Из 51 рукописи удалось идентифицировать 48. Следует отметить, что в алфавитном каталоге НБ ТГУ рукописи описаны под иными названиями, чем в акте 1954 г. Из чис-

ла книг, переданных по акту, необходимо было выявить происходящие из Тобольска, что и сделано по ряду характерных признаков: ярлыки, печати, соответствующие записи на книгах, описи, составленные в музее, где указывался источник поступления.

Таким образом, из 51 рукописи, переданной по акту, к тобольскому собранию можно отнести 40. Из них 3 XVI в. (старейшая - Часослов - датируется концом XV - началом XVI в., у Е.К. Ромодановской не описана). Вызывает сомнения датировка одной из рукописей ("Алфавит неудобъ разумеваемых речей..."), которая в описи 1971г отнесена к XVI в. На основании филолого-лингвистического анализа логичнее датировать ее началом XVII в. 13 рукописей собрания относятся к XVII в., 17 - к XVIII в., 8 - к XIX - началу XX в.

Из 13 печатных книг, переданных из музея по акту 1954 г., идентифицировано 10. На основании тех же внешних признаков, что и рукописи, к коллекции ТЦД можно отнести 8 книг (если считать 2 издания, подшитых в единый переплет, за 2 разные единицы), 7 из них описаны в каталоге В.В. Лобанова: 3 относятся к XVI в., 3 - к XVII, 1 - к XVIII в., а гектографированное издание датируется концом XIX - началом XX в. Некоторая путаница произошла с Евангелием Петра Мстиславца (Вильно: тип. Мамоничей, 1575). Эта книга в акте 1954 г. описана как рукопись и озаглавлена "Острожское евангелие", что затруднило ее идентификацию. Вызывает сомнения и отнесение этой книги к коллекции ТЦД (рисунок ярлыка не вполне сходен с традиционным).

Две книги в акте 1954 г. не озаглавлены, что наводит на мысль, что они могли быть иностранными изданиями. Одна из этих книг уже найдена, это *Paedagogi christiani* (1666). Таким образом, в Тобольском собрании были и иностранные издания.

В целом можно сказать, что печатные книги из собрания ТЦД представлены в НБ ТГУ менее богато, чем рукописи, однако это тоже очень ценные и интересные экземпляры.

Коллекция ТЦД, имевшая огромное значение для Сибири, нуждается в реконструкции и детальном изучении. Этой цели служит как уже составленное черновое описание книг и рукописей из коллекции ТЦД в НБ ТГУ, так и дальнейшее их исследование.

БИБЛИОТЕКА И.Н. БУТАКОВА (в редком фонде
библиотеки Томского политехнического института)

В редком фонде библиотеки Томского политехнического института хранится частное книжное собрание профессора, организатора и руководителя школы сибирских энергетиков, заслуженного деятеля науки и техники Иннокентия Николаевича Бутакова. Более 40 лет Иннокентий Николаевич отдал научной, педагогической и общественной деятельности в стенах Томского политехнического института.

Родился И.Н. Бутаков в 1881 г. в семье мелкого чиновника на Александровском заводе в Забайкалье. Обучаясь в гимназии, выработал привычку к упорному труду. Мать прочила сына в университет, ему легко давались языки, он очень любил художественную литературу. Но судьбой распорядился первый поезд, прибывший в Читу по тогда еще строящемуся Великому Сибирскому пути. Появилось страстное желание - изучить паровоз, стать инженером-механиком. Осенью 1900 г. он поступил в только что открывшийся Томский технологический (ныне политехнический) институт на механическое отделение.

После окончания института работал машинистом паровоза при депо ст. Курган, затем начальником литейного, а позже котельного и вагонного цехов Омских главных железнодорожных мастерских. С 1913 г. переведен в Томск на должность начальника технического отдела службы тяги Сибирской железной дороги. Творчески подходя к решению производственных проблем, инженер И.Н. Бутаков стал организатором многих технических мероприятий. Обобщая опыт работы Омских мастерских и других предприятий, он поместил в технические журналы ряд статей, которые собраны в сборнике "Некоторые вопросы организации дел в ж.д. мастерских" (1914).

Работая транспортником, Иннокентий Николаевич одновременно преподавал в Томском политехникуме. В 1918 г. он избран по конкурсу преподавателем технологического института, в 1921 г. - профессором, а через 3 года стал руководителем вновь открывшейся специальности теплосиловых установок. В этот особенно продуктивный период его деятельности появились брошюры по вопросам организации труда. Большой интерес вызвала его работа "Оплата труда масте-

вых и рабочих..." (Томск, 1919). Напечатанное за счет кредитов Томской дороги в количестве 500 экз., издание разошлось в течение 1919 г. в пределах одной Сибири, ибо сообщение с Европейской Россией было прекращено из-за гражданской войны. Учитывая потребность в данной книге, автор подготовил второе издание, дополненное новыми сведениями. Оно вышло в Петрограде в 1922 г. О том, какое значение имела эта брошюра, свидетельствует тот факт, что экземпляр ее хранится в библиотеке В.И. Ленина в Кремле.

В дальнейшем И.Н. Бутаковым были написаны работы: "Административно-техническая организация промышленных предприятий" (Томск, 1921); "Специализация, кооперация, тейлоризация и подбор работников" (Томск, 1928); "Энергетика труда и утомление" (Томск, 1928), изданная книжным кооперативом студентов Сибирского технологического института им. Ф.Э. Дзержинского.

Знакомство с библиотекой убеждает в том, что в центре внимания ученого был человек как предмет познания. Становится понятно что наличие таких книг, как К. Эберга "Цель творчества" (Пб., 1919), Н.М. Шустрова "Нормальный организм и выбор профессий", А.И. Рабиновича "Рабочее время и его использование" (М.; Л., 1926) и многих других было вызвано профессиональным интересом. Сегодня такая литература пользуется особым спросом у читателя, поскольку отражает вопросы, во многом созвучные нашему времени. Тематика научных работ ученого всегда касалась самых злободневных вопросов инженерной практики. Так, им была предложена система коэффициента полезного действия сложных теплосиловых установок и энергетических систем. Важное значение имели труды И.Н. Бутакова "Смешанное использование тепла в пародвигателях и паровые аккумуляторы" (Томск, 1928), "Механическая тяга в котельной" (М., 1931).

Через всю жизнь ученый пронес любовь к Сибири, был предан делу ее индустриализации, культурного развития. Не случайно поэтому наличие в коллекции сибирской тематики: Н.М. Ядринцев "Сибирь как колония" (Спб., 1882), Кл. Оланьон "Сибирь и ее экономическая будущность" (Спб., 1903), П.А. Словцов "Историческое обозрение Сибири", изданное И.М. Сибиряковым, и др.

Библиотека ученого интересна и разнообразна. По хронологическому охвату представлены издания с середины XIX в. по 70-е гг. XX в.

Помимо трудов самого владельца в коллекции находятся работы с дарственными надписями его учителей и коллег, профессоров института Н.И. Карташова, М.А. Усова, В.А. Ванюкова и других, а также научно-техническая литература отечественных и зарубежных авторов.

Наряду с технической литературой имеется много книг по философии, психологии, экономике, что говорит о высоких духовных вопросах и широте эрудиции ученого. Так, в библиотеке есть первое русское издание 3-го тома "Капитала" К. Маркса (Спб., 1896) в переводе известного русского экономиста Н.Ф. Даниельсона. Вызывал интерес у И.Н. Бутакова французский публицист П.Ж. Прудон, не даром в коллекции содержатся почти все произведения этого автора, переведенные на русский язык: "Война и мир" (М., 1864), "Искусство" (Спб., 1865), "Французская демократия" (Спб., 1867). Здесь также и шумевшая книга О. Шпенглера "Закат Европы" (М., 1923) и "поучительное" произведение Ив. Озерова "Чему учит нас Америка?" (Спб., 1908).

Примечательно наличие книг по педагогике, организации высшего образования. Почти всю свою жизнь ученый-энергетик сочетал производственную работу с педагогической, был талантливым администратором и прекрасным педагогом.

Внимание в коллекции привлекают издания большого формата, облаченные в нарядные переплеты. Это произведения зарубежных классиков: "Полное собрание сочинений Виллиама Шекспира" (Спб., 1887), "Собрание сочинений Гете" (Спб., 1892), "Сочинения лорда Байрона" (Спб., 1883), "Собрание сочинений Шиллера" (Спб., 1901). Рядом издания А.Ф. Маркса прошлого века: сочинения И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова и других, а также труды историков С.М. Соловьева, М.М. Стасюлевича, К.Д. Кавелина и других.

Коллекция содержит и редкое издание Искандера "Прерванные рассказы" (Лондон, 1857). (Искандер – литературный псевдоним А.И. Герцена.) В конце 50-х гг. имя великого революционера-демократа, публициста и писателя стало запретным в легальной русской литературе. Книга была напечатана в Лондонской вольной типографии Герцена.

Формирование книжного собрания профессора И.Н. Бутакова осуществлялось различными путями: через букинистические магазины, в результате даров из частных коллекций.

Об этом говорят содержащиеся в книгах дарственные надписи, книжные ярлычки. Так, на обороте переплета книги И.Е. Забелина "История русской жизни с древнейших времен" (М., 1876) есть книжный ярлычок, на котором значится "Библиотека Михаила Ивановича Семевского", а на титульном листе — дарственная надпись автора известному историку М.И. Семевскому. Некоторые книги имеют пометы, подчеркивания, записи, свидетельствующие об отношении владельца к прочитанному.

Отражая жизнь и деятельность крупного ученого, личности просвещенной, стремящейся к самообразованию, библиотека одновременно наглядно показывает развитие научной мысли Сибири, имеет не только историческое, но и практическое значение.

В.Г. Одинокое, д-р филол. наук (Новосибирск)

ПУШКИН - ЧИТАТЕЛЬ РАДИЩЕВА

Чтение Пушкиным произведений Радищева с научной точки зрения представляет проблему, до сих пор еще далеко не изученную. В свете современного исторического опыта она обретает особую значимость, поскольку от ее решения зависит корректировка некоторых важных особенностей литературного процесса всего XIX в.

Идеи Радищева сопровождали поэта всю жизнь. Пушкин высоко ценил его как "честного человека", видя однако в его деятельности "безумное заблуждение". Пушкина настораживал радищевский пафос социальной ненависти, который мог спровоцировать жестокое кровопролитие. Пушкин провозглашал союз законности и свободы. Это отчетливо проявилось в его стихотворениях "Вольность" и "Андрей Шенье", в которых осуждалась кровавая якобинская диктатура.

Пушкин выдвигал альтернативный курс прогрессивного развития общества, видя его в усовершенствовании государственных и общественных институтов. Отсюда вытекало особое отношение поэта к русской монархии и русской государственности. С этой позиции он и критикует Радищева, который "старается раздражить верховную власть своим горьким злоречием", вместо того, чтобы "указать на благо, которое она в состоянии сотворить". Наставшая на этом, Пушкин исходил из реального жизненного опыта и из художественного эксперимента, поставленного им в "Воображаемом разговоре с Александром I".

Вступая в диалог с Радищевым, Пушкин попытался пойти ему навстречу. "Путешествие из Москвы в Петербург" и является попыткой такого рода. Пушкин предпринял углубленный историко-функциональный анализ радищевского "Путешествия". Этому анализу способствовало "медленное чтение" произведения. Пушкин на основе радищевского произведения создал свое, как бы вступая

след в след своего предшественника, но двигаясь в противоположном направлении.

Автор начинает "Путешествие из Москвы в Петербург" с рассуждения о пользе чтения книг разного характера. Он выстраивает определенную типологию различных сочинений, подчеркивая древнюю мысль, что книги имеют свою судьбу. Такую судьбу Пушкин и пытается прочертить, рассматривая радищевское "Путешествие".

Из контекста пушкинского произведения выясняется, что в основе его лежит не идея критического пересмотра позиций Радищева, а своеобразное воскрешение их на новом историческом и социальном уровне. К пушкинскому произведению вполне подходит эпиграф, который он позже приложил к очерку "Александр Радищев": "Не оледует, чтобы честный человек заслуживал повешения".

В.В. Лобанов (Томск)

К ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ Г.С. БАТЕНЬКОВА

Г.С. Батеньков был арестован 28 декабря 1825 г., в январе 1826 г. произведена опись его имущества, в том числе и библиотеки, хранившейся в трех шкафах красного дерева. Немногочисленные публикации о ней основывались на экземпляре этой описи, хранящемся сейчас в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (архив Елагиных, ф. 20, к. 13, ед.хр.56), а не на вполне достоверных воспоминаниях Г.Н. Потанина.

По-видимому, опись сохранилась (или выявлена) не полностью, так как в известной ее части числится лишь 264 позиции (688 томов) книг на русском и 295 позиций (879 томов) на французском языках. Между тем известно, что, кроме французского, Батеньков хорошо знал немецкий и английский языки, а также греческий, древнееврейский, латинский, татарский.

Из воспоминаний Г.Н. Потанина явствует, что, находясь в ссылке в Томске, Г.С. Батеньков собрал еще одну библиотеку, и продал ее М.Н. Бакунину, поставив условие не вывозить книг из Сибири. Однако личной встречи Батенькова и Бакунина быть не могло, ибо Батеньков выехал из Томска 4 октября 1856 г., а Бакунина привезли туда в мае 1857 г.

Других свидетельств о дальнейшей судьбе библиотеки Г.С. Батенькова мы не имеем, и следы ее были потеряны вплоть до января 1989 г., когда в Научной библиотеке Томского университета обнаружили несколько изданий Ш. Монтескье с владельческими надписями Батенькова. С помощью ксерокопии Описи сразу же выявили еще несколько французских книг с надписями Г.С. Батенькова.

Затем провели сплошную сверку описи со всеми каталогами Научной библиотеки, в результате которой обнаружили четыре книги на русском языке, несомненно принадлежавшие Г.С. Батенькову, — это "Ручной словарь" И.А. Гейма (Рига, 1805), "Основания начертательной геометрии" Я.А. Севастьянова (СПб., 1821). "Опыт теории быстотоков и рек" Ж.А. Фабра (СПб., 1805) и "Теоретическое и практическое руководство к осушению угодьев" Г. Энгельмана (СПб., 1810).

Кроме того, не исключена возможность, что еще 16 русских книг были в библиотеке Батенькова — на них нет пометок, позволяющих утверждать это категорически, но нет и пометок, свидетельствующих о принадлежности другим книжным собраниям.

Книги на иностранных языках по вполне понятным причинам пользовались меньшим вниманием читателей, лучше сохранялись, поэтому изданий на французском языке, принадлежавших Г.С. Батенькову, выявлено гораздо больше (57 названий в 267 томах).

Владельческие надписи Батенькова старательно уничтожались — зачёркивались, выскабливались, одна из них залита чернилами, в нескольких книгах полностью или частично удалены заглавные листы. И все же в двух случаях эти надписи сохранились. Кроме уже упоминавшейся надписи на втором томе "Персидских писем" Ш. Монтескье, есть владельческая надпись Батенькова на пятом томе "Естественной истории" Ж. Бюффона; на остальных сорока томах этого издания надписей не было, в том числе и на первом, но в нем имеются многочисленные заметки на полях, сделанные Г.С. Батеньковым при чтении раздела "Теория Земли".

Подобные же заметки, принадлежащие Батенькову, есть также в нескольких томах обширного сочинения Г. Рейналя "Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях".

Среди книг находится и трехтомное сочинение Никола Буланже "Древность, открываемая чрез обычаи и обряды" — оно особен-

но интересно тем, что в письмах 1817 - 1818 гг. Батеньков неоднократно упоминает, что он переводит книгу Буланже на русский язык (заглавие приведено в его переводе), правда, никаких пометок на книге нет.

Все книги Г.С. Батенькова поступили в библиотеку университета из Томской гимназии. Первая партия передана еще до официального открытия университета, в 1883 г., на этих книгах есть только карандашный (изредка - чернильный) номер, видимо, по какому-то реестру. Вторая передача состоялась 20 - 22 июня 1920 г., на этих книгах имеется экслибрис библиотеки Томской гимназии в виде наборного ярлыка в прямоугольной рамке, а также карандашный номер, но уже другого типа.

Возможно, архивные разыскания позволят установить, когда петербургская библиотека Батенькова была привезена в Томск, и передана в Томскую гимназию. Что же касается библиотеки, собранной Г.С. Батеньковым в Томске, то о судьбе и составе ее сведений нет, кроме двух-трех названий, приводимых в воспоминаниях Г.Н. Потанина.

Н.К. Чернылова, канд. ист. наук (Новосибирск)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.М. СПЕРАНСКОГО ПО СОБИРАНИЮ КОЛЛЕКЦИИ КНИГ И РУКОПИСЕЙ О СИБИРИ

С именем выдающегося русского государственного деятеля М.М. Сперанского связаны социальные и экономические реформы в Сибири в 20-х гг. XIX в. Исследованию комплекса этих реформ, их последствий для развития края посвящена значительная литература. Меньше историки занимаются рассмотрением культурного значения деятельности реформатора. Так, почти не исследована роль М.М. Сперанского в организации изучения края, отношение его к Сибири, ее культурным традициям.

В данном сообщении ставится более частный вопрос, входящий в указанную выше проблему, а именно: собрание книг и рукописей, связанных с Сибирью, М.М. Сперанским. Итоги этой деятельности, в частности, отразили, на наш взгляд, материалы фонда I Сибирского комитета ЦГИА. С документами, оставшимися пос-

ле смерти М.М. Сперанского, работали его сотрудники К.Г. Репинский и М.А. Корф.

К.Г. Репинский выделил группу материалов, которую он называл "бумаги по званию сибирского генерал-губернатора и члена Сибирского комитета с 1819 по 1838 г.". "Это есть частное собрание графа Сперанского, - писал К.Г. Репинский, - разного рода географических и статистических сведений о Сибири. Тут же есть отчеты его о управлении Сибирью, проекты начал, в 1822 году утвержденных, о разделении и управлении Сибири, список отчетов генерал-губернаторов, управлявших Сибирью после графа Сперанского, и несколько дел, кои производились и решены графом М.М. Сперанским по Сибири в 1823 г." /1/.

М.А. Корф также отметил собирательскую деятельность М.М. Сперанского: "Драгоценны, наконец, - хотя уже и не столько ныне, как были тогда, - многочисленные письменные сведения о Сибири, вывезенные оттуда Сперанским. Они относятся к топографии, географии, статистике и этнографии этого в то время еще так мало известного края, к его истории и древности, торговле и торговым путям, к монгольскому языку и к ламаизму" /2/. Материалы, упомянутые К.Г. Репинским и М.А. Корфом, вошли в фонд Сибирского комитета, а также отдельными частями были включены в состав фондов других учреждений - министерств внутренних дел, финансов и др. В монографии В. Вагина "Исторические сведения о деятельности гр. М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г." /Спб., 1872, т. I/ приводятся некоторые факты по организации М.М. Сперанским сбора сведений, в том числе научного, краеведческого характера, об этом регионе.

Одна из сложностей изучения фонда Сибирского комитета с точки зрения выявления материалов коллекции М.М. Сперанского состоит в том, что они вошли в состав фонда наряду с делопроизводственными материалами и зачастую в комплексе с ними, так что в ряде случаев трудно отделить вклад в собрание коллекции самого М.М. Сперанского от общей деятельности возглавляемых им учреждений и инициативы отдельных сотрудников.

М.М. Сперанский, по отзывам некоторых современников, хорошо изучил проблемы современной ему Сибири. Однако интересовался он и ее прошлым. В нашем распоряжении нет исчерпывающих сведений о том, какое место *sibirica* занимала в круге чтения

и личной библиотеке сибирского генерал-губернатора. Имеются лишь отрывочные данные по этому вопросу.

Президент Академии наук С.С. Уваров вместе с Пекинской миссией послал М.М. Сперанскому несколько книг: "Вы найдете между ими первые две книги нового собрания Академических путешествий, К описанию Камчатки будет принадлежать дополнительно том, содержащий любопытные известия, частью препровожденные ко мне от достойного Рикорда. Первая часть Путешествия Лепехина выходит из печати" /3/. Ф.Ф. Матюшкин осудил М.М. Сперанского книгами Палласа на немецком языке. Г.И. Спасский послал сибирскому генерал-губернатору "Сибирский вестник". Чтение литературы, относящейся к Сибири, продолжалось и после возвращения М.М. Сперанского в Петербург.

В коллекции М.М. Сперанского можно выделить группу исторических и этнографических сочинений, заметок, описаний путешествий, а также делопроизводственных материалов, деловой переписки, относящихся к прошлому Сибири. В основном, это копии. В состав фонда вошли также выписки из опубликованных исторических трудов. Типичным примером такого рода материалов может служить дело под названием "Сведения о монгольском языке и о ламаизме. О Японии и о сношениях с сим государством". Раздел о Японии включает в себя "Выписки из Краткой истории о Японском государстве Рейхеля", "Некоторые бумаги из дела о японской экспедиции 1813 года", "Лаксмана путешествие в Японию" ("Известие о первом российском посольстве в Японию под начальством поручика Адама Лаксмана" было опубликовано в 1805 г.); "Список с донесения бывшего в Японии послом действительного камергера Рязанова" и др.

К другой группе документов коллекции М.М. Сперанского следует отнести собрание современных описаний Сибири, сделанных учеными, чиновниками, купцами, врачами и другими жителями Сибири, инициатором написания которых являлся зачастую сам М.М. Сперанский. Одним из таких авторов был губернский землемер Досев, составивший "Хозяйственное описание Иркутской губернии"; Досевым же была написана рукопись "Об отправке судов в Японию Шелеховым и Лебедевым /1775, 1777/ и о торговле с Японией", "Сведения о Монгольской Даурии" и др. А.С. Лавинский, генерал-губернатор Восточной Сибири, сообщал М.М. Сперан-

скому о том, что он предложил Лосеву сделать топографическое описание Абаканского уезда. С просьбами о составлении записок по разным вопросам развития Сибири М.М. Сперанский обращался к П. Рикорду, Ушинскому, Гордону, А. Осипову, мещанину Климову, Миницкому и другим лицам.

Историки - современники М.М. Сперанского, занимавшиеся изучением Сибири, по-видимому, получали доступ к материалам его коллекции, некоторые из них были опубликованы в "Сибирском вестнике" Г.И. Спасского. Возможно, использовал документы Сибирского комитета В.Н. Берх.

Следующая группа документов, собранных М.М. Сперанским, - карты Сибири. В описи бумаг, оставшихся после его смерти, перечислено более сотни атласов, карт и планов. Кроме них существовала коллекция историко-географических карт Сибири с 1583 по 1843 год (14 штук), которая явилась итогом сложной исследовательской работы. Авторы составляли их на основании опубликованных исторических трудов и документов, карты снабжены обширными примечаниями исторического характера (сами карты в деле отсутствуют).

Еще одну группу материалов собрания М.М. Сперанского составляли книги и рукописи коренных народов Сибири. Примером могут служить печатные и рукописные книги, подаренные М.М. Сперанскому представителями бурятского духовенства при посредстве известного ученого А.В. Игумнова. Всего с ноября 1819 г. по июль 1820 г. от забайкальских бурят для М.М. Сперанского к А.В. Игумнову поступило 19 книг. Игумнов прокомментировал подаренные книги, представил собственные переводы с монгольского языка, по-видимому, кое-что перевел специально для М.М. Сперанского.

Помимо упомянутых выше книг на бурят-монгольском языке, был, в собрании М.М. Сперанского, вероятно, и другие. Об этом свидетельствует, в частности, записка К.Г. Репинского Г.И. Спасскому, автор которой просит издателя "Сибирского вестника" вернуть взятые им книги. Однако, в целом, вопрос о книгах, собранных М.М. Сперанским, и их дальнейшей судьбе нуждается в особом изучении.

Таким образом, материалы Сибирского комитета служат отражением культурной стороны деятельности М.М. Сперанского в Си-

бири. Генерал-губернатор, а затем глава Комитета составил коллекцию из книг и, главным образом, рукописей, документальных материалов по Сибири. Коллекционерская деятельность М.М. Сперанского послужила мощным толчком к развитию научного изучения и краеведческой традиции в Сибири, расцвет которой относится к 20 - 30-м гг. XIX в.

Примечания

1. РО ГПБ, ф. 637, № 911, л. 2 об.
2. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Спб., 1861. Т. I. С. 236.
3. РО ГПБ, ф. 731, № 2185, л. I.

Н.А. Айзикова, канд. филол. наук (Томск)

О ПУБЛИКАЦИЯХ Н.С. ШУКИНА В "МОСКОВСКОМ ТЕЛЕГРАФЕ"

В изучении критической деятельности Н.С. Шукина, являвшейся в одних случаях предтечей, а в других продолжением его деятельности как писателя, имеется много пробелов. Вне исследования остаются эстетическая позиция критика, формирование его литературно-критических взглядов, своеобразие стиля, жанра, композиции его статей. Не установлен и объем его критического наследия. Между тем, статьи Шукина, публиковавшиеся во многих центральных периодических изданиях 30 - 60-х гг. XIX в., дают интересный материал и для выяснения специфики литературно-критических выступлений сибиряков в названный период, и для соотнесения их с общими тенденциями развития русской литературы.

Не претендуя на решение всех поставленных вопросов, обратимся к одной из важных страниц творчества Шукина - к его публикациям в "Московском телеграфе" 1829 и 1832 гг. Это - статьи времени становления Шукина-критика и Шукина-писателя, что неинтересно уже само по себе. Кроме того, став достоянием русской журналистики (и только затем отдельной большой книгой очерков - "Поездка в Якутск"), эти статьи, наряду с произведениями П. Словцова, Ф. Белявского, И. Пестова, сыграли свою

роль в теоретическом обосновании критики сибирского краеведения в целом как особого явления русской литературы XIX в., к которому одним из первых обратился редактор "Московского телеграфа" Н.А. Полевой.

При знакомстве с этими статьями обращает на себя внимание сильное воздействие на их автора романтических веяний. В критическом творчестве Щукина конца 20 - 30-х гг. явно отражена общая для русской литературы той поры идейно-эстетическая атмосфера романтизма. Прежде всего это сказывается в особом мировосприятии Щукина. Его ориентация на универсализм выражена в публикациях "Московского телеграфа" прямо и непосредственно.

Важнейшая особенность авторского мышления и в "Письмах с берегов Лены" (1829. Ч. 27, 28, 29), и в "Выписках из бумаг Якутского архива об открытии и завоевании русскими реки Амура" (1832. Ч. 43. № 1, 3) - это обостренный интерес к неповторимо-самобытному миру Сибири и отречение к предельной точности, объективности и полноте его описания. Статьи носят программно-открытый обзорный характер. В них - множество цифр, подробных описаний, всевозможных названий, фактов и т.д.

Сибирь предстает в статьях Щукина как живое динамическое единство, в котором все взаимосвязано, все взаимодействует и движется. В повествовании присутствует и настоящее сибирского края, и его прошлое, и будущее. Во всех статьях автор делает подробные исторические экскурсы, дает целый ряд исторических справок. Сибирь осмысливается как мир богатейших возможностей, которые предвещают ей большое будущее. Примечательно, что Н.Полевой у Щукина, как и у других сибиряков-краеведов, ценит именно эту всеохватность и конкретность. Щукинская позиция очевидца, стремящегося рассмотреть Сибирь во всей полноте и широте, воспринимается редактором "Московского телеграфа" как основа эстетики сибирской краеведческой критики.

Вместе с тем, авторская установка на универсальное видение Сибири влекла за собой четко выраженное личностное начало повествования, которое, в свою очередь, также отличалось многомерностью, внутренней контрастностью. "Мрачное" видение края (на что Н. Полевой указывает в своей рецензии специально) переплетается в сознании автора с возвышенно-поэтическим его восприятием. Полемический пафос, как важнейшая черта мышления

сибирских краеведов присущ всем статьям Щукина. Он полемизирует и сам с собой, и со сложившимися в общественном сознании шаблонными представлениями о Сибири то как о стране ссылки и морозов, то, напротив, как об экзотическом уголке, прекрасном и чистом, противопоставленном Центральной России. У Щукина с его стремлением к универсализму Сибирь и Россия не столько противопоставляются, сколько сопоставляются, пребывают в своеобразном единстве, как часть и целое. От пропаганды Сибири Щукин органично переходит, даже в рамках одной статьи, к ее критическому осмыслению. Формирование регионального самосознания происходит в тесной связи, в русле появления общерусского национально-го типа сознания.

Содержательная многосторонность статей Щукина требовала особых форм выражения. И критик не сковывает себя какими-либо жанровыми, композиционными или стилистическими рамками. Поэтому Н. Полевой затрудняется в ответе на вопрос: "Что такое они... путевые заметки Щукина: ученые, поэтические? Ни то, ни другое". Главным для Щукина - автора рассматриваемых статей - было выразить личностное видение края ("собственное свое", как отмечал Н. Полевой) достоверно, с точки зрения краеведа-очевидца, таким образом воздействуя на культурную жизнь, сознание своих читателей, жителей и Центральной России, и Сибири.

Л.Н. Сняжкова, канд. филол. наук (Новосибирск)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИМЕНА В "ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ" Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (на материале записных тетрадей 1875 - 1880 гг.)

Подготовительные записки к "Дневнику писателя" Ф.М. Достоевского представляют собой концентрацию дневникового материала. Тезис из черновой тетради порой разворачивается в главку или статью, а то и целый выпуск издания Ф.М. Достоевского. Поэтому закономерно, что многое, отмеченное в черновых тетрадях Ф.М. Достоевского, не отражено в его журнале. Это касается и литературно-публицистических сочинений автора "Дневника": общественно-литературной полемики (черновые варианты "спора" о В. Авсеенко и со Львом Толстым); литературной критики (размыш-

ления о творчестве И. Санд, наброски цикла статей о романе "Анна Каренина" и т.д.). В черновики к этим фрагментам "Дневника писателя" занесено много записей, которых нет в окончательном тексте. И в целом — в черновых записях к "Дневнику писателя" полемиических и историко-литературных наблюдений Ф.М. Достоевского содержится намного больше, чем в его беловой редакции.

В тетрадях Ф.М. Достоевского середины и конца 70-х гг. XIX в. заявлен взгляд автора "Дневника" не только на литературные явления эпохи. В черновые записи к "Дневнику писателя" занесены суждения Ф.М. Достоевского о современном состоянии литературных жанров (сатиры), о разграничении художественности и тенденциозности в беллетристике, об историчности творческих созданий, — иными словами, теоретико-литературные заметки.

Тетради 1875 — 1880 гг. испещрены записями символично-знакового характера; идейно-эстетические формулы Ф.М. Достоевского часто закреплены в именах-знаках. Так, имя Шекспира употребляется как синоним глубочайшего художественного откровения; Шекспир — мерило поэтического таланта. Имя Золя обозначает в эстетической системе Ф.М. Достоевского натурализм, чуждый подлинному искусству; Жюль Санд замещает понятие христианского социализма. Пушкин для Ф.М. Достоевского — символ всечеловечности русского гения, образец отзывчивости национального духа на движение мировой культуры.

Имена признанных писателей перемешаются в черновых заметках к "Дневнику" с псевдонимами и фамилиями литераторов второго ряда: популярного в то время П.Д. Боборыкина, Суворина (Незнакомца), Буренина и многих других.

В знаковую систему литературных имен автор "Дневника" вводил и имена литературных героев (антигероев). Широко известен пример осмысления образа Потугина (символ крайнего отторжения от "почвы") — в каноническом тексте "Дневника" упоминаемого лишь эпизодически, а в подготовительных записях представленного как оппонент-западник. Афористично четко определен в записях 1877 г. тип Дон Кихота. Именами-знаками для Достоевского являются также некрасовский Влас и Алеко из пушкинских "Цыган". Заметно схождение трактовки этих персонажей в записях к "Дневнику" и собственных героев Достоевского (Алеко — "гордый человек", Дон Кихот — мечтатель).

В тетрадях, в которых содержится указание на источник тех или иных сообщений (лишь малая их часть воплощается в "Дневнике"), дан культурно-исторический "портрет эпохи": бесчисленные ссылки автора "Дневника" на столичную и провинциальную прессу подчас сопровождаются характеристикой какого-либо издания (уникальная оценка газеты "Русский мир"). Помимо того, что в тетрадях Ф.М. Достоевского 1875 - 1880 гг. представлен широкий спектр периодики того времени, даже отрывочные записи создателя "Дневника" позволяют составить мнение о том или ином печатном органе. В результате проявляется "снимок" умственной и нравственной жизни обеих столиц и окраин.

Суммируя, можно отметить необычайную быстроту реагирования создателя "Дневника" на факты современной российской жизни. Эта публицистическая "отдача" обусловлена, в числе других (читательские письма, личные наблюдения и биографический опыт автора), и двумя факторами: чтением периодики и чтением беллетристики - европейски образованный писатель усваивал мировую литературу органично.

Ф.М. Достоевский был внимательным читателем (по определению Л.П. Гроссмана - "гениальным читателем"). Отбор литературных фактов осуществлялся в журнале Ф.М. Достоевского поэтапно: фиксация литературного события; заметка-размышление; набросок статьи; подготовительные материалы (редакция статьи); наконец, глава "Дневника". Прохождение литературного материала от черновой записи к окончательному тексту также представляет интерес как фрагмент творческого процесса Достоевского-публициста. Творческая лаборатория уникального художественно-документального произведения Ф.М. Достоевского вбирает в себя немалую долю литературно-книжного материала.

Г.А. Лончакова (Новосибирск)

КРУГ ЧТЕНИЯ ВАСИЛИЯ КАЛИКИ И ЕГО ПОСЛАНИЕ О ЗЕМНОМ РАЕ

Полемическое Послание о земном рае новгородского архиепископа Василия Калики посвящено рассмотрению актуальной для середины XIV в. философско-богословской, мировоззренческой проб-

лемы. По мнению исследователей (А.Д. Седельникова, Г.М. Прохорова, Н.К. Голейзовского), Послание о рае представляет собой негативную реакцию на распространяющийся исихазм. Это подтверждается нашим текстологическим исследованием памятника. Есть свидетельства о существовании исихазма в Новгороде уже в первой половине XIV в. Кроме того, по мнению Ф. Успенского, новгородское строгельничество середины XIV в. как раз и представляло собой народный извод исихазма, близкий его богомилскому варианту. Именно это обстоятельство, очевидно, чрезвычайно обострило ситуацию для главы новгородской церкви и вызвало написание Послания о рае.

Василий Калика убеждает своего адресата в ложности его представлений о невидимом, но реально существующем и чувственно воспринимаемом некоторыми людьми мысленном рае и развертывает перед ним собственное понимание, "мысленного рая", который наступит в "будущем веке". Автор Послания о рае доказывает ошибочность мнения о гибели рая земного и приводит аргументы, подтверждающие его существование. Важность и актуальность проблемы обусловили необходимость привлечения значительного числа источников, на которые опирается развернутая система доказательств.

Анализ цитат, прямых и косвенных ссылок, пересказов в тексте Послания о рае показывает, что при доказательстве первого тезиса Василий Калика опирается, кроме собственных умозаключений, почти исключительно на Новый Завет. На Новый Завет он ссылается и во вступлении к своему сочинению при обосновании необходимости написания Послания и своего права на это. Василием Каликой использованы по меньшей мере три из четырех канонических евангелий, Откровение Иоанна Богослова, Первое и Второе послания апостола Павла к коринфянам, возможно, Послание апостола Павла к ефессянам, Второе соборное послание апостола Петра.

Иной круг источников лежит в основе рассуждений Василия Калики по поводу "земного рая". Рассматривая прямые ссылки автора, находим указание на Священное писание, судя по тексту цитирована книга Бытия, но приводимый текст находится и в "Исторической Палее", и в "Шестодневце вкратце...Иоанна Златоуста". Кроме того, он ссылается на Паремью, использовавшую ту же книгу

Бытия, и на Пролог. Но основной массив ссылок в описании "земного рая" представляют ссылки на апокрифы. Эту особенность Послания о рае — использование апокрифов, отметил А. Соболевский. Он же назвал некоторые из них: Хожение Зосимы к рахманам,

Хожение святого Агапия в рай, Сказание о святом Макарии Римском. Можно увидеть также знакомство с такими апокрифическими произведениями, как Хожение Иоанна Предтечи в рай, апокриф О монахе Евросиме, побывавшем в раю, Слово святого Патрикия "от земля огни в разных местех", Хожение Богородицы по мукам, Слово об Успении Богородицы, Слово Иоанна Богослова о вознесении Господа нашего Иисуса Христа. Иногда точный источник установить сложно, поскольку рассказ об упоминаемых Василием Каликой событиях и явлениях находится в нескольких памятниках. Так, описание пламенного оружия, хранящего врата Едема, имеется в "Шестодневце вкратце", приписываемом Иоанну Златоусту, но со ссылкой на Андрея Критского.

Как указывает А.М. Панченко, с точки зрения ортодоксального православия представления Василия Калики о земном рае — ересь. Однако в этих представлениях он опирается на широкий круг источников, рано вошедших в древнерусскую письменную традицию и хорошо в ней известных. Следовательно, более правильно говорить не об еретичестве Василия, а о существовании "народного варианта русского православия" (А.М. Панченко), широко распространенного и исповедовавшегося и высшими иерархами церкви.

Е.Г. Новикова, канд. филол. наук (Томск)

ТОМСКИЙ АРХИВ Н.И. НАУМОВА

Известный писатель-народник Н.И. Наумов (1838 — 1901) родился и значительную часть жизни прожил в Сибири, ей посвятил свое творчество. Последние 15 лет он провел в Томске, здесь же скончался и был похоронен. Этим и объясняется тот факт, что в Научной библиотеке Томского государственного университета находится единственный в стране архив писателя, включающий в себя более 200 единиц хранения. Несмотря на то, что в разные годы с архивом работали С.Е. Кожевников, Н.Ф. Бабушкин, Н.Н. Про-

зоров, систематическое изучение его только начинается.

Прежде всего обращает на себя внимание богатство и разнообразие архивного материала. Архив Наумова – это три слоя документов. Во-первых, материалы художественного творчества писателя: несколько беловых и большое количество черновых рукописей законченных и незаконченных произведений. Во-вторых, служебные бумаги Наумова, который в Сибири состоял на государственной службе. В большинстве своем это черновики служебных записок писателя, посвященных таким актуальным проблемам Сибири конца XIX в., как переселенческое движение, сибирское казачество, ссылки и пр. Наконец, третий пласт – корреспонденция Наумова и членов его семьи. Здесь – два типа материалов: корреспонденции писателя в петербургские и сибирские периодические издания и эпистолярный семьи Наумовых. Значительная часть архива до сих пор не введена в научный оборот.

При всем разнообразии материалов архива, следует осознать его внутреннюю целостность. Служебные бумаги, корреспонденции и письма Наумова представляют собой подготовительный материал к художественным произведениям писателя, своего рода их первый черновик. Более того, специфическая структура архива позволяет поставить вопрос о Наумове как о характерном деятеле сибирской культуры конца XIX в. – деятеле синкретического, "ломоносовского" типа, в котором очень нуждался молодой и быстро развивавшийся сибирский край.

В.А. Петрицкий, канд. философ. наук (Ленинград)

П.И. МАКУШИН И ПЕТРОГРАДСКИЕ ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ (новые факты)

Просветительская деятельность П.И. Макушина заслуживает в условиях возрождения интереса к истории отечественной культуры большего внимания. Культурный процесс на окраинах России как сложное и многообразное социальное явление развивался неодинаковыми темпами, проявлялся в характерных именно для данного края чертах, наследовал местные традиции, но всегда был связан с общенациональным процессом развития культуры.

Годы расцвета издательской, книготорговой, библиотечной и филантропической работы П.И. Макушина (1866 – 1916 гг.) отражены в его воспоминаниях (Новониколаевск, 1923), сборнике "Полувековой юбилей П.И. Макушина" (Томск, 1917) и в публикациях В.Р. Уткова (1967, 1970, 1973), Т.В. Сталевой (1986). Однако последний период жизни и деятельности П.И. Макушина (1917–1926) исследован слабо и почти не отражен в литературе.

В обширном личном архиве автора находятся материалы, связанные с культурно-просветительской деятельностью П.И. Макушина, которые позволяют ввести в научный оборот новые факты, относящиеся к различным периодам его жизни и работы. В числе их том "Писем из Шлиссельбургской крепости" Николая Морозова с пометами Макушина. Книга опубликована в Петербурге прогрессивным издателем М.В. Аверьяновым в марте 1910 г., а 18 мая она уже поступила в библиотеку Макушина, о чем свидетельствуют пометы владельца библиотеки на обложке и порядковый номер, присвоенный книге.

Книгу Морозова в Томске "одежи" в прочный переплет и П.И. Макушин пометил дату получения. На наружной стороне переплета сохранился ярлык "Библиотека П.И. Макушина", на внутренней – второй ярлык бледно-розового цвета "Библиотека П.И. Макушина. № 12897". Номер проставлен рукой Макушина.

Н.А. Морозов и П.И. Макушин были знакомы. В 1909 г., за год до выхода в свет "Писем из Шлиссельбургской крепости", представители сибирской интеллигенции приглашали Н.А. Морозова посетить ряд сибирских городов. Поездка знаменитого революционера, ученого и писателя состоялась осенью 1915 г. В Томске Макушин и Морозов встретились и беседовали. Сотрудники издававшейся Макушиным газеты "Сибирская жизнь" преподнесли Н.А. Морозову экземпляр издания, посвященного Томску. Дарственная надпись гласила "Славному ветерану -- борцу за светлое будущее России, великому шлиссельбургскому узнику Николаю Александровичу Морозову на память о посещении Томска. 13 – 15 октября 1915 года" /И/.

Книга была приобретена автором в 1972 г. в одном из ленинградских букинистических магазинов. Можно предположить, что национализированная в 1920 г. в Томске общедоступная библиотека

П.И. Макушина численностью около 40 тыс. томов сохранилась плохо. Книги из нее исчезали и мигрировали по стране.

Весьма интересен для исследователей конволют, составленный П.И. Макушиным. Основу его составляет сборник "Полувековой юбилей П.И. Макушина. 1866 - 1916.25.III". Под его обложку вплетены четырехстраничный буклет "Ко дню 80-летия П.И. Макушина. Краткий очерк его общественной деятельности" и ноты песнопения "«Слава» на 50-летний юбилей (25 марта 1916 г.) общественно-просветительской деятельности Петра Ивановича Макушина. Музыка А.В. Анохина".

Первое издание напечатано тиражом в 500 экз. типографией Губсовза, очевидно, томского. Буклет украшен большим фотопортретом юбиляра, обрамлен орнаментом. Над портретом девиз - "Ни одного неграмотного!" На 2 - 4-й страницах приведены данные из автобиографии П.И. Макушина. Впечатляют размах и гуманистическая направленность его филантропической деятельности - учреждение бесплатных лечебниц, содействие устройству сельского быта и разумных развлечений и многое другое.

На последней странице всего два абзаца отражают работу Макушина в советское время. "1 июля 1922 г. был приглашен к участию в организации государственной книготорговли в Сибири и с того числа состоит членом Правления Сибирского Краевого Издательства. 1 марта 1924 г. избран и утвержден Сибревкомом в звании товарища председателя Сибирского отделения Всероссийского Общества "Долой неграмотность".

Ноты торжественного юбилейного песнопения "Слава" (8 страниц) изданы в Москве в нотопечатне П. Юргенсона в 1912 г. На последней странице надпечатка - Томск, 1916. Тираж установить не удалось, но он не был большим. Автор слов песнопения не указан. Возможно, им выступил автор музыки - А.В. Анохин.

На титульном листе сборника "Полувековой юбилей П.И. Макушина" дарственная надпись "Константину Федоровичу Малахову на память. П. Макушин".

Не без основания можно предположить, что эта дарственная надпись - один из позднейших автографов Макушина. И хотя надпись не датирована, она не могла быть сделана ранее середины 1924 г. Значение автографа немаловажно. Из литературы известно о том, что в советское время Макушин поддерживал связи с московскими

издателями – И.Н. Кнебелем, И.Д. Сытиным. Осенью 1922 и летом 1924 г. Макушин выезжал в Москву. О связях с Петроградом упоминаний в литературе нет.

Автограф П.И. Макушина позволяет утверждать, что сибирский просветитель был тесно связан с петроградскими деятелями культуры. Адресат автографа Константин Федорович Малахов-Камартан (1899 – 1936) в 20-е гг. был известным в Петрограде издательским работником, автором статей по истории книги и революционного движения в России в журналах "Книга и революция" и "Красная летопись". К.Ф. Малахов-Камартан дружил с Б. Лавреневым, И. Тихоновым, К. Фединым. Б. Лавренев посвятил Малахову свою книгу "Белая гибель" (Л., 1929).

По воспоминаниям И.К. Малахова, недавно скончавшегося сына Константина Федоровича, П.И. Макушин посылал К.Ф. Малахову необходимые для его работы книги, наводил справки о деятелях "Народной воли", сосланных в Сибирь. К.Ф. Малахов заинтересовал личность Макушина своих друзей – библиографов, букинистов, библиофилов А.И. Аникиева-Панкова, В.Н. Княжнина (Ивойлова), Ф.Г. Шилова. Создательница "Словарного указателя по книговедению" (Л., 1924) А.В. Мезьер благодарит всех вышеназванных библиографов "за предоставление в мое распоряжение ценных библиографических материалов, картотек книжных собраний и самих книг" (С. XI). Не исключено, что материалы о Макушине (стб. 132, 133, 481) были предоставлены А.В. Мезьер К.Ф. Малаховым-Камартаном.

К.Ф. Малахов скончался на 37-м году жизни, но книга, подаренная ему П.И. Макушиным, сохранилась. Творческая связь поколений деятелей культуры нерасторжима – на обороте титульного листа макушинского юбилейного сборника, принадлежавшего К.Ф. Малахову, наклеен книжный знак А.И. Аникиева-Панкова (1896 – 1975). От него в 1971 г. и попал к докладчику конволют, исследование которого позволило установить новые факты послеоктябрьской биографии П.И. Макушина.

Примечание

1. Внучков Б. Узник Шлиссельбурга. Ярославль, 1969, С. 98 – 99.

ГАЗЕТЫ П.И. МАКУШИНА О ЧЕХОВЕ

"Сибирская газета", закрытая в 1888 г., не успела откликнуться на творчество еще молодого Чехова. Ее преемники "Томский листок" (1894 - 1897) и "Сибирская жизнь" (с 1897 г.) застали уже расцвет популярности писателя и не могли так или иначе не упоминать о нем на своих страницах. В целом Чехов не вызывал большого интереса у этих газет. Очевидно, это связано с их тяготением, в традициях народнической критики, к литературе с обнаженной прогрессивной тенденцией, с явной социальной активностью. Не случайно из рассказов Чехова второй половины 90-х гг. выделены "Мужики", "В овраге", "Человек в футляре". Драмы Чехова, имевшие всегда широкий общественный резонанс, освещались обычно вслед за постановками на томской сцене.

Характер восприятия Чехова в макушинских газетах наглядно раскрывается в первом серьезном упоминании о писателе ("Томский листок". 1896. № 6). Р. Вейсман в "Журнальном обозрении" плачевному состоянию русской литературы противопоставляет Короленко, Златовратского и Чехова; примечательны как имена, составившие "литературный контекст" Чехова, так и порядок их перечисления. Критические суждения "Сибирской жизни" о Чехове касаются почти исключительно жизненного содержания произведений, актуальности отражаемых в них социальных явлений. Так, рассказ "Мужики" рассматривается как "мастерски написанная картина жизни нашей деревни".

Автор "Журнального обозрения" (1896. № 3) ограничивается дежурной констатацией объективности Чехова, под которой угадывается боль за "невежественную полуживотную массу", и в то же время утверждает, что по верности и глубине изображения народной жизни рассказ уступает очеркам Гл. Успенского. В "Журнальном обозрении", помещенном в № 31 за тот же год, рассказ "Мужики" привлекается для сравнения с романом П. Боборыкина "Тяга", и в обоих произведениях обнаруживается общий недостаток - недооценка крестьянства.

В 1898 г. в "Журнальном обозрении" (№ 261) разбирается

"Маленькая трилогия". Автор обзора защищает Чехова от обвинений в "безыдейности" и утверждает его "несравненно большее общественное и идейное значение, чем большинство современных "идейных" романов и повестей, написанных на общественные темы". Однако критик не понимает специфики чеховской прозы. Сама "трилогия" здесь трактуется как произведение глубоко "идейное", где писатель "оставляет роль беспристрастного наблюдателя" и "вкладывает в уста своих героев страстные жалобы" на современную жизнь и призывы к добру. Также полностью сведена к идейно-социологическому подходу характеристика рассказа "В овраге" (1900. № 99), в котором, по сравнению с "Мужиками", рисуется более высокая ступень социального расслоения деревни.

Драмы Чехова характеризуются также почти исключительно со стороны их содержания и идей. Неизменно отмечается их психологическая правдивость, достоверность запечатленных общественных типов. Так, в отклике на постановку "Дяди Вани" рецензент отказывается "говорить о литературных достоинствах произведения", ссылаясь на уже данную "современной критикой" "беспристрастную оценку", и говорит о его жизненной верности (1900. № 207).

В отзывах о Чехове почти всегда сквозит недовольство пессимизмом его произведений. Иногда критики пытаются противопоставить этому выводу утверждение о наличии у Чехова положительных тенденций, как, например, в рецензии на постановку "Трех сестер" (1901. № 256): "В драме Чехова собственно нет ни одного положительного типа, но вместе с тем слышится призыв к новой, лучшей жизни". Однако такие утверждения звучат декларативно, потому что совершенно не опираются на художественно-эстетический анализ произведений.

Можно сказать, что Чехов не был писателем, творчество которого соответствовало бы направлению газеты. Не случайно, говоря о лучших произведениях текущего и прошлого года, автор "Журнального обозрения" в 1900 г. (№ 185) не называет имени Чехова.

В известной мере восполняли отсутствие художественно-эстетического анализа перепечатки и изложения материалов других изданий, преимущественно центральных. Так, по поводу "Вишневого сада" привлечены отзывы из "Новостей дня", "Русского слова", где

подчеркивалась оригинальность Чехова, создавшего "поэзию вместо публицистики". Излагалось содержание прочитанной в Петербурге Аничковым лекции "На дне" и современная драма", показывавшей единство новаторского содержания и формы прежде всего в драмах Чехова.

Одной из несмелых попыток самостоятельного эстетического суждения была рецензия на постановку пьесы местного автора Г. Вяткина "Бескрылье" (1904. № 14), где указывалось на явное влияние Чехова, а также Горького и Найденова.

На фоне заполнивших газету в 1904 г. сообщений о ходе русско-японской войны неожиданный всплеск внимания к Чехову породило известие о его смерти. Материалы, связанные с кончиной писателя, проникнуты довольно ощутимой тенденцией: Чехов "подгоняется" под идеалы редакции. Подчеркивается демократичность его происхождения (дед и даже отец — крепостные) и мужество в борьбе с изнурительным недугом; активизирующее воздействие его произведений, пробуждающих вопрос "кто виноват?"; позитивные устремления автора, тосковавшего о "великом человеке". В некрологе Чехов исподволь сближается с Михайловским через напоминание о недавней смерти крупнейшего публициста-народника: "В 1904 г. это уже вторая — тяжелая потеря для России: в начале года умер Михайловский, теперь Чехов. Тяжелый год!" (1904. № 144) В сообщениях о похоронах Чехова и о мероприятиях, посвященных памяти писателя, газета избегает каких бы то ни было негативных деталей (как, например, доставка гроба в вагоне для устриц, или смехотворно ничтожный сбор денег на телеграмму вдове писателя, о чем с сарказмом сообщала другая томская газета — "Сибирский вестник"). Редакция "Сибирской жизни" явно стремилась в связи со смертью Чехова дать читателям высокий позитивный урок, служащий делу просвещения народа. Большое место было отведено изложению лекции профессора Томского университета И. Малиновского "Университет в сочинениях Чехова" и его же доклада "Вопросы права в сочинениях Чехова", материалам об общественном значении произведений писателя и резонансе, вызванном его кончиной по всей стране. В посмертном освещении Чехов представлял как одна из крупнейших фигур в ряду борцов за усовершенствование русской жизни.

А.В. АДРИАНОВ И В.Я. ШИШКОВ

Творчество В.Я. Шишкова глубоко связано с духовной жизнью Сибири. Томский период отмечен началом творчества и созданием произведений, среди которых выделяется своими художественными достоинствами и глубиной содержания повесть "Тайга". Большой интерес для изучения духовной и культурной жизни Сибири представляет история создания этого произведения. В архиве родственников А.В. Адрианова (в Томске) хранятся автографы двух писем В.Я. Шишкова к А.В. Адрианову из Томска в Минусинский край, датированных январем и мартом 1914 г. Содержание и стилистика писем позволяют говорить об исключительно важном значении личности А.В. Адрианова в творческом и духовном развитии В.Я. Шишкова.

Александр Васильевич Адрианов (1854 - 1920) - ученый, археолог, этнограф, публицист, подвижник сибирского просвещения, друг Потанина и Макушина, редактор "Сибирской газеты", человек необычайно яркой и трагической судьбы, отразившей в себе драматические вехи нашей истории. Письма В.Я. Шишкова относятся к периоду, когда А.В. Адрианов, сосланный за активную политическую деятельность в с. Ермаковское Красноярского края, собрал в газете "Минусинский край" прогрессивных писателей и публицистов, из числа сосланных и местной передовой интеллигенции. Среди авторов, привлеченных к газете А.В. Адриановым, был и В.Я. Шишков.

Письма Шишкова к А.В. Адрианову позволяют поставить вопрос о значении личности и деятельности А.В. Адрианова, ученого и просветителя, для творческого развития Шишкова, формирования его общественной позиции и художественных интересов, связанных с изучением жизни Сибири; уточнить обстоятельства создания повести "Тайга". Наконец, письма Шишкова являются документом из истории общественной и культурной жизни Сибири, раскрывают новую страницу духовных связей передовой, молодой интеллигенции.

"ПЕРВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК СИБИРЯКОВ" (1906 г.)

Начало XX в. в культурной и литературной жизни Томска – время становления многих писательских талантов. Немалую роль в формировании молодой сибирской литературы играли многочисленные периодические издания, в том числе литературно-художественные журналы: "Молодая Сибирь", "Сибирская новь", "Сибирский журнал для всех" и др. Начинается возрождение литературных альманахов. В 1906 г. в Томске появился "Первый литературный сборник сибиряков". Состав его авторов, содержание произведений представляют несомненный интерес для историков литературы.

Структура сборника достаточно традиционна. Основное место отводится прозе и стихам. Единственное исключение – документальное повествование А.М. Серебrenникова "К биографии А.П. и О.И. Шаповых" – о драматической судьбе сибирского ученого, общественного деятеля, писателя Афанасия Прокопьевича Шапова.

В сборнике помещены стихотворения Е. Бахарева, М. Сиязова, К. Дубровского, В. Солодовникова, М. Цейнера и др. Но наиболее интересна прозаическая часть альманаха.

Одним из самых значительных произведений сборника является рассказ Ф. Березовского "Стрелочник Гранкин". Ф. Березовский прожил в Сибири до 1916 г., был известен как талантливый политический организатор, член подпольного рабочего кружка на ст. Зима. В рассказе отразился его социальный опыт.

Среди авторов "Первого литературного сборника сибиряков" особое внимание привлекает М. Цейнер. Его литературная деятельность была тесно связана с Томском. Он был известен не только как прозаик и поэт, но и как автор пьесы "Семья Цыгановых", вышедшей в Томске в 1902 г. и поставленной на сцене томского театра. На страницах альманаха издан его рассказ "Ахметка", посвященный нелегкой жизни ямщиков.

Среди прозаического пласта сборника выделяются лирические миниатюры К. Троицкого и Г. Вяткина, чья деятельность почти десятилетия была связана с газетой "Сибирская жизнь".

Небольшая группа рассказов представляет собой бытовые за-

рисовки, наброски деревенской жизни. Это рассказы К. Ангарава "Осенние картинки", Г.Я. Крекнина "Без защиты" и В. Булыгина "В Осиновке". Беспощадно трезвое осознание серьезности социально-исторических конфликтов роднит эту группу рассказов со всеми остальными.

Осознание разноречивости, кризисности всего русского уклада, пафос правдивого, объективного исследования деревни и провинции — все это, несомненно, сближало творчество сибирских писателей с общими тенденциями литературного процесса начала XX в.

Т.Ю. Глухих (Новосибирск)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СБОРНИКИ С ЖИТИЕМ СОЛОМОНИДЫ САБУРОВОЙ

Исследователи истории русской литературы обращались к личности Соломонии Сабуровой, когда поднимался вопрос о правомочности второго брака Василия Ш или обсуждались всевозможные легенды о предполагаемом рождении в монастыре наследника престола.

Соломония Сабурова была первой женой царя Василия Ш, с которой он прожил двадцать лет, но не имел наследника, поэтому насильно постриг ее в 1525 г. в монахини и через два месяца женился на Елене Васильевне Глинокой, будущей матери Ивана Грозного. Эти события нашли отражение в летописях /1/ и литературном сочинении "Повести о втором браке Василия Ш", рассказывающем о событиях 1525 г., когда происходил развод /2/.

Существует еще один памятник, обойденный вниманием исследователей, хотя известно, что им интересовался Н.П. Румянцев, для которого были выполнены две копии, содержащие материалы о Покровском девичьем монастыре и жизнеописание самой Соломонии, в иночестве Софии. Нами предпринята попытка анализа сохранившихся списков, предпосылок создания и среды бытования этого небольшого текста.

К жизни Соломонии Сабуровой обращается неизвестный составитель "Сказания о житии святой преподобной благоверной великия княгини Соломонии во иноческом чину Софии Суздальския чудотворицы". Но его привлекает не правоведческая трактовка факта развода, а праведная жизнь Софии-Соломоницы в Покровском девичьем монастыре Суздаля. Известно, что София не была канонизирована церковным собором, но издавна почиталась как местночтимая святая /3/. Сказание, скорее всего, было составлено в стенах Покровского девичьего монастыря, существование которого неразрывно связывается с опальной женой царя.

Удалось выявить шесть описков памятника. Наиболее ранним является оборник, хранящийся во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике № 5636/167. Сборник описан В. Георгиевским и датирован

Петровским временем /4/. Анализ бумаги и почерков показал, что большая часть датируется 60-ми гг. ХУП в.

Кроме жития и чудес Софии сборник содержит полную службу местночтимой святой, а также миниатюру, изображающую Софию-Соломонику с нимбом над головой. Сборник включает также службу св. вел. князю Георгию Всеволодовичу, Владимирскому чудотворцу, миниатюры с его изображением, а также каноны ему и утлическому царевичу Димитрию.

Другой сборник, конца ХУП в., хранится в коллекции рукописей ГБЛ, ф. 209, собрание Овчинникова № 557. Создатель сборника - Исайя Семенович Шувалов. Сборник описан И.А. Колобановым /5/. Рукопись содержит, в остальном прочего, жития трех Владимиро-Суздальских святых: Евфросинии, Евфимия и Софии-Соломоники.

Третий сборник, рубежа ХУП и ХУШ вв., находящийся в собрании графа Толстова, F.XVII.16 (см. описание П. Строева и К. Калайдовича), содержит описание исторических событий, переводные повести и ряд памятников житийной традиции: жития Петра и Февронии Муромских, Евфросина Псковского, Галактиона Вологодского и Софии-Соломоники Суздальской.

Четвертый и пятый описки представляют собой копии с не найденного сборника, сделанные для графа Н.П. Румянцева в Суздальском Покровском девичьем монастыре. Рум. № 164 содержит жития суздальских епископов Федора и Иоанна, а также чудеса преп. Софии и рестр погребенным в Суздальском Первоклассном Покровском девичьем монастыре. Рум. № 165 включает "Повеествование о жизни благоверныя великия княгини Соломони, преименованныя во иноческом чину Софии Преподобныя".

Последний из имеющихся - сборник, составленный монахиней Софией в Покровоком девичьем монастыре в 1869 г., хранится в собрании ОЛДП Q. 39. Полнотой текстов, относящихся к истории создания Покровского монастыря, сборник представляет особый интерес для анализа как литературной традиции суздальского монастыря, так и исторических реалий времени попыток канонизации местночтимой святой.

В дошедших сборниках текст жития сопровождается чудесами, количество которых непостоянно. Так, Владимирский и Шуваловский сборники содержат 21 чудо, последнее датируется 1657 г., из собрания Толстова и ОЛДП заканчиваются 1653 г., но дают разное

количество чудес. Рум. 165 заканчивается вторым чудом, в котором красочно описывается взятие Суздаля и Покровского монастыря паном Лиоовским в 1609 г.

Наиболее древний Владимирский сборник помещает полную службу св. Софии без указания на авторство, в то время как рукопись собрания ОЛДП XIX в. называет автором служб Суздальского и Тарусского архиепископа Серапиона, находившегося на кафедре с 1634 по 1653 г., т.е. во время, близкое записанным чудесам и созданию древнейшего сборника.

Примечания

1. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 451.
2. Археографический обзор описков и критический разбор литературы о памятнике см.: Зимин А.А. Выпись о втором браке Василия III/Тр./Отд. древнерус. лит. Ин-та рус. лит. (Пушкинский дом). 1976. Т. 30. С. 132 - 148.
3. См., например: Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. 2-е изд. М., 1903. С. 341.
4. Флорищева пустынь: Историко-архитектурное описание с рисунками. Вязники, 1890.
5. Владимиро-Суздальская литература XIV - XVI вв.: Учеб. пособие. М., 1978. Вып. 3.

М.Н. Климова, канд. филол. наук (Томск)

ИЗМАРАГД XVI в. В ФОНДЕ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Изучение и научное описание древнерусских рукописей из местных собраний - одна из важнейших задач сибирской археографии. Тема данного сообщения - рассмотрение одной из старейших рукописей Научной библиотеки ТГУ - Измарагда XVI в. (инвентарный номер В.845) /1/. Рукопись дефектна, содержит 107 глав (последняя в виде фрагмента), однако анализ даже неполного текста позволяет говорить о его своеобразии. Большая часть (67 глав) сопоставима с

"основным" типом Измарагда (так называемой второй редакцией), хотя расположение глав иное, совпадает только первая глава.

Составитель рассматриваемого текста использовал главы второй редакции выборочно, при этом сохранены почти все ее темы (из нескольких слов сходной тематики выбирались одно-два), все повествовательные статьи и часто традиционная для редакции последовательность глав. Более трети рукописи (40 глав) составляют тексты, не имеющие соответствий во второй редакции. Дополнительные главы расположены (за исключением двух единичных вкраплений) в виде трех больших вставок, последняя из которых завершает сохранившуюся часть рукописи.

Композиция сборника, принципы отбора дополнительных глав, а также их источники требуют дальнейших исследований, так как эти главы весьма разнообразны. Среди них учительные слова отцов церкви, назидательные проложные и патериковые рассказы (особенно часто используется Скитский патерик), внутри этой группы выделяются своеобразные "цихлы" о Макарии Великом и Паисии. Отдельная группа — главы календарного характера, в основном эпидейктические слова (черта, свойственная Измарагду первой редакции, с которой сопоставимы шесть дополнительных глав). Видимо, из-за календарной закреплённости включены в эту часть рукописи апокрифическое Сказание Афродитиана и Покаяние Киприяново — одно из произведений, посвященных священномученику Киприану. Отдельные дополнительные главы рассматриваемой рукописи находят соответствия в текстах особых редакций Измарагда (по классификациям А.С. Архангельского и В.С. Яковлева) — 4 единичных совпадения. В целом описание Измарагда подобного состава в научной литературе нам не известны.

Текстологический анализ Измарагда по всем известным спискам остается делом будущего. Подробное рассмотрение томской рукописи (круг связанных с ней проблем не ограничен перечисленными) может дать дополнительные сведения к истории этого памятника, одного из "любимейших и авторитетнейших чтений в Древней Руси" /2/.

Примечания

1. Краткое описание см.: Ромодановская Е.К. Славяно-рус-

ские рукописи научной библиотеки ТГУ// Тр. /Отд. древнерус. лит. Ин-та рус. лит. (Пушкинский дом), 1971. Т. 26. С. 344. Филигранны сборника датируются 40-ми гг. XVII в.

2. Дыхачев Д.С. Заметки о русском. М., 1981. С. 57.

Т.А. Опарина (Новосибирск)

СИБИРСКИЙ СПИСОК "ПРОСВЕТИТЕЛЯ ЛИТОВСКОГО" И ЕГО МЕСТО В СТАНОВЛЕНИИ "КИРИЛЛОВЫХ КНИГ"

Во время археографической экспедиции 1968 г. на Алтай была обнаружена интересная рукопись, в настоящее время находящаяся в собрании ГИИТБ СО АН СССР под Алт. собр. Q1Y.13. Рукопись эта датируемая по филиграммам 30 – 40-ми гг. XVII в., состоит из византийских, украинско-белорусских и русских полемических произведений, в том числе включает известное "Казанье Кирилла Иерусалимского" Стефана Зизания.

В процессе поисков в различных рукописных хранилищах страны удалось выявить 30 сходных по составу сборников, среди которых и известная в науке рукопись ГБЛ, собр. Унд., № 426, имеющая самоназвание "Просветитель Литовский". Именно такое название получил определенный тип полемического редакторского сборника в работах Н.Ф. Калтерева, Д. Цветаева, И.А. Голубцова, Х.Р. Нисса.

Восемь из 30 описков "Просветителя Литовского" датируются нами 20-ми гг. XVII в.

В 20-е гг. XVII в., когда русская публицистика осознала политические и мировоззренческие потрясения Смутного времени, необыкновенно актуальной становится полемическая литература.

В 1622 г. был написан антипротестантский трактат "Изложение на лютеры" Ивана Наседки. Возможно, что между "Изложением на лютеры" и "Просветителем Литовским" существует не только тематическая связь. Вследствие того, что в послании к патриарху Филарету, сопровождавшему его трактат, автор упомянул о другом своем полемическом сочинении: "Да у меня грешного есть и иные ответы против их злого учения, но не могу времени улучшить и показать", предполагаем, что автором "Просветителя Литовского", ви-

димо, его первоначального состава, мог быть Иван Наседка.

Все известные списки "Просветителя Литовского" имеют общее ядро из 30 глав и варьирующиеся комплексы дополнительных глав. Вероятно, первоначально был создан "Сборник из 30 глав", включающий перевод виленских изданий "Книги о образах" и "Книги о Троице" (1596 г.) и хронографические полемические произведения. В дальнейшем состав "Сборника" расширялся за счет сочинений отцов церкви, русской публицистики XVI – XVII вв. и украинско-белорусских памятников; складываются различные варианты дополнительных глав. История текста "Просветителя Литовского" завершилась изданием в 1644 г. одного из таких вариантов под названием "Кирилловой книги".

Рассматриваемый список "Просветителя Литовского" – ПНТБ, Алт. собр., № Q IV.13, наряду с рукописью ГБЛ, собр. Унд., № 1019, представляет собой вариант, наиболее близкий к печатному тексту. И в том, и в другом списках к первоначальным главам присоединены перевод "Казанья Кирилла Иерусалимского" Стефана Зизания (Вильно, 1596) и две статьи из соборного определения 1620 г.: "Ереси римские, еже прияха от мелхиседек и жидов, и армян" и "О несогласии еретиков и их различных сопротивных ересех". Все эти произведения имели особое значение для русской духовной жизни. Два последние из них входили в Постановление собора 1620 г., определившего период изоляционистских и мессианских воззрений на Россию. В "Казанье Кирилла Иерусалимского", распространившегося в русской письменности анонимно, опровержение католических догматических и культовых представлений служило отправной точкой для раскрытия острополитической эсхатологической теории. При издании "Кирилловой книги" "Казанье" было помещено в начале сборника и дало название всему печатному памятнику. Одним из редакторов "Кирилловой книги" был Иван Наседка, возможно, как отмечалось, работавший над Сборником еще в 20-е гг. XVII в.

Рукопись Алт. собр., Q IV.13. не имеет записей, почерк ее не атрибутирован. Но и те данные, которые имеются в нашем распоряжении, позволяют говорить о связи этой рукописи с другими списками "Просветителя Литовского". Рукопись Алт. собр. Q IV.13 написана на бумаге с теми же филигранями, что и ГБЛ, собр. ОИДР, № 195. Возможно, что оба списка вышли из одной книгописной мастерской. Кроме того, можно предполагать, что рукопись Алт. собр.

Q IV.13 послужила образцом при создании списка ГБЛ, собр. Егорова, № 1858. Обе рукописи имеют одинаковый пропуск в тексте, причем в Алт. Q IV.13 он, в отличие от Егорова № 1858, появился в результате механической утраты. При этом дополнительные главы в описках различные, видимо, писец Егорова № 1858 использовал сразу несколько протографов. Состав же Алт. Q IV.13, как уже говорилось, отражает процесс формирования окончательного типа "Сборника" – "Кирилловой книги", одобренного церковными властями и изданного.

Таким образом, можно говорить, что рукопись Алт. Q IV.13, связанная, вероятно, с одним из центров переписывания (формирования?) сборника "Просветителя Литовского" – прототипа "Кирилловой книги", на одном из этапов своего бытования попадает в Сибирь. Следует отметить, что данная рукопись пользовалась особым почитанием в старообрядческой общине, вероятно, из-за осознаваемой связи ее с одним из крупнейших старообрядческих авторитетов – "Кирилловой книги".

Д.Д. Смирнов (Новосибирск)

ОБ ОДНОМ СПИСКЕ "ЧУДА СВ. ГЕОРГИЯ О ЗМИЕ И О ДЕВИЦЕ" ИЗ СОБРАНИЯ ГПНТБ СО АН СССР

Рукописный сборник последней четверти XVIII в., 4^о, смешанного состава, под шифром Q.Ш.35 из собрания ГПНТБ, содержит в своем составе оригинальный список "Чуда св. Георгия о змие и о девице". Текст имеет заглавие: "Месяца апреля в 2(3) день чюдо Святаго Великомученика Христова Георгия" (л.80 об.).

Сравнение текста "Чуда" Q.Ш.35 и текстов, опубликованных А.В. Рыстенко в его фундаментальном исследовании книжной и фольклорной истории легенды /I/, показывает принадлежность его к выделенной исследователем I-й редакции памятника.

Оригинальность текста "Чуда св. Георгия" в сборнике Q.Ш.35 состоит в названии города, при котором локализовано действие легенды. Здесь город последовательно назван "Раклии" ("бе на восточней стране град именем Раклии" – л. 80; "и идоша близ града Раклия" – л. 82 об.).

Есть несколько фактов рукописной и фольклорной истории легенды, ее иконографии, с которыми может соотноситься название города в Q.Ш.35.

I. В трех поздних списках Палеи Толковой к имеющемуся здесь другому названию города ("Нападавай") добавлено: "иньде же Рак-лси, иньде же Лаоси и Диосполь" /2/ "Лаоси" и "Диосполь" – названия, имеющие аналогии во множестве текстов "Чуда" и других произведений, связанных с Георгием. Особый вариант первой редакции Q.Ш.35 послужил, очевидно, еще одним источником ипостасной вставки. Старший из трех списков Палеи Толковой, содержащих вставку, датируется 1576 г. Два других списка – XVI в. Списки Палеи того же типа сер. XIV, XV вв. не содержат в тексте "Чуда св. Георгия" указанной вставки. Это обстоятельство свидетельствует в пользу конца XV – первой половины XVI вв., как времени создания особого варианта I-й редакции памятника, отразившегося в списке XVI в. Q.Ш.35.

II. Однако надпись "градъ Ракли" рядом с изображением городских стен на среднике хорошо известной иконы из Погодинского собрания "Георгий с житием" начала XIV в. позволяет предположить более раннее происхождение особого варианта I-й редакции. Надпись на иконе гораздо ближе книжному названию места действия, нежели различным его вариантам в духовном стихе. Надписи на иконах XVI – XVII вв. свидетельствуют о распространенности особого варианта "Чуда" в это время: "Святыи Георгии избави град Раклеи от ядения зми-ева" (2-я половина XVI в.) /3/. "Святыи Георгъи избави дщерь царе-ву от лютаго з(м)ия, а град Раклеи приведе во крещение" (из собр. Эрмитажа, XVII в.) /4/. "Святыи Георгии избави Ра(к)ли град от зми-ева снедения(?) и змия мечем" (из собр. Эрмитажа, конец XVII в.) /5/.

III. Интересующее нас название царства в духовном стихе о св. Георгии и драконе (Егории Храбром и Лизавете Прекрасной) варьируется, но, за единственным исключением, его родственность наименованию "Ракли", в разной степени, очевидна. А.В. Рытенко конкретизировал мнения ряда исследователей по поводу взаимоотношений стиха и книжной легенды, показав зависимость народной версии, во всех основных моментах от "книжной легенды, вероятно, в первой ее редакции" /6/. Обнаруженный список дает основания считать источником духовного стиха особый вариант I-й редакции "Чуда св. Георгия

о змие", текст которого читается в сборнике Q.Ш.35, так как это единственный из известных текстов легенды I-й редакции с названием места действия "Раклии".

Примечания

1. Рыстенко А.В. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909.
2. Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. М., 1982, С. 354.
3. Древнерусская живопись. Новые открытия: Каталог. Вологда, 1978, воспр. С. 51.
4. Сто икон из фондов Эрмитажа. Живопись Русского Севера XIV - XVIII вв.: Каталог выставки. Л., 1982. С. 85.
5. Сто икон из фондов Эрмитажа... С. 88.
6. Рыстенко А.В. Легенда о св. Георгии и драконе...С. 343.

С.Ю. Аверкина (Новосибирск)

К ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ СТАРОПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ УЧИТЕЛЬНОГО ЕВАНГЕЛИЯ (на материале экземпляров из собрания ГПНТБ СО АН СССР)

Учительное евангелие было одной из первых книг, напечатанных Иваном Федоровым, - заблудовское Учительное евангелие 1569 г. Это, а также тот факт, что на протяжении XVI - XVIII вв. оно было переиздано более 30 раз в России, на Украине и в Белоруссии, свидетельствует об исключительной популярности памятника у издателей и читателей.

Издание текста Учительного евангелия по одной из рукописей (с возможной правкой по греческому оригиналу) не означало его закрепления в стабильной форме раз и навсегда. Как будет показано ниже, и в изданиях продолжалась жизнь Учительного евангелия как сборника поучений на различные праздники. В состав Учительного евангелия вводились новые поучения, расширялись и заменялись евангельские цитаты, было составлено оглавление статей (возможно, было использовано существовавшее в некоторых списках),

к изданиям добавлялись предисловия и послесловия различных авторов и издателей*.

Федоровское издание Учительного евангелия (Заблудов, 1569 - Тих. К 33) получило предисловие, начинавшееся словами: "Господь бог вседержитель многими и различными обычаями учение людям своим дал...", оглавление. Слово Кирилла Туровского "На вознесение господне" помещено в систематическом порядке. Текстологическое изучение отдельных поучений позволяет предположить, что в основу издания была положена одна из рукописей П группы /1/.

Виленские издания приблизительно 1580 г. (напечатанное Василием Гарабурдой - Тих. К 35), и 1595 г. (печатники Кузьма и Лука Малюнич - Тих. К 9) повторяют без изменений заблудовское издание.

В изданном в Кривошеине в 1606 г. Учительном евангелии добавлено новое предисловие, начинавшееся фразой: "Всяко убо писание богодохновенно и полезно есть к научению, к исправлению, к наказанию...", в конце книги - список опечаток и послесловие издателя (Тих. К 34 и РК. I. 223).

Издание в Бьве 1616 г. (Тих. К 16), на титульном листе которого автором назван патриарх Каллист, содержит текст, переведенный на белорусский язык: "а теперь ново з крещного и словенского языка на русский переложенный". В конце добавлен "реестр наук" - оглавление и извинения за ошибки и опечатки - статья "Дочитальника". Внесены существенные изменения в состав: отсутствуют поучения на память Георгия, Константина и Елены, добавлены "Наука на слова збавителя Иисуса Христа" и "Наука на каждый час". На вознесение господне помещено слово, приписанное Иоанну Златоусту: "Кгдым о распятии Христовом до вас мал мову...", Евангельские тексты более пространнее, чем в рукописях и предшествующих изданиях. Подробное текстологическое исследование позволяет утверждать, что издатели работали с одним из более ранних старопечатных изданий (изменения, внесенные ими в состав Учительного евангелия невозможно возвести ни к одной из известных нам рукописей), возможно, осуществлялась дополнительная правка по одному из греческих списков.

*Изучение тематики и циклизации предисловий и послесловий к старопечатным изданиям Учительного евангелия послужит темой отдельного исследования.

Московское издание 1629 г. (ГК.І.129) содержит оглавление, послесловие издателя: "Един свет неприступный и неизменный бог ниже начинаем, ниже престаем...". После третьего поучения на 1 сентября помещено поучение на Рождество богородицы: "В лето написания обокнадесяте колен Израилеву бе бо Иоаким муж богат зело...", встречающееся в рукописной традиции Учительного евангелия: в списках ГИМ Барс.326(ХV в.), Синод.210 и ГБЛ:Троиц.105, Троиц.106(ХVI в.). С этого издания скопированы Учительные евангелия, изданные в Москве в 1633 и 1639 гг. (соответственно Тих. К 39 и ГК.І.260).

В 1637 г. Учительное евангелие было напечатано в Киеве (ГК.І.180) с издания в Евье с некоторыми изменениями в составе и переводе.

В издании Печатного двора 1652 г. были внесены некоторые изменения в текст поучения на 15-ю неделю после Пасхи, которые не отражены в московских изданиях 1662 г. (ГК.І.44), 1681 г. (ГК.І.113). По предварительным сведениям последующие московские издания также повторяют издание печатного двора 1629 г. (1686, 1697, 1707, 1724, 1744, 1748, 1749, 1752, 1759, 1762, 1766, 1771 1780).

Издания с 1744 по 1766 гг. содержат интересную особенность: в текст поучения на Успение Богородицы включено славословие императрице.

Виленские издания 1782 и 1794 гг., а также издания в Клиниках 1786 и 1787 гг. и в Супрасле 1790 г. копируют московское издание 1652 г.

На основе текстологического изучения изданий Учительного евангелия можно говорить об относительной автономности старопечатной традиции формирования сборника от рукописной истории. За основу всех последующих изданий бралось, по-видимому, заблудовское Учительное евангелие Ивана Федорова и Петра Мстиславца, а позднее-московские издания, без обращения к рукописной традиции, но с возможной правкой по греческому оригиналу.

Примечание

1. О текстологической группировке рукописей Учительного евангелия см.: Аверкина С.Ю. Материалы к описанию рукописных и ста-

ропечатных сборников поучений постоянного состава ("Учительное евангелие") //Русская книга в дореволюционной Сибири. Распространение и бытование. Новосибирск, 1986. С. 43 - 69.

О.И. Киселева, канд. филол. наук (Томск)

ОБ ОДНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЗАДАЧЕ В РАМКАХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОИСКА

Основные лингвистические задачи, которые могут быть решены в рамках комплексного археографического обследования той или иной территории, определены в работах И.В. Поздеевой, статьях Н.А. Кобяк и О.В. Кукушкиной, Е.М. Сморгуновой. Круг указанных задач достаточно широк и разнообразен, поэтому подробнее остановимся на одной из них.

Известно, как важна в археографической работе задача научного изучения старообрядческих рукописных памятников с целью установления времени и места их создания. В результате исследования возможно более полного собрания рукописных книг, выявленного в Томской области, археографы смогут ответить на вопрос о том, была ли создана на данной территории собственная, местная традиция кириллической письменности с особыми, присущими ей па- леографическими, графико-орфографическими, лексико-грамматическими и прочими чертами, отличающими эти рукописи от рукописей, поступивших из других культурных центров России.

Одно из главных средств л о к а л и з а ц и и рукописных памятников - определение диалектной принадлежности писцов рукописей. Но для ее установления необходимо хорошо знать основные черты того говора, на котором он и его окружение говорят. Таким образом, археографам важно четко представлять, каковы диалектные особенности современных говоров старообрядцев Томской области и каково состояние их языка в историческом прошлом, в частности, с начала заселения местных земель.

Задача исследования диалектной принадлежности местного старообрядческого населения осложняется тем, что основатели старообрядческих общин были, очевидно, выходцами из разных областей России, как впрочем, и старообрядческое население Томской гу-

бернии. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении сведения об истории томского старообрядчества крайне скудны /1/.

Судьбой говоров старообрядцев на этой территории и их современным состоянием исследователи практически не занимались. Поэтому на первом этапе лингвистического обследования районов, где ведется археографический поиск, необходимо учитывать опыт томских диалектологов, более сорока лет изучающих говоры русского старожилого (нестарообрядческого) населения Томской и Кемеровской областей в их истории и современном состоянии. По мнению исследователей-диалектологов, эти говоры по происхождению смешанные.

Можно предполагать, что замкнутый образ жизни, традиционализм психологии и ряд других внелингвистических факторов ведут к определенной языковой обособленности говоров местных старообрядцев. Ассимиляция говоров переселенцев-старообрядцев говорили русского старожилого населения должна быть, видимо, ограниченной, однако она неизбежна. Здесь играют роль экономические, культурные, семейно-родственные и другие разносторонние связи между группами населения. Таким образом, при определении диалектной принадлежности старообрядцев необходимо иметь в виду и такие вопросы, как взаимоотношение старообрядческих говоров с окружающей языковой средой, степень их ассимиляции, как внутренней, так и внешней, взаимовлияние манеры книжного чтения, если таковая существует, и живого говора и т.д.

Примечание

1. См.: Баликов Д.Н. Томский раскол: Исторический очерк от 1834 по 1880-е гг. Томск, 1901; Краткий исторический очерк колонизации Томской губернии. Томск, 1911.

В.А. Данилов, д-р ист. наук, С.Р. Дубинский (Тюмень)

РОССИЙСКИЕ КАЛЕНДАРИ XVIII - XIX вв.

В середине XIX в. так определяли содержание календарей:

"...календарь должен быть справочною книгою для всех классов общества, находящихся в непрерывных сношениях. Этими сношениям по-

могут знания географического положения мест, сухих и водных путей сообщения, мест назначаемых для валовой торговли и ярмарок, почтовая переписка и правила купеческих и гражданских сделок". Кроме того, указывалось на то, что благосостояние государства определяется народным образованием, приращением и разделением народонаселения, силою сухопутного и морского войска, обширностью внешней и внутренней торговли, финансами, распространением и совершенствованием фабрик и заводов, народной нравственностью. "Наконец, календарь можно сделать орудием распространения полезных и для всех доступных сведений из астрономии, физики, естественной и политической истории, географии, из сельского хозяйства и домоводства" /1/.

В действительности же календарь вмещал в себя гораздо больше информации. Столь обширное содержание календарей обусловлено участием в их создании крупных ученых обществ. Основные календари были выпущены Санкт-Петербургской Академией наук. Но еще до основания Академии появился "Календарь или месяцеслов христианский. По старому стилю, или исчислению, на лето от воплощения Бога Слова 1710. Напечатан в Москве, лета Господня, 1709. Декабря в день". Возможно, это старейший из известных в России календарей. Он представляет собой небольшую тетрадку в четвертую долю листа малого формата. Содержание календаря, его слог сугубо религиозны. Основной объем занимают астрологические предсказания.

Второй календарь на 1712 г. выпущен в Москве. Он почти полностью сходен с предыдущим, хотя в нем имеются довольно интересные рассуждения о войне России со Швецией. Есть также молитвенные статейки "о плодородии и недородии, о здравии и о болезнях". Примитивная, но разносторонняя информация календаря сделала его популярным во всех слоях образованного общества Петровской России.

Свой календарь начинает издавать Киево-Печерская Лавра. Известен "Календарь или месяцеслов христианский. По древнему изображению или исчислению на лето от воплощения Бога слова АЩКА. Печатается в С. вел. Лавре Печерской Киевской, лета Господня АЩК. Декабря в КД день". Календарь наполнен множеством стихов и предсказаний, нелепых даже для первой четверти XVIII в. Правда, издатели ссылаются на перевод этого календаря с польского языка и ответственности за содержание на себя не берут: "...не сами измышляем, что нам есть показано, то вам являем".

Следует обратить внимание на календарь 1727 г., изданный "под апробацией уместности Братства Берлинского" В.К. Квасовским тайным секретарем его королевского прусского величества. Календарь был одновременно православным и римским и посвящен Феофану Прокоповичу, Феофилакту Лопатинскому и другим, имена и титулы которых занимают две страницы. Этот календарь послужил прообразом для всех последующих, выпущенных в России. Начинается он перечислением важнейших "христианских эпох" от Рождества Христова, коронавания Петра I и заканчивается началом русского флота, открытием пороха, печати, "зрительных труб" и т.д.

Каждому месяцу отводилось две страницы, где содержалась информация о церковных праздниках, восходах, заходах луны и солнца, предсказания погоды, указывались дни, когда надо было стричь волосы, рубить лес, принимать слабительное и т.п. И самое главное — имелось множество справочных данных, которые впоследствии окажутся уникальным историческим материалом. В 1724 г. была основана Академия наук, и первый календарь, выпущенный ею, был"... напечатан в Санктпетербурге в типографии Академии наук, Лета Господня 1727, в декабре..." на голландской бумаге очень хорошим шрифтом. С этого времени календари издаются непрерывно. Они становятся больше астрономическими, чем астрологическими. С 1729 г. к календарю добавляется слово "исторический", а с 1730 г. еще и "генеалогический".

В астрономической части изданий все осталось без изменений, а историческая часть заметно расширилась. Уже в календаре 1730 г. помещена заметка "Краткое описание Российской истории 1728 г.". Из года в год календари улучшались полиграфически и стилистически, заметно возрастал и уровень их содержания. В издания помещались научные статьи по астрономии, географии, истории, печатались статистические сведения, географические и другие карты. В 1747 г. появляется "придворный календарь", где собиралась информация о Российском императорском доме и о приближенных к нему лицах.

В 1779 г. "календарь" получил название "месяцеслов". Меняется и сам календарь, появляются объемные приложения, совершенствуется художественное оформление изданий, печатаются правительственные сообщения. Месяцесловы украшаются портретами царской семьи, высокохудожественными гравюрами. С каждым годом в месяце-

словах содержалось все больше информации, и к середине XIX в. месяцеслов стал вполне научным изданием, несшим в себе огромный справочный материал. В тоже время объем календаря не позволял помещать всей информации об успехах современной науки. Поэтому Академия наук начала издавать специальные календари: месяцесловы с наставлением, географические, исторические и историко-географические календари.

Перечисленные издания печатались во второй половине XVIII в. и довольно редки. Достаточно сказать, что в середине XIX в. в библиотеке Императорской Академии наук имелось: месяцесловов с наставлениями—12 экз., исторических—7, географических—9, исторических и географических—13. Содержание этих календарей представляет определенный интерес. Вот некоторые исторические статьи из них: "Исторический опыт о внешней торговле Государя Императора Петра Великого, от 1693 по 1719 год. Сочинен Архангелогородским гражданином Василием Крестининым 1792 г.", "История географии", "История мореплавания" (1794), "Описание жизни бывшего российского генерала Гордона" (1782), "Известия о браках царя Иоана Васильевича" (1785) и многие другие.

Наконец, Санкт-Петербургская Академия наук издавала еще календари в пользу домостроительства и экономические месяцесловы, которые вряд ли заинтересуют современного исследователя.

Академия наук, по возможности, действительно заботилась о распространении знаний в России. Одним из средств этой программы был выпуск календарей и месяцесловов, которые из изданий, задуманных как учебные пособия, вскоре превратились в справочные книги, какими являются и сейчас.

Примечание

1. Магазин землеведения и путешествий. Географический сборник. М., 1854. Т. 3. С. 510.

Е.Е. Дутчак (Томск)

МАКСИМ ГРЕК В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (опыт прочтения одной книги)

Необходимость разработки темы определяется существованием старообрядчества и по сей день. Одним из главных источников его жизнестойкости является духовная, в частности, книжная культура. Под этим углом зрения объясним интерес старообрядцев к сочинениям Максима Грека. Например, слова о двуперстии и сугубой аллилуйе не только соответствуют системе ценностей последователей раскола, но и аргументируют ее.

В 1988 г. ИБ ТГУ получила во временное пользование от старца-безденежного Киприана старообрядческую рукопись под названием "Книга слов и поучений Максима Грека", датированную 1892. Рукопись снабжена пометами переписчика и читателя, позволяющим определить наиболее важные места в тексте, что, в свою очередь, дает возможность реконструировать некоторые аспекты их мировоззрения.

Записи в рукописи сделаны карандашом, черными и синими чернилами, они находятся на форзаце, куда вынесен ряд глав с указанием листов, где они расположены, и на полях в тексте, цель их написания — обратить внимание читателя на особенно важные места (например, "зри" или "з", "о талантах" и т.п.)

Анализ помет в "Книге слов и поучений", совместное чтение рукописи со старцем Киприаном позволяют выяснить, что сочинения Максима Грека до сих пор служат аргументом в свою пользу для сторонников раскола. Практически по всем возникающим вопросам они находят ответ у Максима: например, признаки царства антихриста, организация монашеской жизни, пути спасения, необходимость ношения бороды, контакты с инакомыслящими и пр.

Следовательно, информация, извлеченная из сочинений Максима Грека, достаточно разнообразна. Заслуживает внимания и такая деталь: монах для старообрядцев в большей степени пример мученика, которого можно сравнить с собой — "он, как мы, за веру пострадавал". Вероятно, этим объясняется авторитетность для старообрядцев и личности самого монаха, и его сочинений.

О.В. Денъгина (Томск)

"ОСТРОВНОЙ ЛЕТОПИСЕЦ" В СОБРАНИИ КНИГ СТАРООБРЯДЧЕВ-СТРАННИКОВ

Своеобразным документом и интереснейшим источником для изучения быта и духовных запросов жителей "поместий" на речке Елтыревой является дневник "Островной летописец".

Первая запись дневника датируется 3 апреля 1924 г., а обрывается "летописец" 20 июня 1931 г. Дневник вел один из жителей таежных поселений. Наиболее "старыми" жителями этих мест были Григорий и Миша. В дневнике упоминается остров и мельница. Известно, что на острове жил и имел мельницу Григорий. Возможно, что автором "летописца" был Григорий.

"Островной летописец" представляет собой ежедневные (хотя не всегда регулярные) бытовые записи, которые дают материал об образе жизни жителей "поместий", их духовных интересах.

Отсчет времени в дневнике велся по сентябрьскому стилю. Кроме того, странники испытали влияние александрийского летоисчисления, по которому рождение Христа произошло в 5500 г. от сотворения мира.

Возможно, автор "Островного летописца" принадлежал к безденежному согласию страннического толка.

Основная часть дневника написана от лица мужского рода во множественном числе, значительно реже в единственном числе. Встречаются упоминания о посещении "братьев" и "сестер", особо названы "дальние" гости. Возможно, они составляли единую общину странников - безденежников.

О.Н. Бахтина, канд. филол. наук,
А.В. Зайцев (Томск)

ИЗ ИСТОРИИ БЕЛОБОРОДОВСКОЙ ПУСТЫНИ (переписка В.И. МАЛЫШЕВА и Н.С. ПЛОТНИКОВА)

В архиве В.И. Малышева хранится 53 письма Н.С. Плотникова, собирателя старообрядческих рукописных книг, несколько лет про-

жившего в тайге под Томском.* Письма свидетельствуют, что Н.С. Плотников жил с октября 1967 г. по ноябрь 1973 г. в Белобородавской пустыни.

Томская Белобородавская, или Томская Чулымская пустынь, или "тайга" – одно из малоисследованных мест на территории Томской области. Границы пустыни представлены своеобразным треугольником: на востоке реки Обь и Томь, с запада Большая и Малая Юкса, на севере – причулымские болота и река Чулым. Вся площадь покрыта лесами, болотами и трясинами, хотя расположение рек позволяло относительно быстро добраться и скрытно находиться в этой тайге.

Д.Н. Беликов в своей работе о томском расколе отмечает существование в этом районе двух монастырей, мужского и женского, принадлежащих австрийскому согласию и находящихся от деревни Александровки Семилужковой волости верст на 50–60 по реке Юксе, впадающей в Чулым /1/. Но кроме этого Д.Н. Беликов пишет о многочисленных пустынножаз и скитах, которые принадлежали странническому толку.

В сентябре 1966 г. Н.С. Плотников посетил Западную Сибирь и "видел много рукописных книг, но поздних ХУШ, ХІХ, ХХ веков". Судя по письмам с 1967 г. он жил в тайге под Томском, приобретал и пересылал В.И. Малышеву книги: рукописную Степенную книгу, Псалтирь толковую (1200 листов) – ХУШ – ХІХ вв., "Зерцало" и др. Книги, переданные В.И. Малышеву, хранятся в фонде Н.С. Плотникова в Древлехранилище Пушкинского дома.

Интересна оценка и атрибуция книг, которую дает Н.С. Плотников. Это расширяет наше представление о круге чтения жителей Белобородавской пустыни, о внутренних взаимоотношениях старцев. По именам хорошо прослеживается эволюция и самого Н.С. Плотникова, принявшего крещение и постриг: одно из последних писем подписано: "раб божий Иоанн, в миру Николай Сергеевич".

Примечания

1. Беликов Д.Н. Томский раскол. Томск, 1901. С. 92.

*Приносим благодарность В.П. Бударягину, обратившему наше внимание на этот факт.

С Е К Ц И Я: КНИГОИЗДАНИЕ И КНИГОРАСПРОСТРАНЕНИЕ. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Е.Н. Косых, канд. ист. наук (Томск)

СИБИРСКИЙ ЧИТАТЕЛЬ В 1917 г.

В 1917 г. население Сибири составляло 9-10 млн человек, 90% его жило в сельской местности, главным образом вдоль Сибирской железной дороги. Сибирь отставала от центральных губерний не только по степени охвата детей школами (59% в среднем по Европейской России и 39% - в Сибири), но и по уровню грамотности населения (в Сибири - 12-20%, по стране в целом в 1913 г. - 27%).

В 1917 г., после Февральской буржуазно-демократической революции, процесс ликвидации неграмотности населения в регионе усилился. Наряду с государственными, церковно-приходскими и воскресными возникают полковые школы для солдат, рабочие школы, "вольные школы" крестьян. Количество потенциальных читателей в Сибири увеличилось на десятки тысяч.

К сожалению, нет обобщенных данных о числе библиотек в Сибири к Февральской революции. Однако ясно, что трудящиеся составляли незначительную долю посетителей в сословных, ведомственных, научных и платных публичных городских библиотеках. Так, в крупнейшей по Сибири Иркутской городской библиотеке - на 80 тыс. томов - в начале 1917 г. из 1415 читателей рабочих насчитывалось лишь несколько десятков. Рабочие и ремесленники пользовались, в основном, фондами бесплатных библиотек культурно-благотворительных обществ внешкольного образования.

В сельской местности Сибири к 1917 г. сеть народных библиотек только создавалась. Крестьяне пользовались фондами школьных ученических, бесплатных библиотек культурных организаций, неторговых (культурно-просветительных) отделов кооперативов. Накануне Февральской революции число таких народных библиотек быстро росло. Так, если в 1914 г. на территории Западной Сибири их было 427, то к февралю 1917 г. только макушинское Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек в Томской губернии открыло их до 500.

В первые же дни революции большевики Сибири делают попытки формирования демократических и социалистических по своему духу библиотек. В апреле-мае 1917 г. начался период массового образования бесплатных народных библиотек при Советах, профсоюзах, кооперативах, рабочих и солдатских клубах, в запасных стрелковых полках. Тогда же стали возникать и бесплатные библиотеки при партийных комитетах объединенных социал-демократов, эсеров, энесов, конституционных демократов. В деревне инициативу формирования таких очагов культуры взяли на себя кооперативы, находящиеся под эсеров-меньшевистским влиянием, и организации социалистов-революционеров, которые пользовались наибольшим влиянием среди крестьянства. В июне-июле 1917 г. процесс образования новых общедоступных библиотек в Сибири - чаще всего в форме простейших читален - достиг апогея, постепенно затухая в последующие месяцы по мере нарастания революционных событий.

Растущее политизирование массового сознания населения России, и Сибири в том числе, после Февральской революции обусловило резкий всплеск спроса на политическую брошюру, журнал, газету, листовку. Несмотря на то, что из центра поступали и печатались на месте десятки, сотни тысяч экземпляров печатной продукции, ее в Сибири очень не хватало. Городской и сельский читатель хотел разобратся в происходящих событиях, сделать свой политический выбор. Спрос определил предложение.

Опираясь на систему государственных, частных типографий, партии кадетов, народных социалистов, эсеров, меньшевиков развернули сеть своих издательств. Эсеровские издательства "Земля и воля" в Омске, Иркутске и Минусинске, меньшевистское - "Социал-демократ" в Красноярске, кадетское - "Свободная Россия" и областническое - "Автономная Сибирь" в Иркутске, мелкобуржуазные - "Труд" в Омске, "Народовластие" - в Томске и другие выпустили огромную массу литературы, народные библиотеки и библиотеки-читальни были заполнены дешевыми, популярными книгами и брошюрами. Активно им помогали в этом эсеров-меньшевистские издательства Томского, Енисейского и Иркутского губернских союзов кооперативов и "Закупсынта" в Новониколаевске.

По нашим подсчетам, в разные месяцы 1917 г. представители буржуазных и мелкобуржуазных партий издавали в Сибири до 150 газет и около 70 журналов. Все они имели определенную идеологическую направленность.

кую направленность. В 249 выявленных и обработанных нами номерах сибирских небольшевистских журналов за 1917 г. содержится 1408 статей, заметок, хроник, резолюций, откликов с мест, носящих явно политический характер; среди них – не менее 168 материалов в поддержку буржуазного Временного правительства и его органов на местах; 273 – противопоставлявшегося Советам Учредительного собрания; 256 – "революционного оборончества"; в 243 материалах авторы выступают за реформистское решение аграрного вопроса Учредительным собранием, реже Временным правительством; в 257 случаях прямо или косвенно пропагандируются взгляды и деятельность представителей мелкобуржуазных партий (в большинстве социалистов-революционеров); в 158 – активно критикуются идеология и действия большевиков и только в одном случае опубликована статья с изложением взглядов сторонников Ленина (М.К. Цаплин "Кто такие большевики и чего они хотят"); в этих же журналах содержится 28 статей, заметок, резолюций, в которых подробно излагаются идеи сибирских областников и др.

Большевистских книг, брошюр, журналов, газет, листовок хронически не хватало, хотя они и поступали из-за Урала. Но уже в апреле 1917 г. правдисты-ленинцы Красноярска организовали большевистское издательство "Приступ" при Средне-Сибирском районном бюро ЦК РСДРП(б). В народные библиотеки стали поступать издававшиеся тиражом 5–10 тыс. экз. произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, работы видных большевиков, программные документы партии. Марксистам-ленинцам Томска удавалось печатать (и распространять по библиотекам) популярные брошюры о К.Марксе, В.И. Ленине, отдельные ленинские работы в эсеро-меньшевистском издательстве "Народовластие".

В сибирских библиотеках появились большевистские газеты "Правда", "Социал-демократ", "Сибирская правда", "Товарищ", "Сибирский рабочий" и др. В декабре 1917 г. вышел первый большевистский журнал региона "Сибирский рабочий".

По мере развития революции от Февраля к Октябрю, массы начинают предпочитать большевистскую литературу и периодику. Например, 23 апреля 1917 г. на митинге 300 красноярских солдат решено было не читать буржуазные газеты "День", "Речь", "Русское слово", "Русская воля", "Русские ведомости", "Утро России", "Новое время" и красноярскую "Свободную Сибирь". Собрание призвало читать

только рабочие газеты "Правда", "Социал-демократ" (Москва), "Сибирская правда" (Красноярск), "Красноярский рабочий", "Известия Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов" и др. Солдаты 39 томского стрелкового запасного полка и июля 1917 г. отказались от подписки на буржуазные газеты.

Осенью и особенно в период Великой Октябрьской социалистической революции тенденция предпочтения большевистской литературы любой другой продолжала развиваться и углубляться. Буржуазные и мелкобуржуазные книги, брошюры, журналы и газеты начинают пылиться на библиотечных полках. Растет и негативное отношение крестьянства к буржуазной книге и периодике.

В целом 1917 г. характерен для Сибири следующими особенностями: 1) после Февральской буржуазно-демократической революции заметно растет количество грамотных рабочих, солдат, крестьян - потенциальных читателей, организуются сотни новых массовых библиотек-читален; 2) качественно меняется репертуар сибирской книги - читатель имеет возможность читать демократические, социалистические книги, брошюры, журналы, газеты; 3) в 1917 г. читатели-трудящиеся предпочитают политическую литературу литературе художественной и научной; 4) со второй половины и вплоть до конца 1917 г. у массового читателя наблюдается устойчивый рост интереса к книге, брошюре и газете большевистской, ибо только большевики сумели предложить трудящимся радикальные решения главных вопросов революции - вопросов о земле и о мире. Мелкобуржуазные, а тем более буржуазные партии, оказались неспособными сделать это.

А.Н. Никитин, канд. ист. наук (Москва)

ЛИСТОВКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СИБИРИ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918-1920 гг.)

В годы гражданской войны противоборствующие стороны наряду с периодической печатью активно использовали листовки. Практически все политические партии прибегали к ним в своей агитационно-пропагандистской деятельности. В исторической литературе имеются данные о характере и содержании листового материала, изданного лишь большевиками.

Не исследованы, и не введены в научный оборот прокламации,

выпущенные социалистами, в частности социал-демократами – интернационалистами, меньшевиками, эсерами. Названные партии в рассматриваемый период занимали неоднозначные позиции как по отношению к Советской власти, так и белому движению. Не признав диктатуру пролетариата, руководящую роль РКП(б), они в то же время находились в оппозиции, особенно на завершающем этапе гражданской войны, и к диктатуре белых генералов и буржуазии. Социал-демократы-интернационалисты, меньшевики и эсеры предлагали, как известно, свой особенный путь развития и политического устройства страны, а также иной, чем большевики и буржуазия, способ достижения намеченных целей.

Центральным пунктом политической программы социалистических партий явилась идея народовластия. Листовки позволяют полнее и шире выявить деятельность этих партий в переломный и крайне ответственный для страны период.

В Сибири при первой Советской власти среди социалистических партий наиболее близкие к коммунистам позиции занимали, после левых эсеров, социал-демократы-интернационалисты. РСДРП(и) выступала с резкой критикой политики советского правительства, РКП(б), но в то же время признавала, что "гибель большевиков не как течения, но как могущественной народной и пролетарско-крестьянской партии способна повлечь за собой и гибель революции". Свержение власти Советов в Сибири социал-демократы-интернационалисты встретили в целом негативно, опасаясь, что силы, борющиеся с большевиками, "скорее находятся в руках контрреволюционных элементов".

Нарастание антидемократических тенденций во внутренней политике Временного Сибирского правительства, наступление буржуазии на социальные завоевания рабочего класса вызывали у членов РСДРП(и) протест и возмущение.

Свое отношение к событиям лета 1918 г. в Сибири и избранную тактическую линию социал-демократы-интернационалисты выразили в июльской листовке Омского комитета партии. Данная прокламация была адресована "Товарищам рабочим и всем эксплуатируемым". В листовке содержалась острая и аргументированная критика Временного Сибирского правительства, но не с позиции защитника свергнутой Советской власти, диктатуры пролетариата, а сторонника народовластия и демократии. Призывая рабочих сплотиться вокруг профсоюзов для того, чтобы "не допустить самодержавно-полицейской реакции", со

циал-демократы-интернационалисты в то же время выступали против насильственных форм борьбы. РСДРП(и) в своей листовке предупреждала, что не к оружию она зовет рабочих, а к организации и сплочению.

К сплочению, укреплению своих организаций призывали рабочий класс Сибири и меньшевики. Так, в листовке, изданной 1 мая 1919 г., Иркутский комитет РСДРП особо подчеркивал необходимость борьбы за 8-часовой рабочий день.

В отличие от социал-демократов-интернационалистов и меньшевиков, правые эсеры занимали более решительные позиции как в вопросе о власти, так и формах и средствах борьбы за нее. Колчаковская контрразведка еще весной 1919 г. отмечала тот факт, что эсеры стараются захватить в свои руки наибольшую долю влияния в общественно-политической жизни, в органах самоуправления и частью в кооперативных организациях. Некоторые члены партии правых эсеров приняли активное участие в вооруженной борьбе против режима Колчака в рядах сибирских повстанцев и партизан.

Представление о том, к каким аргументам прибегали правые эсеры, пропагандируя среди солдат колчаковской армии, можно составить по прокламации Сибирского военно-социалистического союза защиты народовластия. Солдатам предлагалось не только задумать-ся над тем, против кого они идут воевать, но и повернуть оружие против "исконных врагов и угнетателей", этими врагами были, как следует из текста листовки, кучка генералов с черносотенными офицерами, торгово-промышленная буржуазия, чиновничество.

Заняв достаточно определенную позицию по отношению к режиму Колчака, эсеры в то же время не решались открыто заявить о своем категорическом неприятии большевиков, Советской власти. Отрицание диктатуры пролетариата в данной, да и других эсеровских листовках носило косвенный, хотя и достаточно откровенный характер. Русскому трудовому народу, заявляли эсеровские идеологи, не нужна диктатура.

Агитация и пропаганда эсеров оказали влияние на определенную часть белогвардейских солдат и офицеров. Контрразведка неоднократно фиксировала подобные факты. Признавал их и сам Колчак.

Анализ сохранившихся документов позволяет утверждать, что в период с лета 1918 г. по начало 1920 г. в Сибири было выпущено не менее 15 нелегальных листовок социалистических партий (не считая

листовок сибирских организаций большевиков). Большинство этих листовок сохранилось в архивах. Средний тираж одной листовки составил около 100 экз. Их содержание существенно дополняет наше представление о печатной продукции сибирского подполья в годы гражданской войны.

М.С. Маадыр (Кызыл)

НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ТУВЕ

Книгопечатание в Туве возникло после образования в 1921 г. на ее территории самостоятельного государства – Народной республики Танну-Тува (с 1926 г. – Тувинская Народная Республика – ТНР). Важнейшей предпосылкой его создания явилась организация местной периодической печати и ее полиграфической базы. Первые газеты и типографии в ТНР появились в 1924–1926 гг. Печатные станки, русские и монгольские шрифты, бумага, краски и другие необходимые материалы были получены из Москвы. С 1926 г. начали выпускаться первые брошюры и книги на монгольском языке. В их числе был "Устав ТНРП" – практически единственное сохранившееся издание того периода.

Развитие книгопечатания не могло получить должного размаха, так как только около 1,5% населения Тувы владело старописьменным монгольским языком, на котором велось делопроизводство, издавались газеты, журналы и ограниченное количество литературы.

В 1929 г. по договоренности тувинской и советской сторон на базе типографий русской газеты "Красный пахарь" и газет "Эрхэ-чолоотэй бух Тува", "Танну-Тувагийн унэн" создается единая государственная типография, где до 1930 г. печатались неперiodические издания на монгольском языке. Среди этих книг и брошюр можно назвать, в частности, "Инструкцию по чистке в партии", "Положение об организации охотничьих артелей и получении ими ссуды". Здесь же была напечатана одна из первых миниатюрных книг Тувы – работа, посвященная борьбе с туберкулезом.

С первых же лет после образования республики встал вопрос о разработке национальной письменности как главного и остро необходимого условия для развертывания культурного строительства, в ко-

нечном итоге политического и экономического развития страны.

В целях осуществления данной задачи предлагались различные проекты, по поводу которых сегодня идут споры на страницах республиканской печати.

В 1927 г. была издана Центроиздатом первая книга на тувинском языке – букварь "Тыва урутларниң энбэрнир таптары. Баштап ужуз", составленный группой авторов. Однако эта книга не получила практического применения, так как она напечатана на основе русско-графического алфавита, который достоверно не отражал фонетический строй тувинского языка.

Только в 1930 г. (28.06) был принят декрет о введении новой государственной письменности на основе новотюркского латинизированного алфавита. В декрете наметились меры по организации обучения письменности, сроки перевода делопроизводства, периодической печати и книгоиздательства на новую письменность.

23 июня 1930 г. по решению ЦК ТНРП было создано Тувинское государственное издательство. Первостепенной задачей тувинского книгоиздания стал выпуск различных учебников и пособий для школьной и ликбезовской сети, обеспечение массово-политической литературой системы политпросвета, издание художественной и детской литературы.

В год своего основания издательство выпустило на языке коренной национальности брошюру "Duqu delrqermiq proletariq wrvqlarqmqa" (Детям пролетариев всего мира), резолюции и материалы VIII съезда ТНРП, пленумов ЦК ТНРП на русском языке. Тираж этих изданий колебался от 4 до II тыс. экз.

Первые тувинские буквари на латинском алфавите Тываның саа узуу, 1-е издание – 1930 г., 2-е издание – 1931 г., PIONEER – 1931 г., издавались вне территории республики. Они были подготовлены к выпуску Лингвистической комиссией Научно-исследовательской ассоциации национальных и колониальных проблем (НИАНКП) при Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) СССР и напечатаны Центроиздатом.

Практика выпуска тувинских книг в Москве ввиду маломощности издательской базы ТНР продолжалась на всем протяжении 30-х гг. Наборщиками в московских типографиях работали тувинцы, откомандированные из республики.

Тувинское книжное издательство как организация сформирова-

лось не сразу. С 1930 г. оно фактически действовало как газетно-журнально-книжное. Только в 1936 г. под названием Комитета печати при Министерстве культуры ТНР оно начало регулярно выполнять роль книжного издательства. До этого функция издательства принадлежала издательскому отделу Министерства культуры, Ученому комитету, Комиссии по усовершенствованию литературного языка и письменности и другим организациям.

В 1941 г. образовано Министерство народного просвещения ТНР, которому были переданы издательские функции Комитета печати. В 1943 г. по решению ЦК ТНРП и Совета Министров ТНР издательский отдел Министерства народного просвещения реорганизован в Тувинское государственное издательство при Совете Министров ТНР.

В сфере книгоиздания ТНР все время существовали такие трудности, как нехватка оборудования, бумаги, квалифицированных работников и т.д.

К 40-м гг. прибавилась проблема необеспеченности новыми шрифтами, так как в 1941 г. (10.07) ЦК ТНРП принял постановление о переводе тувинской письменности на русскую графическую основу.

Несмотря на трудности различного рода, в республике с момента образования собственного книгоиздательства вплоть до ее вхождения в состав Советского Союза (1930-1944 гг.) было выпущено 340 названий книг и брошюр, тираж которых составил 977350 экз.

Эти цифры свидетельствуют об активном развитии книгопечатания в стране, которая еще недавно не имела не только типографий, но и национальной письменности.

Вопрос о начале книгопечатания в Туве — один из наиболее актуальных в истории ее книжного дела. Необходимо дальнейшее изучение этой проблемы, как и всего комплекса вопросов, связанных с развитием книгоиздания и книгораспространения в республике с момента ее образования до наших дней.

РАЗВИТИЕ КНИГОРАСПРОСТРАНЕНИЯ В БУРЯТСКОЙ АССР

В дооктябрьский период на территории Бурятской АССР национальное книгоиздание и книжная торговля по сути дела отсутствовали, хотя зачатки книгоиздания на бурятском языке имелись в Чите, Иркутске, Верхнеудинске.

Возможность издавать книги на родном языке, а затем уже приобретать их через систему книгораспространения бурятский народ получил благодаря Советской власти, предоставившей ему государственность (в 1923 г. образована Бурят-Монгольская автономная республика). В этом же году было создано книжное издательство, а затем книготорговое предприятие "Улан-Туя".

Развитие книгораспространения в Бурятии через различные формы книжной торговли практически не изучено. Имеются лишь некоторые сведения в публикациях А.Я. Нагорновой по вопросам книжного дела и книгоиздания, в "Очерках потребительской кооперации" (Улан-Удэ, 1974), а также отдельные заметки и сообщения в местной периодической печати.

Цель настоящего сообщения – на основе опубликованных и неопубликованных источников дать самый общий срез развития книгораспространения посредством книжной торговли, обозначить основные вехи.

Вопросы распространения книг среди населения республики остро ставились с середины 20-х гг. на заседаниях Бурятского ученого комитета (Буручкома), в ведении которого находился в те годы Бургиэ. Для распространения своих изданий Буручком добился открытия в лавках и киосках потребительской кооперации книжных полок, отделов. В 1928 г. в городах, на железнодорожных станциях и селах начинают появляться книжно-газетные киоски Контрагентства печати (ныне Совзпечать), что значительно усилило распространение литературы. Так, уже в первый год распродано 4 тыс., а во второй 6 тыс. книг.

В 20-е гг. в Бурятии книгораспространение осуществлялось также книготорговым предприятием "Молодая гвардия", преобразованным в 1924 г. при участии Наркомпроса республики, обкомов РКП(б) и

РЛКСМ в Книжное товарищество, заключившее тогда же договор с Ленинградским товариществом.

В 1933 г. решением ЦИК республики образовано книготорговое объединение Буркнига, являвшееся региональным звеном союзного книготоргового объединения КОГИЗ-ОГИЗ. Благодаря деятельности Буркниги уже через год товарооборот увеличился почти в 3 раза. Если в 1933 г., когда продажей книг занимался Бургосиздат, оборот составлял 700 тыс. р., то по итогам третьего квартала 1934 г. оборот составил уже 1600 тыс. р.

К концу 50-х гг. в системе Бурятского книготорга работало всего 15 книжных магазинов и 29 магазинов в Бурятском потребсоюзе. Книжные магазины были небольшими, слабо привлекалась общественность к пропаганде и распространению книг, не развита была бесприваочная торговля со свободным доступом к книжным полкам.

Интенсивное развитие книжной торговли в Бурятии началось в 60-х гг. в связи с постановлением ЦК КПСС 1960 г. "О состоянии и мерах улучшения книжной торговли". В соответствии с постановлением вопросы книгораспространения через систему книжной торговли стали систематически обсуждаться на заседаниях бюро обкома КПСС. К середине 70-х гг. насчитывалось уже 106 книжных магазинов и 20 киосков, на крупных предприятиях городов и поселков увеличилось число общественных распространителей, возросла продажа книг на душу населения.

В сельской же местности благоприятные условия для развития книжной торговли через потребкооперацию стали создаваться в результате постановления Центросоюза 1957 г. "О реорганизации книжной торговли". К середине 60-х гг. книготорговая сеть на селе значительно возросла - в системе Буркоопсоюза насчитывалось уже 53 специализированных и 4 народных магазина.

К настоящему времени книготорговая сеть в республике представлена в системе Бурятского книготорга 50 книжными магазинами, 19 киосками, базой и библиотечным коллектором. В структуре Буркоопсоюза - 83 магазина на селе. Наблюдается значительный рост товарооборота: по книготоргу за последнее 10-летие на 3096,5 тыс. р., по Буркоопсоюзу - на 1 млн р.

Более разнообразными стали формы пропаганды и рекламы книги. В 1968 г. в Бурятском книготорге создан отдел организации изучения спроса, пропаганды и рекламы книги.

Таким образом, на современном этапе книжная торговля в Бурятии представляет собой достаточно развитую систему, располагающую обширной сетью книжных магазинов и киосков в городской и сельской местности, распространяющих книжную продукцию как центральных издательств, так и литературу, изданную в республике, в том числе и на бурятском языке.

Л.М. Цыганкова, канд. пед. наук (Барнаул)

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АЛТАЙСКИМ КНИЖНЫМ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ

20 - 29 ноября 1989 г. в г. Барнауле проводилась выставка "Книги России". На ней были представлены книги на многих языках народов РСФСР, разных издательств, в том числе и центральных. Одно из главных мест заняло Алтайское книжное издательство.

Выставлялись книги как алтайских писателей, так и переиздания, которые в литературной жизни края играют немалую роль.

В течение ряда лет издавались многочисленные сборники произведений В.М. Шукшина (они тоже были показаны на выставке), уже вышли четыре тома из его собрания сочинений. Последний, пятый том практически завершит публикацию всего литературного наследия В.М. Шукшина, впервые задуманного Алтайским книжным издательством. Он включает в себя роман "Я пришел дать вам волю".

Произведения В.М. Шукшина войдут в 20-томную серию "Библиотека Алтая". В 1990 г. серия открывается книгами И.А. Кузевского "Доброе дело" и Г.Д. Гребенщикова "Ханство Батырбека". Выбор обоснован тем, что имена этих писателей мало знакомы читателю. Впервые произведения И.А. Кузевского были опубликованы Н.А. Некрасовым в 1871 г. на страницах журнала "Отечественные записки". И.А. Кузевский провел детские и юношеские годы в Барнауле, и это нашло отражение в творчестве писателя.

Г.Д. Гребенщиков в 10-е гг. был одним из популярных сибирских писателей, немалое место в его жизни занимала забота о молодых писателях, в том числе и алтайских. В 1920 г., не приняв Октябрьскую революцию, Гребенщиков эмигрировал в Америку. В сборник

"Ханство Батырбека" войдут наиболее известные и характерные произведения, созданные на алтайском материале: роман "Чураевы", повести и рассказы. Произведения этих авторов займут достойное место в литературе края и в круге чтения людей разного возраста.

В серию "Библиотека Алтая" будут включены произведения тех современных авторов, в творчестве которых отражены алтайские мотивы (С. Залыгина, Е. Пермитина, А. Новоселова, В. Бианки, А. Коптелова, В. Шишкова и др.). Отдельные тома составят произведения писателей края: Е. Гушина, П. Бородкина, И. Кудинова и др. В серии будут представлены книги немецких писателей, живущих на Алтае, малоизвестных писателей, стоящих у истоков литературы края, алтайский фольклор.

В издательском портфеле на 1991 г. есть роман Е. Гушина "Ведьмин круг". Он продолжает тему ранее вышедшей книги - "Правая сторона". Автор вновь поднимает вопросы экологии, взаимоотношений ведомств. Две повести Е. Гушина - "Бабье поле" и "По сходной цене" войдут в сборник произведений, объединенных темой коллективизации. Здесь читатель найдет "Котлован" и "Выпрок" А. Платонова, "Живой" Б. Можаева. Роман Геннадия Андреева "Белый бурхан" даст возможность узнать о малоисследованных событиях 1904-1905 гг., известных под названием "белого бурханизма" в Горном Алтае. Автор собрал богатый фактический материал, встречался с участниками движения, изучал документы. В книге ярко обрисована жизнь алтайского народа на рубеже веков. Г. Андреев продолжил эту тему в новом романе - "Год зеленого дракона".

Литература края обогатилась циклами и сериями книг: "Сыны Алтая и Отечества" - о выдающихся людях края, "Из фольклорного наследия Алтая" - о народном творчестве, цикл из пяти книг. Одна из них - "Легенды Горной Колывани" - уже вышла. В ней отобраны сказы, были, легенды и устные рассказы старых рабочих Колывано-Воскресенских заводов. В перспективе - издание русских народных сказок с иллюстрациями местного художника В.А. Роменского.

90-е гг., по-видимому, будут небогаты поэзией. В 1990 г. издательство намеревалось выпустить книгу лауреата Ленинского комсомола Алтая Г. Панова - "Наедине". В нее войдут стихи разных лет и поэма. Главное содержание - преемственность поколений, эстафета памяти, от истоков древнерусского государства до сегодняшних проблем города и деревни. С алтайского будет переведена книга

И.Б. Шинкина "Глаза солнца" о жизни детей чабанов и их родителей о дружбе алтайских и монгольских детей.

В 90-е гг. издательство планирует выпуск книг непрофессиональных писателей и поэтов. Среди них стоит назвать И.И. Примакова. Он зоотехник, живет в селе. Сборник его рассказов и повесть недавно опубликованы под общей обложкой - "Столкновение". Следующая его книга - "Спроси свою совесть" - это своеобразное продолжение первой. Основаны они на местном материале. Молодой автор - Иван Симоненко из Бийска готовит книгу "Пустынь земная". В ней найдет отражение страшная картина погибших и брошенных деревень. Также на местном материале В. Марченко предполагает опубликовать "Бомж". На 1991 г. готовится роман Л. Ершова "Бойкот", в котором герой-журналист переосмысливает свою жизнь, переоценивает ценности как искусственно поднятые выше планки, так и те, которые в обществе называют общечеловеческими и о которых многие из нас забыли.

О 20-30 гг. пишет В. Козодоев. Это должна быть книга публицистических очерков "Есть у поля тайна" о земле, хлебе, целине, о том времени, когда мы поставляли масло шведам, а не ввозили. Автору с трудом удавалось пробиться в архивы, чтобы узнать о жизни алтайских ученых-подвижников.

В Алтайском книгоиздательстве, естественно, большие трудности с бумагой. Если ее достанут, то сотысячным тиражом выйдет "Доктор Живаго" Б. Пастернака, будут опубликованы "Триумф и трагедия (политический портрет И.В. Сталина)" Д. Волкогонова, сборники произведений В. Астафьева, Н. Гумилева, В. Высоцкого и другие произведения. Крайне слаба полиграфическая база, 45% работ производится вручную, так что хорошая книга - большая редкость.

Н.А. Трифонова, Е.М. Смирнов (Омск)

МИНИАТЮРНАЯ КНИГА СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В Сибири и на Дальнем Востоке печатная книга миниатюрного формата* издана намного позже, чем в европейской части Советского

*Миниатюрная книга - это издание, форматом не превышающее 100 мм. Она удобна для хранения, позволяет на маленькой площади организовывать большие библиотеки, экономить бумагу, служит образцом полиграфического искусства,

Союза. Это и понятно. Слабость местной полиграфической базы, отсутствие профессионально подготовленных полиграфистов не стимулировали сибирских издателей на изготовление "образцов полиграфического искусства".

Первой миниатюрной книгой в Сибири и на Дальнем Востоке был сборник избранных произведений В.В. Маяковского, изданный в 1937 г. в Красноярске. Небольшая по размеру (54х82 мм), но объемная, в 429 страниц, в красном коленкоровом переплете. Тираж для того времени огромный – 20 000 экз. И сейчас ее можно встретить в букинистических магазинах. К сожалению, это была первая и последняя миниатюрная книга Красноярского книжного издательства.

В целом издательства Сибири и Дальнего Востока с 1937 г. подготовили и издали всего 78 названий миниатюрных книг.

В конце 1945 г. в Хабаровске вышли в свет басни С.В. Михалкова, размером 68х90 мм (в период Великой Отечественной войны в Хабаровске находился "Воениздат"). В отличие от первой красноярской книги, объем был небольшим, всего 36 страниц. Прошло 14 лет и в 1959 г. в Магадане изданы стихи В.А. Сергеева "Праздник в тундре", размером 77х100 мм, тиражом 3000 экз. Сейчас книжечка стала библиографической редкостью. С 1961 г. миниатюрные книги выпускаются в Иркутске, Абакане, Барнауле, Новосибирске, Кызыле, Горно-Алтайске, Кемерово, Якутске, Томске, Владивостоке, Улан-Удэ и Омске.

В выпуске миниатюрных книг между издательствами Сибири и Дальнего Востока нет какой-либо координации. Тематика разноплановая. Отметим, прежде всего, труды В.И. Ленина и книги общественно-политической тематики. Работа В.И. Ленина была издана только раз. Это "Задачи союзов молодежи" в 5 книгах Якутского книжного издательства. Это единственное миниатюрное издание в Советском Союзе на эвенкийском, якутском и чкагирском языках. Там же, в Якутске, вышел "Уруй-Айхал" – сборник стихов о Ленине, партии и революции. В Новосибирске выпущен сборник "Москва. Кремль. Товарищу Ленину" (письма коммунистов и комсомольцев Сибири). Вышла серия, посвященная партии и комсомолу. Это новосибирские издания "Коммунисты", "Наши строки в биографии страны" (материалы о сибиряках-делегатах III съезда РКСМ), "Комсомольская песня", "Ветер века" (стихи о партии, революции, родине), "Пою мое Отечество"

(стихи поэтов Сибири о родине), владивостокское издание "Этих дней не смолкнет слава".

Ряд изданий – это национальный фольклор, книги местных авторов. Среди них П. Ойунский "Песня грядущего" (Якутск), Х. Намсараев "Так было", по мотивам бурятского устного народного творчества (Улан-Удэ), алтайская сказка "Ак-Чечек – Белый цветок" (Новосибирск), и дважды издана тувинская сказка С.К. Тока "Сказка о Кодур-ооле и Биче-кыс" (Кызыл), стихи алтайских поэтов "Алтай золотая земля" (Горно-Алтайск), "Поэты славят Туву" (Кызыл).

Выпускаются миниатюрные книги и краеведческого характера. В Иркутске – "Братск" и "Иркутск", в Новосибирске – сборники стихов "Мой Новосибирск родной", А. Гордина "Над широкой Обью" и Э. Ибрагимовой "Золотая долина Сибири", в Кемерово – сборник Г. Емельянова "Мой город".

Уделяется внимание классикам литературы. Это радует, так как "классика – это то, что остается постоянным в мировой культурной традиции... А самое главное – она воспитывает, делает чище, содержательнее каждого человека, который к ней приобщается"/1/. Изданы произведения Н.А. Некрасова (Барнаул), А.С. Пушкина "Руслан и Людмила", "Евгений Онегин" (Новосибирск) и "Сказка о царе Салтане" (Омск), К.Ф. Рылеева "Думы" (Новосибирск), поэмы А. Блока и В. Маяковского (Кемерово). Сборники русского фольклора "Ермак" и "Слово о походе Игорево, Игоря, сына Святослава, внука Олегова" (Новосибирск), М. Цветаевой "Мой Пушкин" (Кемерово). Не повезло зарубежной литературе. Только в Кемерово издан сборник У. Шекспира "Сонеты".

Издающиеся в Сибири и на Дальнем Востоке миниатюрные книги оформлены различно. Есть книги, исполненные неряшливо и вызывающие досаду, но есть самой высокой полиграфической культуры. Прежде всего – это роман в стихах А.С. Пушкина "Евгений Онегин", изданный Западно-Сибирским книжным издательством в 1986 г. – итог содружества издательства с художником Э. Насибулиным. Художник – специалист пушкинской эпохи. Его талант проявился в фундаментальных изданиях Западно-Сибирского книжного издательства. Мы считаем, что его оформление "Евгения Онегина" является лучшим в миниатюрном формате с 1837 г., т.е. с момента появления прижизненного миниатюрного издания "Евгения Онегина". В 1989 г. в том же издательстве Э. Насибулин оформил "Русалку" А.С. Пушкина.

В "Евгении Онегине" 176, а в "Русалке" 116 превосходных рисунков. Это не только иллюстрации произведений поэта, но и энциклопедия пушкинского времени. Третий сборник того же издательства - К.Ф. Рылеев "Думы". Книга иллюстрирована Н. Домашенко. Он исполнил 48 резцовых гравюр, которые великолепно воспроизведены полиграфистами полиграфкомбината Новосибирска. Издание характеризуют классический для миниатюрной книги формат (90х60 мм), лощеная суперобложка, тшущтитутлы, оформленные Е. Зайцевым, использование литературной гарнитуры, мастерство наборщиков и печатников.

О сборнике "Душа полна тобой" Хабаровского книжного издательства писали много. Сборник включает 340 стихотворений о любви 94 русских поэтов, от Державина и Жуковского до молодых современных поэтов. Иллюстрирована книга В. Вагиным. Для этой книги художник создал не только 25 иллюстраций, но и нарисовал изящные буквыи, с которых начинаются стихи всех поэтов.

Большинство миниатюрных книг Сибири и Дальнего Востока издано Западно-Сибирским книжным издательством (Новосибирск). Последнее время они стали издаваться в Якутске и Кемерово, по одной миниатюрной книге в Красноярске, Омске, Магадане, Абакане и Томске.

Издание миниатюрных книг продолжается.

Примечание

1. Лихачев Д.С. Агрессивность "бездуховности" // Лит. газ. 1990. - 30 мая. - С. 6.

Е.Г. Ходжер (Хабаровск)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Книжная торговля - часть особой отрасли народного хозяйства - книжного дела - выполняет общественно необходимую функцию доведения издательской продукции до потребителя. Ведущая роль в обеспечении книгой населения региона принадлежит книготорговым управлениям (объединениям) Дальнего Востока, которые входят в систему Госкомпечати СССР.

Дальневосточные книготорги имеют 359 магазинов и III киосков (это больше, чем в начале 50-х гг. в 2 и 3 раза).

Одна из важнейших проблем книжной торговли – удовлетворение потребностей населения в книжной продукции, выполнение культурной, идеологической, воспитательной функций, увеличение продажи книг населению. Планы товарооборота все книготорги выполняют регулярно. Показатели продажи книг на душу населения превышают средние по республике. Магаданский книготорг стабильно занимает место в первой десятке книготоргов страны по этому показателю. Например, в 1987 г. на душу населения здесь продано литературы на 12,87 р. Но рост продажи книг на душу населения в отдельных областях и краях Дальнего Востока объясняется не только увеличением поставок и реализации книжной продукции, но и повышением цен на книги, введением новых услуг, в том числе и платных, активным применением договорных цен.

В развитии книготорговой сети региона имеются серьезные диспропорции. В областных, краевых центрах, городах, где сосредоточено большинство населения, сеть относительно развита. В районных центрах, крупных поселках книготорговых точек или недостаточно, или они размещены нерационально.

В последние годы, в условиях хозрасчета в некоторых районах книготорговая сеть свертывается из-за нерентабельности. Так, Хабаровский крайкниготорг начал сокращать число книжных магазинов на БАМе, что ведет к снижению уровня обеспечения людей, работающих на трассе. Одна из причин возникновения подобной ситуации видится в том, что не изучаются особенности дальневосточного региона, у книготорговцев нет профессионального умения планировать товарооборот с учетом местной специфики.

Дальний Восток отличают суровые природные условия, неразвита социальная инфраструктура, низкая плотность населения, его многонациональный характер. Поэтому книга должна в известной мере компенсировать недостаток культурно-просветительных учреждений и недочеты их работы, восполнять, насколько это возможно, отсутствие культурной среды, аналогичной среде развитых районов европейской части страны. Специалисты справедливо считают (Л.Ф. Казаринова, Б.Н. Бачалдин), что уровень книгообеспеченности жителей Сибири и Дальнего Востока, по сравнению со средними показателями

страны и республики, крайне низок. Однако практики выводы делать не торопятся.

Важную роль в развитии книжной культуры региона играют организации общества книголюбов "Книга". Известно, что в пропаганде и распространении литературы они занимают особое место, в отдельных случаях выполняя значительную часть плана товарооборота книжных магазинов, берут на себя функции книгораспространения там, где отсутствует стационарная книжная сеть. В конце 80-х гг. перед книголюбями встали проблемы ликвидации формализма в работе по изучению читательского спроса, изменения устаревших форм пропаганды книги, увеличения состава и повышения активности первичных организаций, борьба с меркантильными интересами части книголюбов, усиления материально-технической базы народных книжных магазинов. Решение этих проблем имеет значение не только для членов общества. Необходимость повышения авторитета общественно-книгораспространения, увеличения числа народных книжных магазинов, киосков - реальный путь улучшения книжной торговли в новых зонах хозяйственного освоения, районах со специфическими условиями труда (геологи, рыбаки, охотники, оленеводы и др.).

Проблемы материально-технической базы, организации труда, автоматизации и механизации продолжают оставаться острыми в книжной торговле. Труд на 80% ручной, работают преимущественно женщины. Большинство магазинов располагаются не в специально построенных зданиях. (На Камчатке из 21 магазина книготоргового объединения только 7 расположены в отдельных помещениях, из них 5 построены по типовым проектам, остальные - в приспособленных помещениях, такая же ситуация и в других книготоргах.) Слабо развивается складское хозяйство - в большинстве своем книготорговые базы и склады были построены в 50-60-х гг. (например, книжная база в г. Хабаровске была построена в 1951 г.).

По-прежнему для книготоргов важен вопрос совершенствования кадров. Скорейшего разрешения требует проблема комплектования библиотек, обеспечения книгой жителей Крайнего Севера и районов проживания малочисленных народов Дальнего Востока и многие другие проблемы.

В современных условиях для их разрешения требуется:

- применение заимствованных из опыта прошлого форм книготорговой деятельности (кооперативная и государственно-кооперативная

книготорговля, акционерные книготорговые предприятия и т.д.);

- создание на Дальнем Востоке издательско-книготоргово-полиграфического комбината с фирменной книжной торговлей для восстановления экономической и административной самостоятельности книготорговых предприятий, ликвидации их зависимости от центрального управленческого аппарата;

- формирование внутрирегионального книжного рынка со свободной продажей книжной продукции всех местных книжных издательств и издательских учреждений, что расширит рамки распространения книги по всему Дальнему Востоку;

- введение системы внутрирегиональной координации книготорговых организаций, более тесные контакты между ними. На этом пути уже сделан первый шаг. На зональном семинаре по совершенствованию книжной торговли дальневосточного региона, состоявшемся в Хабаровске осенью 1989 г., был создан Совет директоров областных (краевых) книготорговых объединений Дальнего Востока.

Следует иметь в виду, что выполнение данных предложений не сразу разрешит все проблемы. В настоящее время стоит задача комплексного изучения современной ситуации в книжной торговле Дальнего Востока, т.е. работы всех книготорговых систем и ведомств, действующих в регионе. Только на основе этих материалов можно будет разработать рекомендации по совершенствованию книгораспространения на Дальнем Востоке.

С.А. Пайчадзе, канд. филол. наук (Новосибирск)

ИЗДАНИЯ БАМЛАГА ОТПУ - НКВД

Издательская практика органов ВЧК - ОПУ - НКВД - МВД и подотчетных им учреждений еще не стала объектом внимания книгovedов. Между тем изучение этой области советской книжной культуры имеет важное значение для объективной оценки прошлого и создания такой истории книжного дела, в которой бы освещались все темы, связанные с процессом издания, распространения и использования литературы в стране.

Специалистам уже известно о деятельности книжного издатель-

ства Дальстроя НКВД "Советская Колыма" (с 1954 г. – Магаданское областное книжное издательство), у них есть сведения об участии А.М. Горького и других писателей в выпуске произведений, отражающих "перековку" заключенных в 30-е гг. За период перестройки в прессе стали появляться отдельные статьи, содержащие материалы о периодической печати, библиотеках и чтении в местах заключения.

Данные тезисы являются краткой информацией о частном случае издательской практики правоохранительного ведомства – выпуске книжной продукции в БАМлаге НКВД, одном из наиболее крупных в довоенный период на Дальнем Востоке.

Исследование всех произведений, напечатанных в БАМлаге, затруднено из-за их отсутствия в общественных библиотеках и коллекциях библиофилов. Очевидно, что сыграл свою роль служебный гриф, стоявший на большинстве изданий, – "Не подлежит распространению за пределами лагеря". Однако в материалах Н.Н. Матвеева-Бодрого, поступивших в Дальневосточный литературный музей и в ЦГА ДВ РСФСР, некоторые из них сохранились. Анализ этих произведений позволяет установить следующее. Типография на строительстве БАМ начала свою деятельность в период изыскания трассы и подготовительных работ по прокладке магистрали. Первые периодические издания вышли здесь в конце 1933 – 1934 гг.

Издательство (сектор печати) КВО (культурно-воспитательного отдела) БАМлага располагалось в г. Свободном Дальневосточного края (ныне в Амурской области). Печатная продукция отдела предназначалась для "путеармейцев" – так назывались здесь заключенные, строившие Байкало-Амурскую магистраль (употреблялся и термин "строительство вторых путей"). Помимо газет (что было характерно и для других лагерей) и приложений к ним в г. Свободном издательство выпускало книги, брошюры и иную печатную продукцию. В частности, издавалась "Библиотека строителя БАМа" (так в подзаголовочных данных серии – С.П.). Брошюры "Библиотеки" начали печататься в первой половине 30-х гг. До апреля 1935 г. было издано шесть выпусков, к концу 1936 г. не менее 18. В общей сложности тираж только этих выпусков по предварительным подсчетам составил около 90 тыс. экз.

В числе изданий имелись сборники стихотворений и прозаических произведений заключенных "Поэма о песне" С. Федотова, "Победа", "Простые рассказы о подвигах" и др. За исключением запрещаю-

щего грифа, расположенного на обороте титульного листа книг, все остальные выходные данные были обычными – почти такими же, как у книг "на воле". Надзаголовочные сведения содержали название серии и издательства. На титульном листе помещались сведения о названии, номере выпуска, годе издания. Из выходных данных можно было узнать и об ответственном редакторе (Б.Н. Кузнецове, зам. начальника БАМлага), и художниках (В. Полежаеве, Тихомирове). Тираж издания составлял в среднем 5000 экз. Цена за экземпляр колебалась в пределах 15–30 к. На некоторых изданиях она не составлялась.

Художественное и техническое оформление книжной продукции производилось в типолитографии БАМлага. Очевидно стремление издателей каким-либо образом сделать свои брошюры привлекательными. Для этого использовались различные шрифты, тексты сопровождалась рисунками.

Динамика борьбы со стихией и суровой природой – основная тема изданий, наряду с темой превращения человека с уголовным прошлым в строителя социалистического общества. Наивные и откровенно "лакировочные" с сегодняшней точки зрения рассказы ("Ночь в выемке" и др.) были посвящены тяжелой работе и быту рядовых заключенных, свидетельствовали о старании идеологических кадров создать и тиражировать "образ" личности, ставшей из нарушителя законов защитником социалистической собственности. В предисловии к "Простым рассказам о подвигах" указывалось, что все они были, и среди героев очерков нет ни одного выдуманного, а документальная серия эта издается для строителей "... чтобы каждый путеармеец-лагерник знал достойнейших своих товарищей и замечательные их дела".

О тематике рассказов могут дать представление их названия: "Воспитатель Алекоандр Довгаль" (из состава заключенных – С.П.), "Самоотверженный Клобук и его конь" (В. Гросс), "Бессонная ночь бригадира Вишневской" (В. Гистлинг), "Предотвращенное крушение" (Д. Дмитриев), "Семен Мартынович принял знамя" (М. Гольдберг), "Яраш Рузнев и его Шерик" (Юсуф Зия Ширвани).

Самым известным поэтом БАМлага с начала и до второй половины 30-х гг. был Сергей Федотов. Одним из наиболее активных авторов БАМлага стал Василий Ажаев. В "Библиотеке строителя БАМа" рекламировалась его брошюра "Предисловие к жизни". Здесь же был

издан ряд рассказов ("Отложенное собрание", "Большое спасибо" и др.).

В развитии писательской активности заключенных активизирующую роль играли творческие конкурсы и публикации их работ в бюллетене "Литература и искусство БАМлага" (позднее - "Литература и искусство").

Исследователей могут привлечь не только книги и брошюры. Определенный интерес вызывает "Бюллетень консультационного бюро вооруженной охраны БАМлага НКВД" с его информацией о боевой подготовке крупных воинских подразделений, роли артиллерии в современной войне, новинках военной тактики и т.п. В другом бюллетене "Финработник БАМа" рассматривались сугубо финансово-хозяйственные вопросы.

Специалист по культурной революции может почерпнуть сведения для себя из приложения к основной газете лагеря "Строитель БАМа" - "Будем грамотными", историк журналистики встретит в материалах БАМлага данные о выходе журнала "Путеармеец", фотобюллетеней, многотиражек охраны и др.

Сведениями об изданиях БАМлага после 1937 г. автор не располагает. Можно тем не менее предположить, что они продолжали выходить вплоть до прекращения строительства магистрали в годы Великой Отечественной войны. Материалы по данному вопросу будущие исследователи проблемы вероятно сумеют обнаруживать в архивах МВД СССР и среди книг бывших спецфондов библиотек.

Необходимо провести комплексное исследование темы, чтобы современники могли во всех подробностях узнать о читателях, распространителях и создателях изданий, выпущенных в БАМлаге ОГПУ - НКВД.

С Е К Ц И Я: БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Е.В. Мартынова, канд. пед. наук, В.А. Саос, Н.П. Куртукова
(Кемерово)

РЕСУРСНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ БИБЛИОТЕЧНЫХ ФОНДОВ (на примере универсальных библиотек Кузбасса)

Кузбасс – крупный промышленный район Сибири, который дает треть продукции, вырабатываемой восточной частью страны. Интенсивное развитие производительных сил Кузбасса требует соответствующего информационного обеспечения. Вместе с тем в регионе сложилась проблемная ситуация: из 1500 промышленных предприятий только у 200 свои специальные библиотеки. Читатели, не имеющие специальных библиотек по месту работы, обращаются со своими профессиональными запросами в универсальные. Поэтому возрастает роль научных, универсальных и массовых библиотек в решении важнейших народнохозяйственных задач.

На библиотечном факультете Кемеровского института культуры под руководством профессора С.А. Сбитнева проведено исследование ресурсных возможностей универсальных библиотек, предназначенных для удовлетворения профессиональных потребностей в чтении. Для получения сопоставимых достоверных данных изучено десять универсальных библиотек, где профессиональные потребности в чтении проявляются наиболее ярко. В круг базовых вошла и областная научная библиотека.

В общем виде проблемная ситуация характеризуется следующим образом: с одной стороны, фонды непрерывно растут (за последние годы прирост составляет не менее 2,5%); с другой – показатели использования не только не соответствуют темпам роста, но и падают (за последние пять лет обращаемость снизилась на 0,2); сокращается число читателей и книговыдач. Таким образом, выявлено противоречие, заключающееся в возрастающих затратах, вкладываемых в библиотечные ресурсы, и снижении их использования. Социально-экономические критерии эффективности предполагают, что оптимально соотношение, когда минимальные по объему и затратам материальные ресурсы обеспечивают максимальное количество потребностей. Поэтому главной целью исследования явилось выявление

потенциальных возможностей, которые могли бы быть направлены на восстановление этого оптимального соотношения.

В первую очередь проанализирована отраслевая структура фондов. Установлена гуманитарная направленность фондов (около 80% составляет художественная, общественно-политическая литература и книги по науке, культуре, просвещению). Разделы, направленные на удовлетворение профессиональных потребностей в сфере промышленного производства, составляют не более 0,2 части фондов.

Логично было бы полагать, что неполнота библиотечных фондов может быть компенсирована наиболее полным раскрытием содержания документов в систематическом каталоге. Чем больше рубрик в систематическом каталоге по какому-либо разделу, тем полнее отражается содержание фонда по этому разделу. Особенно нуждаются в компенсации неполноты разделы техники и сельского хозяйства, поскольку рассчитаны на удовлетворение профессиональных потребностей. Однако наиболее полно раскрываются общественные науки (27% из всех рубрик в каталоге). Филология и художественная литература составляют 15%, техника 17, естествознание 14, наука, культура, просвещение 11, медицина 5, сельское хозяйство 5%. Техника и сельское хозяйство не получают полного, в сравнении с другими разделами фонда, отражения в каталоге. Такой небольшой объем информации вряд ли может восполнить неполноту фондов по указанным разделам.

Существенным фактором, компенсирующим неполноту фондов, является не только полнота, но и глубина индексирования (количество знаков, используемых для раскрытия содержания документов). Чем глубже индексирование, тем точнее и конкретнее дается представление о фонде. Исследование показало, что 50% документов имеют всего 3-5 знаков индекса, 20% - 5-6 знаков. Был сделан вывод о неудовлетворительном использовании общих и территориальных типовых делений, о недостаточной глубине индексирования.

Компенсация неполноты фондов путем повышения глубины и полноты индексирования - серьезный резерв расширения ресурсных возможностей библиотечных фондов. Реализация его позволит не только улучшить качество фондов, не приводя к их количественному росту, но и результативнее использовать финансовые средства.

ЗАРУБЕЖНАЯ КНИГА В СИБИРИ: ФОРМИРОВАНИЕ КРУПНЫХ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ

В последние десятилетия значительно возрос поток информации. Все большее значение приобретает знакомство с мировыми достижениями в области науки и техники. Важную роль при этом играют все виды и носители информации, в том числе и такая традиционная форма ее передачи, как книга.

Советский Союз, и Сибирь как его составная часть, тоже активно участвуют в международном научном и культурном обмене, одним из элементов которого является книга. В нашем регионе зарубежная европейская книга имеет хождение уже в течение нескольких столетий. Например, библиотеки Колывано-Воскресенских горных заводов на Алтае комплектовались преимущественно зарубежными изданиями. Собрания иностранной литературы располагали Восточно-Сибирский и Западно-Сибирский отделы Русского географического общества и другие библиотеки региона. Значительное их число описано в печатных каталогах сибирских библиотек XIX в.

Однако планомерное накопление информационного массива зарубежных изданий в Сибири стало возможным только во второй половине XX в. Значительную роль в этом сыграло создание Сибирского отделения Академии наук СССР с широкой сетью научно-исследовательских институтов. Внесли свой вклад и сибирские отделения отраслевых академий, другие научно-исследовательские учреждения, учебные заведения, а также книжная торговля.

До середины 50-х гг. XX в. наиболее крупными книжными собраниями, включавшими иностранную литературу, располагали библиотеки Томского и Иркутского университетов, а также Томского политехнического института. После революции и гражданской войны в стране, в том числе и в Сибири, произошло значительное перераспределение книжных богатств. Библиотеки Томского и Иркутского университетов значительно пополнились за счет национализированных частных собраний, библиотек закрывавшихся учреждений и учебных заведений. В настоящее время университетские библиотеки Томска и Иркутска располагают наиболее значительными вузовскими собраниями зарубежных изданий.

В 30-50-х гг. открывались новые учебные заведения, при которых создавались фонды учебной и научной литературы, включавшие зарубежные издания. К середине 80-х гг. в 46 библиотеках вузов только Западной Сибири насчитывалось уже более 800 тыс. экз. иностранных книг.

Во второй половине XIX в. публичные библиотеки Сибири пополнялись преимущественно за счет пожертвований. С 20-30 гг. XX в. книгообеспечение стало централизованным. В настоящее время республиканские (АССР), краевые и областные научные библиотеки Сибири располагают значительными книжными собраниями, содержащими литературу не только на русском и на национальных языках народов региона, но и на иностранных языках.

Определенный интерес представляют также книжные собрания краеведческих музеев сибирских городов, куда после революции были частично переданы библиотеки отделов Русского географического общества, существовавших в регионе.

Формирование фондов иностранной литературы осуществляется и в научно-исследовательских институтах различных министерств и ведомств, в органах научно-технической информации научно-производственных объединений Новосибирска, Томска, Иркутска, Омска, Барнаула и других городов Сибири.

С развитием специализированных органов научно-технической информации стали создаваться межотраслевые территориальные центры научно-технической информации, в которых сосредоточена литература, изданная как в Советском Союзе, так и за рубежом. Такими центрами располагают все областные, краевые и республиканские (АССР) города Сибири.

Создание сибирских отделений Академии медицинских наук и ВАСНИИ с сетью научно-исследовательских учреждений ознаменовало и начало формирования в них собраний зарубежной научной литературы.

Основные держатели фондов иностранной литературы — библиотеки научно-исследовательских учреждений Сибирского отделения Академии наук СССР, и в первую очередь ГИИТБ.

В фонде Государственной научной библиотеки, переименованной в Государственную публичную научно-техническую библиотеку и переданной в 1958 г. Сибирскому отделению АН СССР, насчитывалось более 1600 тыс. печ. ед. зарубежных изданий, из них книги составля-

ли около 300 тыс. экз. Позднее ГПНТБ СО АН СССР был передан фонд Восточного отделения Библиотеки Академии наук, располагавший 87 тыс. печ. ед. иностранной литературы, в том числе 10,8 тыс. книг. Но если в фонде ГНБ преобладала литература по тяжелому машиностроению, транспорту, кораблестроению, то с переводом библиотеки в Новосибирск, и особенно с 1965 г., профиль книжного собрания был приведен в соответствие с тематикой исследований научных учреждений Сибирского отделения АН СССР (физика, химия, математика, биология, экономика) и спецификой работы предприятий и учебных заведений города (радиоэлектроника, химия, машиностроение).

Произошло некоторое перепрофилирование состава книжного собрания Библиотеки. Предпочтение отдается разделам: математика, биотехнология, катализ, экология, электроника. В последние годы по всем видам источников для ГПНТБ и 49 библиотек научно-исследовательских учреждений Сибирского отделения АН СССР ежегодно приобретается 50-70 тыс. печ. ед. зарубежных изданий, из них около 8 тыс. книг. Наиболее важные каналы поступления этих изданий - покупка за валюту через ВО "Международная книга" и по международному книгообмену (около 50% и 20% соответственно).

Неравномерность размещения библиотечной сети в Сибири, чрезмерная централизация комплектования иностранной литературы в головных библиотеках ведомств, недостаточный уровень межведомственного взаимодействия в формировании единого регионального фонда зарубежных изданий побуждают ГПНТБ СО АН СССР искать действенные пути предоставления иностранной литературы не только ученым и специалистам Сибирского отделения, но и всем другим участникам научных исследований в регионе. Например, в 1983-1984 гг. для ин-титутов сибирских отделений АМН и ВАСХНИЛ приобретались различные издания по международному книгообмену.

Однако такая разовая помощь проблеме не решит. Для наиболее полного удовлетворения информационных потребностей ученых и специалистов региона необходимо создать единую систему, в которую входили бы все наиболее крупные собрания зарубежной литературы в Сибири. В этой связи большое значение имеет также создание автоматизированного сводного каталога зарубежных изданий, которыми располагают библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Это позволило бы повысить эффективность использования иностранной литературы и оправдать валютные затраты на ее приобретение.

Г.С. Лобанова, канд. пед. наук (Улан-Удэ)

**СОСТОЯНИЕ И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ БИБЛИОТЕЧНО-
БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ШКОЛЬНИКОВ**
(на примере Бурятской АССР)

Библиотечно-библиографическая культура – неотъемлемая часть общей культуры личности, формировать которую необходимо с раннего детства. В этом нам видится один из возможных путей духовного обновления нашего общества. Уровень читательской культуры школьников, оодержание, характер детского чтения вызывают сегодня серьезную озабоченность всех, кто причастен к воспитанию подрастающего поколения. Ученые-исследователи, практические работники, анализируя тревожную ситуацию в библиотечной работе с детьми, пытаются наметить пути решения проблемы. Задумано широкое масштабное исследование состояния и тенденций развития чтения детей и подростков, осуществляемое Государственной библиотекой СССР им. В.И. Ленина.

Цель нашего сообщения – подвести некоторые итоги изучения библиотечно-библиографической культуры школьников, осуществленного нами совместно с ГРДБ Бурятской АССР им. Аюудева, и наметить пути совершенствования работы, направленной на формирование читательской культуры школьников.

Анкетное обследование, условно названное "Библиотека, книга, я", было проведено в 1989/90 учебном году. Объект исследования – школьники 7-9 классов, учащиеся школ микрорайона, обслуживаемого республиканской детской библиотекой (школы № 3, 4, 14, 33, 47). Было роздано 200 анкет, собрано 179.

Мы попытались выяснить, каково место библиотеки, чтения в структуре свободного времени школьников. По нашим данным, на первом месте – просмотр телевизионных передач (61%), на втором – занятия в кружках (36%), преимущественно спортивных. На третьем месте (24%) – занятия каким-либо ремеслом: шитье, вязание, столярные работы и др. И только на последнем месте (18%) – чтение книг, посещение библиотеки. Наши данные не противоречат как общесоюзным исследованиям, так и результатам, полученным в различных регионах страны, подтверждающим факт падения престижа чтения в молодежной среде.

Опрошенные нами школьники отметили, что именно им не нравится в библиотеке. Большинство из них указало на отсутствие хороших книг по разным темам и жанрам: фантастика, приключения, научно-познавательная литература (о спорте, о животных, по географии и т.д.).

Отмечалось в анкетах несовершенство оборудования. Но больше всего нас поразило то, что подростков не удовлетворяет культура общения с ними. Приведем типичные ответы: "Не нравится, что бьют грубые библиотекари", "библиотекарь не поможет найти нужную книгу", "библиотекаря нет на месте, его не дождешься", "иногда очень грубое обращение с детьми". В ответах ребят, как в зеркале, отразились огрехи подготовки специалистов в институтах культуры. Это и низкий уровень начитанности, культуры самого библиотекаря, почти полное отсутствие психолого-педагогических знаний, умений и навыков. и др.

Не случайно совет библиотекаря как источник информации о книге занимает одно из последних мест (на последнем – рекомендация учителя). Предпочитают же школьники выбирать книги по совету друзей. (В нашем исследовании – это 65%.)

Нас интересовало, как школьники ориентируются в фондах библиотеки и выбирают литературу. 37% опрошенных ответили, что выбирают самостоятельно в фонде открытого доступа, 20% – с помощью каталогов, 16% – картотек, 12% – с помощью библиографических указателей.

Тот факт, что школьники при выборе литературы пользуются различными частями СБА, свидетельствует об определенной работе, направленной на пропаганду библиотечно-библиографических знаний. Эта работа началась в республике в 1980 г., когда был разработан план внедрения библиотечных уроков в практику и издан совместный приказ Министерства просвещения и культуры "О взаимодействии детских, школьных библиотек по пропаганде библиотечно-библиографических знаний". План предусматривал поэтапное внедрение программы библиотечных уроков: сначала – обучение библиотекарей, учителей, пионерских вожатых формам проведения библиотечных занятий. Проводились открытые, показательные мероприятия, которые анализировались практиками. Результатом всей подготовительной работы была республиканская научно-практическая конференция "Актуальные вопросы пропаганды библиотечно-библиографи-

ческих знаний", состоявшаяся в 1985 г. С этого же года стала действовать школа передового опыта на базе детской библиотеки пос. Ильинка. Сейчас библиотечные занятия проводятся повсеместно. В ряде районов (Баунтовский, Иволгинский) библиотечные занятия или включены в сетку школьных занятий, или по договоренности со школой для них выделены классные часы. Достаточно разнообразны формы проведения: это не только библиотечные уроки, но и библиотечные олимпиады, библиографические конкурсы, турниры эрудитов.

В то же время в организации библиотечных занятий есть еще немало проблем, характерных как для нашего региона, так и для страны в целом. Отметим некоторые из них. Во-первых, несогласованность действий между школой и библиотекой, которая привела к тому, что воспитанием читательской культуры занимается только библиотека, а она не в состоянии обеспечить достаточно высокий уровень работы. Вторая проблема связана с неразработанностью методики библиотечно-библиографического обучения. Третья - слабая материально-техническая база детских библиотек.

Нам представляются возможными следующие пути совершенствования работы по формированию библиотечно-библиографической культуры школьников:

- а/ активное вовлечение педагогов (ученых, методистов, практиков) в разработку методики библиотечных уроков и их проведение;
- б/ углубление индивидуализации и дифференциации работы с разными читателями, учет возрастных психологических особенностей; использование приемов и методов, активизирующих познавательную деятельность школьников;
- в/ усиление психолого-педагогической подготовки детских и школьных библиотекарей, что может быть осуществлено в результате кардинального изменения учебного плана.

Р.А. Трофимова, канд. пед. наук (Барнаул)

СТЕПЕНЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЗАПРОСОВ АЛТАЙЦЕВ И КАЗАХОВ БИБЛИОТЕКАМИ ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

В апреле-мае 1990 г. социологическая группа кафедры библиотекведения АГК провела опрос специально подобранной группы экспертов из числа читателей библиотек Горно-Алтайской автономной

области. Эксперты подбирались весьма тщательно, исходя из требований правила репрезентативности выборки. Экспертная группа из 84 человек характеризовалась теми же соотношениями разных категорий читателей, которые свойственны всей совокупности читателей области алтайской и казахской национальностей (по возрастному, половому, образовательному признакам, а также читательской активности и видам библиотек). Поэтому ответы экспертов на нашу анкету можно и должно понимать как выражение не только их личного мнения, но и усредненных оценок всех читателей интересующих нас этнических групп.

Выяснилось, что работой своих библиотек явно недовольны 53,5% экспертов, в том числе 49% алтайцев и 65% казахов. Критикуется содержание библиотечных фондов (52% всех претензий), состояние материально-технической базы (26%), устаревшие формы работы библиотек (13%), недисциплинированность и низкая квалификация библиотекарей (8%), неудобный график работы библиотек (1%).

Библиотечные фонды не устраивают читателей потому, что: во-первых, мало национальной литературы, изданной на русском языке (на это указало 65% опрошенных, в том числе 69% алтайцев и 57% казахов); во-вторых, не достает книг национальных авторов изданных на алтайском и казахском языках (53% всех респондентов из них 42% алтайцев и 87% казахов); в-третьих, ощущается дефицит другой литературы (52% экспертов при одинаковом соотношении представителей этнических групп).

Превышение потребности в русско-язычной национальной литературе (в сравнении с национальной литературой на алтайском и казахском языках) объясняется, видимо, тем, что русский стал в Горном Алтае языком не только межнационального, но и иного общения, превратился в родной язык большинства алтайцев и многих казахов. На вопрос: "Если интересующая Вас книга издана и на русском, и на языке Вашей национальности, то какое издание Вы предпочтете?", получили такие ответы: большинство алтайцев (52,5%) предпочли русско-язычное издание, а 24,5% их заявило о желании прочесть такую книгу дважды - на двух языках. Оценки экспертов казахской национальности иные: 17,5% избрали русско-язычный вариант и 52,5% - прочтение на обоих языках. Чисто на-

ционально-язычное издание устраивает лишь 16,5% алтайцев и 26% казахов.

Реальное состояние библиотечных фондов области таково, что 61% казахов сетует на частые отказы в предоставлении книг на казахском языке. Среди алтайцев аналогичный показатель равен 39%. При этом 56% первых и 43,5% вторых говорят о систематических отказах библиотек выдать им русско-язычную литературу.

Сравнительный анализ читательских формуляров экспертов за пять последних лет обнаружил ряд общих для обеих этнических групп тенденций читательских предпочтений, касающихся художественной литературы. Главные из них: 1) резкое повышение интереса к книгам местных писателей, особенно алтайской национальности, но преимущественно, в русско-язычной форме; 2) сохранение устойчивой потребности в произведениях русско-язычных писателей, проживавших или проживающих в Алтайском крае; 3) падение спроса на русскую дореволюционную классику; 4) резкое снижение интереса к большинству писателей сталинского времени; 5) падение спроса на зарубежную классику; 6) всплеск потребности в прочтении ранее непопулярizированных (или запрещенных) работ; 7) неуклонный рост интереса к книгам современных советских авторов, поднимающих важные проблемы нашей общественной жизни.

Эти сдвиги в читательских симпатиях нельзя объяснить только общими переменами в общественном сознании, очевидна недоработка библиотечных работников по пропаганде тех разрядов литературы, которые формируют основы общечеловеческой нравственности и культуры. Хочется предостеречь от пагубной ошибки коллег из автономной области, не видящих нужды в сохранении золотого запаса библиотечных фондов. Следует признать, что для повышения степени удовлетворенности читателей, нужно увеличить количество книг авторов, во-первых, 6-й, во-вторых, 7-й, в-третьих, 1-й, в-четвертых, 2-й групп.

Для дальнейшей организации библиотечного дела в автономной области важно учесть следующее. Наибольшую неудовлетворенность деятельностью библиотек (не только фондами, но и всеми другими сторонами их работы) проявляют читатели:

- а) посещающие библиотеки чаще других;
- б) с высшим и средним специальным образованием;

в) в возрасте от 30 до 40 лет;

г) пользующиеся услугами районных библиотек.

Результаты подобного анализа могли бы служить социальным заказом не только для библиотечных служб, но и для местных издательств и книготоргов.

Т.А. Хданова, канд. пед. наук (Новосибирск)

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КАЧЕСТВ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ БИБЛИОТЕКИ (по результатам одного опроса)

Определение требований к современным руководителям библиотек, оценка их деятельности, профессионально-деловых и личностных качеств, разработка методик соответствия руководителя занимаемой должности, подготовка и повышение квалификации руководящих кадров библиотеки — эти вопросы все более привлекают внимание библиотечников. В немалой степени это связано с изменениями, происходящими в развитии теории и практики управления в стране в целом.

Традиционным способом оценки деятельности и качеств руководителя является аттестация. При ее проведении основным мерилом служит объективная система требований, предъявляемых к специалисту, чаще всего зафиксированная в его квалификационной характеристике. Хотя методы аттестации претерпели качественные изменения, нельзя сказать, что аттестация решает задачу надежного подбора (отбора) квалифицированных специалистов на должность руководителя, а также объективно оценивает руководителя.

Единой непротиворечивой методики оценки руководителей и их соответствия занимаемой должности в библиотековедении нет. Наибольшую известность в крупных библиотеках получил метод "делового портрета", примененный в 70-е гг. в ГПНТБ СО АН СССР М.И. Кирсановой. К сожалению, при его использовании не выдерживалась объективность оценки; к оценке руководителя должны были привлекаться по меньшей мере шесть экспертов (желательно два руководителя вышестоящего ранга, двое коллег и два подчиненных), а в ГПНТБ СО АН СССР практиковалась только оценка руководителя вышестоящим должностным лицом и самооценка руководителя, т.е. отсут-

ствовали оценки "снизу" (со стороны подчиненных) и "обоку" (со стороны коллег).

Достоинством системы, разрабатываемой М.И. Кирсановой, было то, что она основывалась на действии психологических факторов, исключавших необходимость применения методов администрирования и принуждения, но работа не была завершена. Вместе с тем, проверка знаний и качеств руководителей аттестационным путем, показывает, что продолжает недооцениваться фактор способностей.

При подборе и назначении руководителей необходимо стремиться к достижению оптимального соответствия способностей работников предъявляемым к ним требованиям. В этом состоит идея профессионального клиринга.

Основной недостаток обычно применяемых методов оценки руководителей (аттестации, экспертная оценка, конкурсы и т.п.) заключается в том, что для получения достоверных оценок профессиональная подготовленность аттестующих должна быть на порядок выше, чем уровень оцениваемых ими специалистов. К другим недостаткам этих методов относятся большие затраты времени, остаточная субъективность, несовершенство понятийного аппарата и, главное, отсутствие четких и обоснованных представлений о типах "идеальных" руководителей.

Для определения степени соответствия работника занимаемой должности и оценки его профессионально-деловых и личных качеств необходимо иметь два компонента: 1) структурную (упорядоченную и теоретически обоснованную модель требований к руководителю с набором качеств или способностей, обладающих свойством измеримости); 2) систему диагностических и прогностических методов испытания качеств. Исходя из модели "идеального" руководителя, можно получить измеримые качества и подвергнуть их проверке в рабочих условиях. Требование измеримости качественных характеристик руководителя вытекает из необходимости сопоставления влияния отдельных качеств на конкретные результаты деятельности. Таким образом, для решения этой задачи особую важность приобретает количественная оценка деловых качеств и измерение уровня профессиональной деятельности руководителя.

В 1990 г. в ГИПТБ СО АН СССР была разработана пробная структурная модель требований к современному руководителю крупной биб.

библиотеки и проведен анкетный опрос руководителей библиотечных подразделений для выявления ее пригодности в практической работе. Из известных нам методов оценки личных качеств руководителя был выбран матричный, основанный на сравнении присущих руководителю качеств с эталоном. Как эталон в данном случае выступала не личность, а определенный идеал – "матрица качеств".

В заполнении анкеты участвовали руководители среднего звена ЦНТБ СО АН СССР (заведующие секторами и отделами) – всего 50 человек. Возраст опрошенных 40–49 лет (39%), 50–60 лет (33%), 30–39 лет (26%) и 20–29 лет (2%). Из них 65% имеют высшее библиотечное образование, 33% – высшее неблиотечное и совсем незначительный процент среднее специальное образование – 2%; 60% опрошенных на руководящей должности до 10 лет, 40% – свыше 10 лет (из них 12% – более 20 лет).

Основное содержание анкеты составили блоки требований, предъявляемых к руководителю крупной библиотеки: идейно-политические качества, профессиональные, деловые и организаторские способности нравственно-психологические качества. Для выявления качеств, необходимых современному руководителю библиотеки, был использован метод ранжирования балльной оценки по оценочным характеристикам, состоящий в присвоении руководителями-экспертами заранее заданного количества баллов по установленной шкале.

В блоке "идейно-политические качества" наивысшим баллом (204) оценен "личный пример в труде", затем "социальная ответственность" (197), примерно также высоко: "умение завоевывать доверие" (196) и "принципиальность" (194). Последние места заняли "непримиримость к недостаткам" (166) и "идейная убежденность" (154).

Из профессиональных способностей наивысший ранг, т.е. соответственно первое, второе и третье место заняли "умение заинтересовать подчиненных результатами работы" (210), "способность улавливать новое" (208), "умение быстро и эффективно решать практические дела" (206), "способность анализировать свои действия и предвидеть их последствия" (206).

Среди деловых и организаторских качеств самые высокие баллы получили такие качества, как "самоконтроль" (200) и "аналитический склад ума" (200), затем – "инициативность" (196) и "умение

применять современные методы научного управления" (194), "способность быстро принимать решения" (193), "требовательность и пунктуальность" (193).

Социально-психологические качества, по мнению опрошенных руководителей ГПНТБ СО АН СССР, имеют не меньшее значение, чем идейно-политические, организаторские и деловые. Первое место по числу баллов получила "честность" (210), затем - "высокий уровень культуры" (205), "благосклонность" (205), "объективность оценки подчиненных, способность выдвигать их на ответственную работу" (205), "чуткость" (201).

Условно круг управленческой деятельности руководителей библиотечных подразделений был обозначен нами через 11 функций. Опрос руководителей показал, что они считают в своей работе главными: организаторскую функцию (распределение объема работы, подбор и расстановка кадров), целеполагающую функцию (планирование, прогнозирование, отчетность) и содействующую (посредническую) функцию (участие в осуществлении работы).

По результатам опроса также установлено, что для руководителей подразделений библиотеки большую трудность представляет умение, во-первых, владеть собой в конфликтных ситуациях, во-вторых, отстоять интересы дела, в-третьих, анализировать последствия принимаемых решений.

В целом опрос позволил в основных чертах составить социальный портрет современного руководителя научной библиотеки.

А.Ф. Володкович, Р.Е. Павлова (Новосибирск)

РАБОТА НАД "СВОДНЫМ КАТАЛОГОМ СИБИРСКОЙ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ КНИГИ" В ГПНТБ СО АН СССР В АВТОМАТИЗИРОВАННОМ РЕЖИМЕ

Сибирская и дальневосточная книга дореволюционного периода - ценнейшее духовное богатство страны. Эти издания являются редкостью, поэтому необходим справочный аппарат, отражающий их местонахождение в книгохранилищах региона. Научно-библиографический отдел ГПНТБ СО АН СССР приступил к работе над "Сводным каталогом сибирской и дальневосточной дореволюционной книги" (СКСК)

Подготовке СКСК к печати предшествовало создание канд. искусствоведения В.Н. Волковой картотеки местной дореволюционной печатной книги. Работа велась по двум направлениям: 1) просмотр библиографических и литературных источников по Сибири и Дальнему Востоку; 2) обследование каталогов, картотек и фондов библиотек, архивов, музеев. Предварительная картотека (ПК) позволяет исключить дублирование в работе. ПК тиражируется в ИПНБ СО АН СССР и рассылается для сверки и дополнения в библиотеки-участницы.

Участники СКСК - республиканские, краевые, областные библиотеки, книгохранилища архивов, музеев, обществ, вузов, центральные библиотеки страны (ГБЛ и ГПБ). В процессе работы удалось выявить издания, находящиеся в библиотеках других регионов в частных собраниях и зарубежных хранилищах; их ссылки будут указаны при отсутствии ссылок сибирско-дальневосточного региона, ГБЛ и ГПБ после окончательной сверки.

Письма с предложением участвовать в подготовке СКСК рассылаются в вышеназванные библиотеки. После положительного ответа в адрес библиотеки, давшей согласие участвовать в подготовке каталога, посылается ПК.

Определены географические и хронологические рамки каталога.

Включаются издания, выпущенные в Сибири и на Дальнем Востоке (в Алтайском, Красноярском, Приморском, Хабаровском краях, Амурской, Иркутской, Камчатской, Кемеровской, Магаданской, Новосибирской, Омской, Сахалинской, Томской, Тюменской, Читинской областях, Бурятской, Тувинской, Якутской АССР), а также на территориях, прилегающих к Сибири и Дальнему Востоку и административно подчинявшихся в прошлом их властям (например, Курганская область, территория КВЖД, Харбин), книги русских издательств в Китае и Японии.

Хронологический охват - с начала деятельности первой сибирской типографии Корнильевых в Тобольске (1789 г.) и по 1917 г.

Учитываются все издания как на русском, так и на языках народов, проживавших в Сибири и на Дальнем Востоке, имеющиеся в библиотеках или выявленные по библиографическим источникам. В основную часть каталога, куда входят библиографические описа-

ния (БО) с оиглами, библиографические источники (Сопиков, Межов и др.), не включаются, но в приложении будет дан список разыскиваемых изданий с указанием на источник информации о них.

Составителями определены структура каталога, методика БО документов, последовательность ввода информации в базу данных.

Информация вводится на ПЭВМ типа IBM PC с помощью ППП SIS. Созданная база данных дает возможность многоаспектного поиска информации по авторам и заглавиям; составителям, редакторам, переводчикам; издающим организациям; местам издания (городам); типографиям; темам; сиглы библиотек-участниц даются буквенно-цифровые. Вспомогательные указатели к печатному аналогу будут сформированы по вышеперечисленным признакам автоматически.

Создание СКСК требует выработки ряда методологических решений. На некоторых вопросах мы остановимся подробнее.

Принципы отбора и типология изданий. Кроме книг и брошюр, в СКСК будут включены альбомы, географические карты, нотные и листовые издания, прейскуранты и прочие издания, отпечатанные типографским или литографическим способом на территории Сибири и Дальнего Востока. В каталог войдут и оттиски статей из периодических и продолжающихся изданий (ПИ), занимающие довольно большую часть сибирского книжного репертуара, а также приложения к ПИ и сочинения, составляющие целый том (выпуск) какого-либо ПИ.

Библиографическое описание. Для дореволюционной провинциальной книги характерны: большое число анонимных и подписанных псевдонимами сочинений, приведение фамилии автора (составителя) в предисловии или в конце книги, перестановка или отсутствие элементов БО на титульном листе. Все это, а также специфика работы над СКСК в автоматизированном режиме и практика "заочного" знакомства с книгами по сведениям, присланным библиотеками-участницами, создают дополнительные трудности при БО изданий. Принимаются методические решения, которые будут "работать" на составителей СКСК и станут характерными лишь для нашего каталога.

Например, не будет полускобок, как в "Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века, 1725-1800", - их нет в клавиатуре ПЭВМ; в поле "Сведения об ответственности" кроме перечисленных в ГОСТе 7.1-84, вводятся данные о цензуре изданий:

наличие среди авторов большого числа лиц духовного звания заставляет применять новые сокращения, отсутствующие в ГОСТе 7.12-77 и "Нормативных материалах по сокращениям..." (М., 1984): архим. архимандрит, еп. - епископ и др.

У многих БО нет выходных данных или приводятся ошибочные сведения. Так, часть местных отчетов была напечатана в Петербурге. В таких случаях место печатания дается в квадратных скобках с вопросительным знаком, проводится библиографическая (возможна и архивная) доработка БО изданий. Если год издания не указан, но есть ссылка на отчетный, предстоящий, юбилейный год, то таковой указывается с уточнением: "год изд. указан ориентировочно".

Цена и тираж, а также дополнительная информация об издании (источник раскрытия псевдонима, ссылка на архивное дело с подшитым в него изданием, особенности конкретного экземпляра и т.д.) указываются в поле "Примечания".

х

х х

Не все первоначальные замыслы составителей СКСК удалось осуществить. Так, будут отсутствовать сведения о владельческих записях, экслибрисах, штампах и т.д., так как проверить *de visu* абсолютно все экземпляры изданий невозможно, а данные одной-двух библиотек, которые могли бы провести эту titanicкую работу, будут нерепрезентативны для всего массива документов. Не будут указываться имя, отчество и даты жизни авторов описываемых в СКСК сочинений: выявление этих сведений затормозило бы работу над каталогом, а нам хотелось бы увидеть его изданным и "работающим" на исследователей и на МБА уже в обозримом будущем.

Е.Н. Орлова, канд. пед. наук (Хабаровск)

БИБЛИОТЕЧНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

14 декабря 1917 г. Третьим краевым съездом Советов на Дальнем Востоке была провозглашена Советская власть; ее установление в отдельных районах растянулось до марта 1918 г. Почти с первых

дней новая власть начинает заботиться о внешкольном образовании взрослых, создании библиотек, читален.

Серьезным препятствием при организации библиотечного дела был недостаток библиотечных работников. Советская власть на местах зачастую недоверчиво относилась к старым кадрам, принявшим перестройку общества на социалистических началах. Поэтому для работы в библиотеках привлекались передовые крестьяне и рабочие, общеобразовательная и политическая подготовка которых была явно недостаточной.

Мероприятия по реорганизации библиотечной работы свидетельствуют о том, что библиотечное дело на Дальнем Востоке с первых шагов своего становления развивалось, как и по всей стране, на основе единых указаний, директив и постановлений КПСС и Советского правительства.

Вместе с тем в определении путей развития, темпах и сроках преобразований в библиотечном деле Дальнего Востока имелись отличия, обусловленные социально-экономическими особенностями и своеобразием культурного строительства. Так, состоявшийся в апреле 1918 г. Четвертый дальневосточный съезд Советов наметил первые практические шаги в области культурного строительства, поставив главной задачей его создание сети новых общедоступных библиотек. Эти библиотеки должны были способствовать использованию каждой книги, брошюры, газеты для пропаганды социалистических идей, приобщения всех слоев населения к культуре, книгам и библиотекам.

Становление библиотек проходило в условиях гражданской войны и тяжелой хозяйственной разрухи. Очень малым было финансирование органов народного просвещения; местные власти, всецело занятые политической борьбой, не могли обеспечить нужды и потребности органов культурного строительства, в том числе и библиотечного дела. Для организации библиотек не хватало помещений, книг, почти совершенно отсутствовали грамотные, знающие библиотечное дело работники. В национальных селах серьезным препятствием служила неграмотность коренного населения. Тем не менее, как только был ликвидирован старый и организован новый государственный аппарат, он сразу же начал претворять в жизнь культурно-просветительную политику. Так, уже в мае 1918 г. в ведение Амурского ко-

миссарията просвещения переданы театр, кино, библиотеки. В этом же месяце комиссариат просвещения разработал проект размещения библиотечной сети Амурской области. 14 мая 1918 г. на заседании исполкома области заслушан вопрос об открытии областной, или центральной, библиотеки в Благовещенске, 8 уездных и нескольких сельских. Заседание постановило предоставить в распоряжение комиссара просвещения здание, занятое в то время Советом, вместе с имеющимся при нем садом, для устройства центральной областной библиотеки и других культурно-просветительных учреждений. Библиотеки, открытые по данному постановлению, были взяты на областной бюджет.

Для повышения уровня культурно-просветительной работы среди народов Российской Федерации при Наркомпросе РСФСР в ноябре 1918 г. создается отдел просвещения национальных меньшинств, на который возлагалось руководство всеми культпросветучреждениями в РСФСР, а в апреле 1919 г. ему передаются все культурно-просветительные органы Народного комиссариата по делам национальностей с целью ликвидации параллелизма в их работе и дальнейшей централизации культурно-просветительной работы. Впоследствии отдел постоянно помогал местным органам народного просвещения, учреждениям культуры Дальневосточного края. Чуть позже, в период существования ДВР, в регионе было создано свое Министерство по делам национальностей, которое приняло на себя функции вышеупомянутого отдела.

В 1919-1920 гг. во многих дальневосточных округах состоялись съезды местных Советов по политико-воспитательной работе с массами. В качестве примера можно привести заседание съезда Советов Николаевского округа от 22 марта 1920 г., посвященное охране книжного фонда и других культурных ценностей в Николаевске-на-Амуре. На съезде призывали "...обратить внимание на то ненормальное явление, что многие библиотеки, находящиеся в Николаевске, как частные, так и общественные /бывшие казенные/... бесхозяйственно расхищаются. Съезд предлагает комиссариату народного просвещения безотлагательно принять самые энергичные меры к обору, охране и правильному использованию книг, рекомендуя составить из них одну центральную народную библиотеку в г. Николаевске, а дубликаты книг распределить по сельским школьным биб-

блиотекам" /1/. В условиях того времени это был самый верный способ комплектования фонда сельских библиотек, но, к сожалению, начавшаяся гражданская война затормозила развернувшуюся работу как в Николаевске, так и во многих других районах.

После создания "буферной" республики ДВР постановлением ее правительства от 5 января 1921 г. все библиотеки и частные собрания книг были национализированы. Так, в Амурской области к 1921 г. государственными уже считались 67 народных домов и клубов с библиотечками, 144 избы-читальни, 98 библиотек.

Крайнее обострение политической обстановки на Дальнем Востоке, начало интервенции и гражданской войны не могли не отразиться на сети библиотек, которая резко сократилась. Однако литература, получаемая из центра и издаваемая на местах, служила основой для создания подпольных, в условиях незавершенной гражданской войны, партийных библиотек.

Таким образом, в труднейшие годы оккупации Дальнего Востока шел процесс организации и укрепления прежде всего партийных библиотек. После освобождения региона от интервентов и белоказа-рейцев местными властями работе библиотек других ведомств уделяется больше внимания, утверждаются штатные работники и определяются правила пользования библиотеками.

Примечание

1. ЦГА РСФСР ДВ, ф. 4638, оп. I, д. I, л. 16.

Р.Б. Ажеева, канд. пед. наук (Улан-Удэ)

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОГРАФИИ БУРЯТИИ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало совершенно новому этапу и новому уровню краеведческой библиографии, которая рассматривается как неразрывная часть хозяйственного и культурного строительства. Библиографическая деятельность стала делом государства, и это отражено в первых государственных документах по библиографии.

Планомерное изучение северных и восточных районов страны силами Академии наук СССР и краеведческими обществами, музеями, институтами способствовало росту потока краеведческих изданий. В результате новый характер приобретает и краеведческая библиография. Развитие народного хозяйства в Бурятской АССР диктовало изучение края. Появились первые библиографические пособия /1/. Сотрудник Прибайкальского народного университета В.П. Гирченко составил "Краткий указатель литературы по Прибайкалью". В нем представлено 604 публикации о Восточном Прибайкалье как экономико-географическом районе.

В 1923 г. П.П. Хороших составил "Указатель историко-этнографической литературы о бурятской народности", который был опубликован в сборнике "Сибирская живая старина".

В 20-30-е гг. библиографические списки и указатели литературы публиковались на страницах периодических и продолжающихся изданий, а также в научных работах по истории и этнографии бурят. Этнограф, журналист, историк Н.Н. Козьмин указатель по истории бурятского народа поместил в книге М.Н. Богданова "Очерки истории бурят-монгольского народа" (1926 г.). Известный ученый Г.Ю. Верещагин составил указатель "Опыт свода литературы по Байкалу и его побережью" (1927).

Все вышеназванные библиографические пособия не могли заменить полной библиографии о Бурятии.

В связи с принятием первых пятилетних планов возникла потребность в создании полного свода литературы о Бурятии. В 1931 г. Бурят-Монгольский институт культуры обратился в Бурятский обком партии и правительство о просьбой о выделении средств для создания капитальной библиографии Бурят-Монголии. Был заключен договор со Всесоюзной ассоциацией сельскохозяйственной библиографии о составлении "Библиографии Бурят-Монголии". Вся работа по созданию многотомной библиографии осуществлялась под руководством выдающегося советского ученого, библиографа-краеведа Н.В. Здобнова. Было намечено составить 6-томное издание в 8 выпусках (5 томов на русском языке, 6-й том на бурятском). Были изданы тома по естествознанию, сельскому и лесному хозяйству, здравоохранению. Начавшаяся Великая Отечественная война прервала эту работу. 5-й выпуск, посвященный истории Бурятской АССР, был издан в 1970 г. Институтом общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР.

"Библиографию Бурят-Монголии" специалисты-краеведы считают классическим образцом краеведческой библиографии, выполненной на высоком научно-методическом уровне. В специальной литературе утвердилось мнение, что "Библиография Бурят-Монголии" – краеведческое пособие. В действительности она представляет особую национальную библиографию, так как включает литературу о бурятах независимо от районов их проживания. Хронологически "Библиография Бурят-Монголии" продолжает указатель В.И. Межова "Сибирская библиография", изданный до революции и охвативший литературу за 300 лет о Сибири, в том числе о Бурятии. В "Библиография Бурят-Монголии" включена литература за 47 лет (1890–1936 гг.).

В рассматриваемый нами период ставился вопрос о библиографировании местной печати, так как печатная продукция из года в год росла. Бурят-Монгольский государственный институт языка, литературы и истории взял на себя функции книжной палаты и приступил к изданию "Библиографии местной печати Бурят-Монгольской АССР". Библиограф института С.Н. Доржинов составил "Библиографию местной печати..." за 1936, 1937, 1939 гг.

Библиографическая комиссия Бурят-Монгольского краеведческого общества также осуществляла учет местных изданий и вновь выходящей литературы о республике, публикуя эти материалы на страницах журнала "Жизнь Бурятии".

Таким образом, ведущее место в составлении библиографических трудов занимали центральные и местные научно-исследовательские институты.

В довоенные годы большой вклад в развитие краеведческой библиографии Бурятии внес Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры. В довоенный период происходило становление краеведческой библиографии в Бурятии. Вместо одиночек – коллективы, вместо любительства – плановая работа по заданиям государственных учреждений и организаций. Были заложены основные начала краеведческой библиографии – методические и организационные.

Примечание

1. Имеются публикации о состоянии бурятской библиографии за отдельные периоды: Казаринов П.К. О библиографии бурят-монголов

и их края // Бурятоведческий сборник. 1926. Вып. I. С. 3 - 34; Доржинов С.Н. Библиография Бурят-Монгольской АССР // Зап. Бурят-Монг. НИИ лит. и истории. 1941. Вып. 3 - 4. С. 213 - 224; Чемериц В.М. Бурятская библиография за 50 лет (1923-1973 гг.) // Краеведческая библиография. (Состояние и перспективы развития.). Новосибирск, 1976. С. 100 - 131.

В.С. Мушенко (Новосибирск)

БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УЧЕНЫХ СИБИРИ В 1946-1956 гг.

Во второй половине 40-х - первой половине 50-х гг. определяющее место в обеспечении ученых, научных работников научно-технической информацией занимало библиотечно-информационное обслуживание.

Все библиотеки Сибири, игравшие значительную роль в библиотечно-информационном обслуживании, можно классифицировать следующим образом: научно-технические, академические, вузовские, областные. Все эти типы библиотек в той или иной комбинации были представлены в основных научных центрах региона: Иркутске, Томске, Новосибирске, Омске, причем довольно четко прослеживается следующая закономерность: в городах с развитыми вузовскими библиотеками областные библиотеки играли второстепенную роль. В Новосибирске и Омске отсутствие крупных вузовских библиотек компенсировалось довольно мощными областными, а также научно-технической (в Новосибирске). Академические библиотеки были расположены в основных центрах развития академической науки - Иркутске и Новосибирске.

Академические библиотеки в Сибири были представлены в те годы библиотеками Западно-Сибирского (ЗСФ) и (созданного в 1949 г.) Восточно-Сибирского (ВСФ) филиалов АН СССР.

Библиотеки ЗСФ и ВСФ комплектовались в основном по профилю научной работы филиалов. По своему качественному составу фонды имели значительную ценность. С 1949 г. они централизованно комплектовались по тематике, утвержденной руководством филиалов.

К 1956 г. в фондах ЗСФ и ВСФ находилось соответственно

150 тис. и около 70 тыс. книг и журналов. Несмотря на недостатки в комплектовании литературой (особенно иностранной), фонды библиотек ЗСФ и ВСФ достигли значительных размеров за десятилетие, хотя далеко не полностью удовлетворяли потребности работников филиала.

До 50-х гг. информационно-библиографическая деятельность в институтах АН СССР практически не велась. В 50-е гг. библиотеки филиалов стали более активно развивать библиографическую работу. Разнообразнее стали ее формы. С середины 50-х гг. сотрудники библиотек регулярно составляли библиографические указатели, ежемесячные бюллетени новинок, обзоры новой иностранной литературы, организовывали постоянные выставки.

Научно-техническая библиотека из исследуемых 4 научных центров находилась лишь в Новосибирске (Новосибирский филиал ГНБ); необходимость существования ее была скорее всего обусловлена отсутствием в Новосибирске крупной вузовской библиотеки. ГНБ ограничивала свою управленческую деятельность организационным руководством филиалами. В ее задачи входило изучение и обобщение опыта работы научных библиотек, а также повышение квалификации кадров, однако работа филиалов ГНБ с сетью библиотек весь изучаемый период состояла лишь в проведении консультаций и совещаний по обмену опытом. Попытка составления сводного плана издания научно-методических пособий в 1948 г. к практическим результатам не привела.

Новосибирская ГНБ играла значительную роль в обеспечении научно-технической информацией ученых Новосибирска прежде всего благодаря значительному специализированному фонду (200 тис. биб. ед. к концу изучаемого периода).

О качественном уровне фондов можно судить по следующим данным:

Всего	В том числе:		Иностранной литературы	Специализированных видов технич. литературы
	книг	журналов		
202.281	97647	31170	30843	42621
100%	48%	17%	15%	20%

Сравнительно большое количество журналов, иностранной и

специфическая техническая литература объясняется спецификой данного типа библиотек. Однако эффективность использования книжного фонда крайне снижалась из-за острой проблемы с помещением, которая существовала на протяжении исследуемого периода. Кадрами библиотека была укомплектована неплохо, наличие библиографов обеспечивало значительный уровень библиографической работы. НТБ обслуживала достаточно большое количество читателей: в год 6,5 тыс. (в том числе научные и инженерно-технические работники составляли 53%, студенты - 34%).

За десятилетие 1946-1956 гг. большие изменения претерпевает научно-информационная и библиографическая работа НТБ: от подбора материалов в 40-е гг. до разнообразной научно-информационной деятельности в 50-е гг.

Вузовские библиотеки (прежде всего библиотеки Томского и Иркутского университетов) сыграли выдающуюся роль в развитии науки в Сибири, особенно если учесть, что в университетах были сконцентрированы крупнейшие научные силы высокой квалификации. Прежде всего необходимо указать на богатейший состав и ценность книжных фондов ТГУ и ИГУ (каждый из них превышал 1 млн. библиотечных единиц).

В 1946-1956 гг. книжные фонды возросли на 500 тыс. ед. в Томской и 388 тыс. ед. в Иркутской библиотеках и достигли (в каждой) 1,5 млн. библиотечных ед. Большая ценность литературы привлекала внимание значительного количества читателей региона. С 1946 по 1956 гг. только число читателей, имевших постоянные читательские билеты библиотеки ТГУ, возросло с 3777 до 5500 человек. Библиотека ИГУ обслуживала ежегодно 5-6 тыс. читателей. Анализ состава читателей по роду занятий показывает, что библиотеки ТГУ и ИГУ были публичными библиотеками регионального значения.

Библиотеки вели огромную библиографическую и справочную работу. Формы этой работы были различными: справки, выставки, консультации, составление научно-информационных указателей.

Большое значение для приобретения научной информации играл обмен ценными научными изданиями с другими вузами и учреждениями. К 1948 г. библиотеки полностью восстановили прерванные в годы войны связи. Например, в 1948 г. библиотека ИГУ имела 287 обменных точек в СССР и 226 за границей. Однако к 50-м гг. в свя-

зи с кампанией по борьбе с космополитизмом резко нарушаются обменные связи с капиталистическими странами. Значительную роль в обеспечении научной информацией самих университетов и региона в целом сыграла методическая работа библиотек ТГУ и ИГУ, главной функцией которой стало установление тесного сотрудничества в обеспечении научно-исследовательских разработок научных учреждений.

Необходимо отметить определенную роль областных библиотек, хотя она была явно неоднозначной для исследуемых научных центров. Пожалуй, большую роль сыграла Омская областная библиотека, так как в Омске не было ни одной крупной научной библиотеки. Омская библиотека, имея в своих фондах ряд ценных изданий, обслуживала в числе прочих 12 технических библиотек различных учреждений города. В 1952 г. из 20 тыс. ее постоянных читателей было 60 научных работников, а студентов вузов 3000. Книжные фонды за десятилетие увеличились с 200 тыс. до 400 тыс. книг и журналов.

Схожая ситуация была в Новосибирске, где книжный фонд областной библиотеки достиг к 1956 г. 700 тыс. экз., из них 200 тыс. составляли научные издания. В 1950 г. услугами библиотеки пользовались 48 научных работников.

Оценивая деятельность основных типов научных библиотек в Сибири, следует прежде всего признать, что наиболее значительный вклад в обеспечение ученых информацией внесли вузовские библиотеки Томска и Иркутска. Академические библиотеки находились в более трудном положении. Соответственно неравнозначной была и информационная деятельность библиотек. Однако направления этой деятельности зачастую совпадали. Прежде всего это выражалось в комплектовании научной литературой по региональному принципу. Состояние и тенденции развития научных библиотек в послевоенные годы характеризовались рядом недостатков: малочисленностью и неравномерным распределением, недостаточностью охвата библиотечно-библиографическим обслуживанием. Не отвечало задачам обеспечения научной информацией руководство библиотеками. Комплектование книжных фондов как советскими, так и иностранными изданиями также проводилось весьма неудовлетворительно. Деленаправленная научно-информационная работа на достаточно профессиональном уровне не стала проводиться лишь с середины 1950-х гг.

Подводя общий итог библиотечно-информационного обслуживания

науки в Сибири, следует признать, что оно шло в целом в русле общесоюзной тенденции отставания и явно не удовлетворяло возрастающего спроса на новейшую научную информацию развивающихся научных центров Сибири.

Е.В. Шилко (Новосибирск)

БИБЛИОТЕЧНЫЕ КАДРЫ СИБИРИ В 50-60-х гг.

В 50-60-х гг. в Сибири происходило общее увеличение количества библиотечных работников, однако повсеместно отмечалось отсутствие квалифицированных кадров. Те немногие специалисты, которые имели специальное образование, работали, как правило, в крупных краевых и областных библиотеках, центральных городских и профсоюзных, библиотеках горкомов и райкомов КПСС.

В небольших городских, районных и сельских библиотеках у значительной части работников не было даже общего среднего образования (в различных областях Сибири от 30 до 50% библиотекарей имели лишь начальное или семилетнее образование). Очень плохо были обеспечены кадрами сельские библиотеки, многие библиотечные работники в них не имели даже представления о библиотечной работе. Заниматься библиотечным обслуживанием мешало и то, что сельские библиотеки должны были работать и как клубные учреждения. Очень часто руководители колхозов обязывали библиотекарей организовывать работу кружков художественной самодеятельности, проведение концертов и детских утренников, заниматься, например, разбивкой цветников или изготовлением игрушек для детских садов. Это не оставляло времени для повышения образовательного и профессионального уровня.

Очень низким был образовательный уровень работников библиотек краевых чумов и лесопромхозов. В Эвенкийском и Таймырском автономных округах обычным явлением было отсутствие специального образования не только у рядовых библиотекарей и заведующих библиотеками, но и у методистов окружных библиотек. Аналогичная картина наблюдалась в северных районах Томской, Тюменской, Иркутской областей.

Крайне слабым был состав кадров детских библиотек, детских

отделений массовых библиотек, школьных, библиотек при дворцах пионеров, станциях пионеров. Нормой было обслуживание детей учащимися старших классов, которые выполняли работу библиотекаря на общественных началах.

В научно-технических библиотеках чаще всего библиотекарями были лица с техническим образованием. В конце 50-х – начале 60-х гг. в научно-технических библиотеках стала широко применяться работа инженеров по совместительству или на общественных началах.

Библиотекари-общественники имели в лучшем случае общее среднее (очень редко – высшее), но гораздо чаще 7–8-летнее или даже начальное образование. Кроме того, такие библиотекари-общественники, как домохозяйки, пенсионерки, учащиеся, часто менялись, могли в любой момент оставить эту работу, что отрицательно сказывалось на качестве библиотечного обслуживания, уровень которого и без того был невысоким.

Работников со специальным средним и тем более высшим образованием не доставало даже в краевых и областных библиотеках. Это не позволяло в полной мере раскрыть фонд библиотек, задерживало своевременное создание новых отделов (иностранной литературы, нотной-музыкального, патентного), снижало эффективность индивидуальной и массовой работы с читателями.

Такое положение с кадрами было вызвано тем, что до создания в 1960 г. Восточно-Сибирского библиотечного института (в г. Улан-Удэ) на территории Сибири не было ни одного вуза, занимавшегося подготовкой библиотекарей высшей квалификации (те, кто имел высшее образование, были, как правило, выпускниками Московского и Ленинградского библиотечных институтов и образование в большинстве случаев получали заочно). Средние специальные учебные заведения (например, Канский библиотечный техникум, Алтайская и Иркутская культпросветшколы), готовившие специалистов для массовых библиотек, имели слабую материальную базу, были переполнены, не все преподаватели в них имели высшее образование. Выпускники этих заведений не достигали высокого образовательного и профессионального уровня.

Многие специалисты, выпускаемые средними специальными учебными заведениями, не оставались работать по месту распределения из-за неудовлетворительных бытовых условий, отсутствия жилья,

плохого снабжения. Особенно остро стояла эта проблема в северных районах Сибири. Положение с кадрами в Сибири не улучшилось и после укрупнения библиотек, так как оно проводилось "в целях сокращения расходов на их содержание".

Несмотря на нехватку квалифицированных кадров очень мало внимания уделялось подготовке библиотекарей за счет средств хозяйств. Во многих районах к концу 60-х гг. еще не было ни одного стипендиата в культурно-просветительных учебных заведениях. Нередко постоянно действующие комиссии по культуре и искусству горисполкомов обращались в краевые и областные управления культуры с просьбой помочь в укомплектовании сельских библиотек специалистами, увеличить штаты библиотек, но эти просьбы отклонялись. Все отказы объяснялись управлениями культуры отсутствием средств.

В таких условиях очень важным было повышение квалификации библиотечных работников, но часто оно сводилось лишь к проведению краевыми и областными библиотеками 2-3-дневных семинаров с заведующими сельскими библиотеками.

Недостаточное количество квалифицированных кадров, слабая материальная база и расширение общественных начал в библиотечной работе, а также стремление библиотекарей выполнить в первую очередь количественные показатели (что, судя по отчетным документам, должно было свидетельствовать о повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании) приводили к снижению качества и эффективности библиотечного обслуживания.

Г.Г. Николаева, канд. ист. наук (Барнаул)

ИСТОРИЯ БАРНАУЛЬСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Необходимость изучения библиотечного опыта в период социалистического строительства, использование его при решении актуальных современных теоретических и практических проблем не вызывает сомнения. В данном сообщении это делается на примере Барнаульской центральной библиотеки, прошедшей 100-летний путь развития.

Инициатором открытия библиотеки было Общество попечения о начальном образовании, возглавляемое В.К. Штильке. В год откр-

тия библиотеки, в 1888 г., в фонде насчитывалось немногим более 2 тыс. книг. В мае 1917 г. библиотека погибла от пожара. К восстановлению фонда была привлечена общественность Барнаула, Томска, которая жертвовала библиотеке книги из своих собраний. В результате книжный фонд библиотеки к октябрю 1917 г. составил более 6 тыс. книг.

Установление Советской власти в Барнауле изменило положение центральной библиотеки. На заседании городского отдела народного образования 12 апреля 1918 г. принято постановление по библиотечному делу. Руководствуясь этим постановлением, библиотечная комиссия решила реорганизовать городскую библиотеку в центральную, пополнить отдельные библиотеки недостающей литературой, открыть в городе районные и передвижные библиотеки. На базе центральной библиотеки было решено осуществить централизацию.

Однако централизация библиотечной сети была прервана падением летом 1918 г. Советской власти в Сибири. С захватом власти белогвардейцами библиотека переходит в ведение городского общества самоуправления. За время контрреволюционного режима (май 1918—декабрь 1919 г.) библиотека находилась в крайне плачевном состоянии. Из-за отсутствия средств новая литература в ее фонд не поступала, заработную плату сотрудники библиотеки получали нерегулярно, пользование ею стало платным, причем плата увеличилась вдвое. Основным источником пополнения фонда оставались пожертвования.

В декабре 1919 г. Барнаул освобожден от колчаковцев, в городе была восстановлена Советская власть. Первые годы восстановительного периода Барнаульской центральной библиотеки характеризовались перестройкой обслуживания читателей, совершенствованием выставочной работы, началом участия в библиотечных конференциях, съездах. Библиотека должна была как можно быстрее найти свое место в общей борьбе за строительство социалистической культуры. В результате централизации в Барнауле библиотечная сеть расширилась: 7 районных, 4 детских, 14 передвижных библиотек. Фонд центральной библиотеки вырос почти до 25 тыс. томов. В декабре 1920 г. создана учетно-распределительная комиссия, в результате чего был осуществлен переход на плановое снабжение сети библиотек.

Намеченную в те годы программу развития и централизации библиотечного дела в Сибири выполнить не удалось, так как начавшаяся

новая экономическая политика установила жесткие бюджеты в бездоходных предприятиях и учреждениях, что привело к резкому сокращению библиотечной сети и штатов библиотек. За 1921-1922 гг. только в Барнаульском, Бийском, Рубцовском уездах закрылось более 100 библиотек и 160 изд.-читален. В 1921 г. Губполитпросвет вынужден был отказаться от централизованного снабжения библиотек и перевести их на самоснабжение и доходность.

В условиях непа центральная библиотека вновь вынуждена была ввести плату за пользование. Положение центральной библиотеки было тяжелым, сокращены 5 штатных работников, исключены дополнительные отчисления. Штатные и финансовые трудности библиотеки приводили к несвоевременному поступлению новой литературы, задержке выплаты заработной платы сотрудникам. В эти годы центральная библиотека несколько раз переходила с губернского бюджета на городской и с городского на губернский.

К началу 1923 г. количественный спад культпросветучреждений прекратился. Начался период их стабилизации. Перестройка работы центральной библиотеки в условиях восстановительного периода шла медленно, незначительные достижения были лишь в организации пропаганды книжного фонда.

Преодолению недостатков в работе библиотеки в значительной степени способствовали решения Первого Всероссийского библиотечного съезда, состоявшегося 1-7 июля 1924 г. Съезд подвел итоги работы библиотек за прошедшие годы Советской власти, определил ближайшие перспективы в условиях борьбы за социалистическое строительство. В это время принимается ряд постановлений, в которых рассматриваются вопросы комплектования фондов библиотек всех типов и видов. Так, на заседании горсовета Барнаула в апреле 1924 г. поднимается вопрос о выделении дополнительных средств центральной библиотеке на приобретение литературы для массового читателя, главным образом рабочих.

Остро стояла в этот период и проблема чистки библиотечных фондов. Фонды были засорены старой, ветхой литературой, как и во всех библиотеках Алтайской губернии. Не случайно в отчетах библиотек часто можно было встретить: "Работа библиотек слаба, главная причина - отсутствие литературы" /1/. Библиотека намечала провести чистку фондов и улучшить снабжение передвижными читален при рабочих клубах.

Много внимания в эти годы библиотека уделяла обслуживанию читателей, используя громкие читки, беседы, вечера-рецензии, книгоношество, лекции, кружки. Удовлетворение спроса на книгу в значительной степени обеспечивалось передвижной работой и книгоношеством, которые велись не только работниками библиотеки, но и общественниками. Значительное место в работе центральной библиотеки отводилось справочно-консультационному обслуживанию. На страницах "Красного Алтая" все чаще и чаще появлялись рекомендательные списки, посвященные деятельности выдающихся деятелей науки, техники, культуры, знаменательным датам.

Примечание

I. Культурное строительство на Алтае 1917-1941 гг.: Документы и материалы. Барнаул, 1980. С. 109.

З.М. Монгуш (Кызыл)

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ТУВЫ (история и современное состояние)

Краеведческая библиография Тувы, ее история и современное состояние не получили пока достаточного освещения в специальной литературе.

Особое место в формировании краеведческой библиографии Тувы принадлежит ученому-тюркологу Н.Ф. Катанову, создавшему "Библиографический указатель литературы об урянхайцах и их земле". Он издан в виде приложения к книге "Опыт исследования урянхайского языка..." (Казань, 1903).

Указатель включает 84 названия книг и статей по всем важнейшим вопросам жизни дореволюционной Тувы. Отражена литература, вышедшая с 1768 по 1902 гг. в Москве, Берлине, Париже, Лейпциге, Лондоне, Петербурге, Казани, Иркутске и Минусинске, даны подробные аннотации.

В августе 1921 г. Тува становится Народной Республикой, вступившей на путь некапиталистического развития. В период сущес-

тования ТНР (1921-1944 гг.) была создана национальная письменность, основано книжное издательство, начинают выходить на родном языке книги, газеты и журналы. В стране, получившей национальную письменность 28 июня 1930 г., библиографической работы не велось, хотя в утвержденном Советом Министров ТНР 20 мая 1943 г. положении "О государственной библиотеке" говорилось: "Библиотека ведет учет и хранение обязательного экземпляра всей печатной продукции ТНР и справочно-библиографическую работу".

К сожалению, до недавнего времени в республике не было указателя, учитывающего всю печатную продукцию, вышедшую в ТНР. Попытки создания такого указателя предпринимались в республиканской библиотеке в конце 60-х гг., но отсутствие кадров, знавших тувинский язык и латиницу, на которых печатались эти книги, затрудняло осуществление работы. Только в 1989 г. нам удалось составить указатель "Книги периода ТНР", учитывающий литературу с основания книжного издательства до вхождения республики в состав Советского Союза.

После вхождения Тувы в состав Советского Союза в октябре 1944 г. на правах автономной области РСФСР развернулось исследование Тувы многими научными, хозяйственными и культурными учреждениями страны, сыгравшими значительную роль и в развитии библиографии. В приложениях и подстрочных примечаниях к научным работам ученых 50-х гг. даются обширные списки литературы по тем или иным вопросам, связанным с Тувой.

Большим событием культурной жизни Тувы явилось издание "Библиографии Тувинской автономной области", вышедшее в Москве в 1958 г.

С 1953 по 1975 гг. в Тувинском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории (основан в октябре 1945 г.) выходили "Ученые записки", сыгравшие определенную роль в становлении и развитии местной библиографии. В них помещались библиографические указатели и списки литературы. Всего в "Ученых записках" опубликовано 15 библиографических указателей и описков литературы, большинство из которых и сейчас представляют большую ценность.

Приложением к первому выпуску "Ученых записок" ТНИИЯЛИ в 1953 г. выходит "Список произведений" В.И. Ленина и И.В. Сталина, изданных на тувинском языке с 1931 по 1953 гг. Он включает

53 названия книг, расположенных по годам издания. Этот список, составленный Ш.Ч. Сатом, является первой местной печатной библиографической работой. С этого момента можно вести отсчет местным изданиям библиографических пособий.

Всего в республике выпущено 200 библиографических указателей различных типов и видов (универсальных, персональных, прикняжных, пристатейных), 140 из них отражены в "Указателе библиографических пособий Тувинской АССР", изданном республиканской библиотекой в 1989 г.

С 1968 г. ежегодно выходят летописи печати Тувинской АССР и календари.

За 30-летний период развития краеведческой библиографии Тувы (с момента выхода первой библиографической работы) сделано немало. Но вместе с тем не получила достаточного развития национальная библиография. Назрела необходимость издания указателей по языкознанию, истории, этнографии.

Т.З. Матвеева (Владивосток)

ПЕРЕПИСКА Н.А. РУБАКИНА

С З.Н. МАТВЕЕВЫМ

Известный русский просветитель, библиограф и писатель Н.А. Рубакин много сил и труда отдавал вопросам популяризации научных знаний и самообразования. Он написал ряд научно-популярных книг и статей о самообразовании. В первой же статье он обратился к своим читателям с просьбой писать к нему по вопросам самообразования в связи со всеми другими, волнующими их проблемами, обещая помогать каждому из них "по мере всех наших сил".

Н.А. Рубакин очень внимательно относился к получаемой им почте, делал пометки на письмах, работал с ними, неукоснительно посылал подробные ответы. О своих многочисленных корреспондентах и обширной с ними переписке он неоднократно упоминал в своих трудах.

Среди 7000 писем, полученных в ответ на призыв Рубакина, бы-

ло и письмо студента владивостокского Восточного института З.Н. Матвеева.

Матвеев, ставший впоследствии историком-востоковедом, библиографом, одним из организаторов библиотечного дела на Дальнем Востоке, обращаясь к Рубакину, как лучшему знатоку книжного дела и библиографии того времени, просил у него совета и помощи.

Он писал о своем увлечении самообразованием, намерениях создать "энциклопедию самообразования", послал Рубакину план этого будущего труда, состоявший из 13 разделов. В письме также давалась характеристика общественной жизни во Владивостоке и студенческой жизни Восточного института. Писал он и о своем увлечении библиотечным делом и библиографией, сообщал, что им написаны и помещены в местной газете рецензии на книги Рубакина "Практика самообразования", "Письма о самообразовании", "Среди книг".

Рубакин написал на письме: "Очень хорош план" и сделал надпись, что для такой работы нужно самому автору очень много заниматься, чтобы получить энциклопедические знания. На письмо Матвеева он ответил.

Первая мировая война и последующие бурные годы революционных событий, особенно затянувшиеся на Дальнем Востоке, прервали переписку, которая возобновилась только в конце 1921 г.

Рубакина очень интересовало состояние просвещения и народного образования на Дальнем Востоке и в Сибири, он высоко оценивал потенциальные культурные возможности востока России и стремился приобрести в свою библиотеку сибирские и дальневосточные издания революционного периода.

В письме З.Н. Матвеева от 16 октября 1921 г. говорилось о перепечатке статей Рубакина в местных изданиях. Писал он и о своей деятельности в области народного образования и библиотечного дела, кратко перечислив события своей жизни с 1912 по 1921 гг. По просьбе Н.А. Рубакина выслал список издательств Владивостока.

Во время заведования З.Н. Матвеевым библиотекой Дальневосточного университета Рубакин присылал свои научно-популярные книги в библиотеку, а книги по библиотечным вопросам и библиопсихологии — ее заведующему.

В одном из писем 1927 г. Матвеев перечислил научные и учеб-

ные заведения Владивостока, возникшие за годы Советской власти, особо выделив различные организации, занимавшиеся народным образованием и самообразованием, кратко сообщал о культурной жизни города.

По пометкам на письмах Э.Н. Матвеева и письмам Н.А. Рубакина к нему чувствовалось, что старый просветитель был живо заинтересован в переписке со своим далеким корреспондентом, радовался, что вести с Дальнего Востока приносят все новые сведения о широком развитии там науки и культуры.

Эта переписка свидетельствовала о том неизменном внимании и интересе, с которым Рубакин относился к каждому, кто обращался к нему, добром отношении ко всем проявлениям культурного роста в Сибири и на Дальнем Востоке.

Обмен письмами между Рубакиным и Матвеевым продолжался с 1912 по 1928 гг. Он был плодотворен для обоих.

Подлинники писем хранятся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (13 писем, 21 лист).

Список сокращений

ГАКК	- Государственный архив Красноярского края
ГАТО	- Государственный архив Томской области
ГПНТБ СО АН СССР	- Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР
НБ ТГУ	- Научная библиотека Томского государственного университета
НТБ	- Научно-техническая библиотека
ПАКК	- Партийный архив Красноярского края
ПАНО	- Партийный архив Новосибирской области
РГО	- Русское географическое общество
РО ГБЛ	- Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина
РО ГПБ	- Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ТЦД	- Тобольское церковное древлехранилище
ЦГА ДВ РСФСР	- Центральный государственный архив Дальнего Востока РСФСР
ЦГАОР СССР	- Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
ЦГИА СССР	- Центральный государственный исторический архив СССР
ЯРНБ им. А.С. Пушкина	- Якутская республиканская научная библиотека им. А.С. Пушкина

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
-------------------	---

П Л Е Н А Р Н О Е З А С Е Д А Н И Е

Бойко В.П. Условия предпринимательской деятельности П.И. Макушина	4
Канунова Ф.З. Г.С. Батеньков и проблемы сибирской культуры	6
Волкова В.Н. Центры сибирского книгоиздания второй половины XIX в.	8
Посадсков А.Л. О характере и масштабах уничтожения книг по политическим мотивам в СССР (1930 - 1938 гг.)	12
Пойзнер Б.Н. В поисках путей возрождения культуротворческой элиты	17
Казаринова Л.Ф. Книгоиздание в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях рыночных отношений	20
Кожевникова Л.А. Экономическая модель библиотечного обслуживания в новых условиях хозяйствования	23

С Е К Ц И Я: К Н И Г О И З Д А Т Е Л Ь С К А Я Д Е Я Т Е Л Ь Н О С Т Ь В Д О Р Е В О Л Ю Ц И О Н Н Ы Й П Е Р И О Д

Соболевская Т.Н. Проблема издателя в деятельности тобольской типографии Корнильевых	26
Дмитриенко Н.М. Типографии старого Томска (первая половина XIX - начало XX в.)	29
Берцун Л.Л. Первые труды ученых Томского университета, изданные в типографии П.И. Макушина	32
Шинкарева А.П. Частные и благотворительные издания Иркутя второй половины XIX - начала XX в.	34
Гаврилко В.А. Книжное дело Кузбасса в дореволюционный период: проблемы зарождения книгоиздания и книготорговли (конец XIX - начало XX в.)	37
Коновалова Е.Н. Издания Тобольского губернского музея (1893 - 1918 гг.)	40

Яблоков М.С. Тобольская епархиальная печать в конце XIX – начале XX в.	43
Косых В.И. Из истории издательской деятельности забайкальской епархии (90-е гг. XIX – начало XX в.)	47
Белокрыс М.А. Верхнеудинские типографии начала XX в.	50
Кан Г.И. Революционно-издательская деятельность Б.Д. Орлика на Дальнем Востоке (начало XX в.)	54

С Е К Ц И Я: БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО И КНИГОРАСПРОСТРАНЕНИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Максимова С.В. Библиотеки дореволюционного Якутска (начало XIX в. – 1917 г.).....	57
Лукиянова Л.С. Роль купца Н.М. Чукмадина в развитии библиотечного дела Тюмени (вторая половина XIX в.)	60
Никиенко О.Г. О бесплатной народной библиотеке в Томске (80-е гг. XIX в. – 1919 г.)	63
Демьяненко Г.С. Из истории обслуживания читателей первой вузовской научно-технической библиотекой Сибири (1900 – 1925 гг.)	66
Курусканов П.З. Торговля социально-политической литературой в Сибири в начале XX в.	69
Баяндия В.И. Распространение революционных изданий в среде русских военнопленных в годы русско-японской войны и первой русской революции (1904 – 1906 гг.)	73
Попелкова Л.В. А. Серошевский и Никольск-Уссурийский народный дом (1906 – 1913 гг.)	76
Кармановская И.Л. Библиотека Московской духовной академии..	77

С Е К Ц И Я: КРУГ ЧТЕНИЯ И ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ИНТЕРЕСЫ СИБИРЯКОВ

Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Фундаментальная библиотека Тобольской семинарии конца XVIII в. и ее читатели	81
Гузнер И.А. Роль технической интеллигенции в формировании фондов библиотек горнозаводских провинций в XVIII в.	84
Фокина О.Н. Записи и пометы на книгах гражданской печати XVIII в. из собрания Тобольского государственного музея-заповедника	86

Матханова Н.П. "Губернские ведомости" в Сибири, их авторы и читатели (50 - 60-е гг. XIX в.)	87
Зверев В.А. Анкета А.С. Пругавина о читателе и чтении в Сибири второй половины XIX в.	90
Васильева В.А. Круг чтения студентов Томского технологического института начала XX в. (по материалам книжных собраний библиотеки Томского политехнического института). ..	94
Хазиахметов Э.Ш. Политические ссыльные Сибири как читатели художественной литературы (1906 - 1917 гг.)	97
Майдурова Н.А. Революционные издания в Томске в период реакции (1907 - 1909 гг.)	100
Бахтина О.Н. Крестьянская старообрядческая библиотека Нифонтовых	103

С Е К Ц И Я: ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ЧАСТНЫЕ КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ (БИБЛИОТЕКОГРАФИЯ)

Цуприк Р.И. Формирование библиотек декабристов в условиях каторги	105
Шиндина А.Б. Книги из библиотеки П.А. Ефремова в пединском собрании красноярской краевой библиотеки им. В.И. Ленина. ..	108
Никитина Л.В. Книжное собрание М.В. Сурина в фондах Научной библиотеки Томского университета	112
Карташова Т.П. Историко-юридическая библиотека Г.Г. Тельберга в фондах Научной библиотеки Томского университета. ..	114
Колосова Г.И. "Энциклопедия сибиреведения" (книжное собрание Г.К. Тюменцева в фондах Научной библиотеки Томского университета)	116
Филиппова Л.А. Сибирские дореволюционные издания в библиотеке Кяхтинского музея	119
Санникова М.И. Книги П.И. Макушина в Бурятской республиканской универсальной научной библиотеке им. М. Горького. ..	121
Поплавная В.А. Книги из коллекции Тобольского церковного древлехранилища в Научной библиотеке Томского университета	124
Першина Е.М. Библиотека И.Н. Бутакова (в редком фонде библиотеки Томского политехнического института)	126

С Е К Ц И Я: ЛИТЕРАТОР И КНИГА

Одинокое В.Г. Пушкин — читатель Радищева	130
Лобанов В.В. К истории библиотеки Г.С. Батенькова	131
Чернышова Н.К. Деятельность М.М. Сперанского по собиранию коллекции книг и рукописей о Сибири	133
Айзикова И.А. О публикациях Н.С. Щукина в "Московском те- леграфе"	137
Синякова Л.Н. Литературные имена в "Дневнике писателя" Ф.М. Достоевского (на материале записных тетрадей 1875 — 1880 гг.)	139
Лончакова Г.А. Круг чтения Василия Калиты и его послание о земном рае	141
Новикова Е.Г. Томский архив Н.И. Наумова	143
Петрицкий В.А. П.И. Макушин и петроградские деятели куль- туры (новые факты)	144
Разумова Н.Е. Газеты П.И. Макушина о Чехове	148
Амельянчик Н.А., Жилкова Э.М. А.В. Адрианов и В.Я. Пыш- ков	151
Сваровская А.С. "Первый литературный сборник сибиряков" (1906 г.)	152

С Е К Ц И Я: КНИГА И АРХЕОГРАФИЯ

Глухих Т.Д. Литературные сборники с житием Соломонида Са- бууровой	154
Климова М.Н. Измарагд XVI в. в фонде Научной библиотеки Томского университета	156
Опаркина Т.А. Сибирский список "Просветителя литовского" и его место в становлении "Кирилловой книги"	158
Смирнов Д.Д. Об одном списке "Чуда св. Георгия о змие и о девице" из собрания ГИИТБ СО АН СССР	160
Аверкина С.Ю. К текстологическому изучению старопечатных заданий учительного евангелия (на материале экземпляров из собрания ГИИТБ СО АН СССР)	162
Киселева О.И. Об одной лингвистической задаче в рамках археографического поиска	165
Данилов В.А. Российские календари XVIII — XIX вв.	166

Дутчак Е.Е. Максим Грек в старообрядческой интерпретации (опыт прочтения одной книги)	170
Деньгина О.В. "Островной летописец" в собрании книг старо- обрядцев-странников	171
Бахтина О.Н., Зайцев А.В. Из истории Белобородовской пус- тynи (переписка В.И. Малышева и Н.С. Плотникова)	171

С Е К Ц И Я: КНИГОИЗДАНИЕ И КНИГОРАСПРОСТРАНЕНИЕ СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Косых Е.Н. Сибирский читатель в 1917 г.	173
Никитин А.Н. Листовки социалистических партий Сибири перио- да гражданской войны (1918 - 1920 гг.)	176
Маалыр М.С. Начало книгопечатания в Туве	179
Модогоева Р.А. Развитие книгораспространения в Бурятской АССР	182
Цыганкова Л.М. Состояние и перспективы издания художест- венной литературы Алтайским книжным издательством	184
Трифонов А.А., Смирнов Е.М. Миниатюрная книга Сибири и Дальнего Востока	186
Ходжер Е.Г. Актуальные проблемы современной книжной тор- говли на Дальнем Востоке	189
Пайчадзе С.А. Издания БАМлага ОГПУ - НКВД	192

С Е К Ц И Я: БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Мартынова Е.В., Сасс В.А., Куртукова Н.П. Ресурсные воз- можности библиотечных фондов (на примере универсальных библиотек Кузбасса)	196
Медведев В.Н. Зарубежная книга в Сибири: формирование крупных научных собраний	198
Лобанова Г.С. Состояние и пути формирования библиотечно- библиографической культуры школьников (на примере Бурят- ской АССР)	201
Трофимова Р.А. Степень удовлетворенности запросов алтай- цев и казахов библиотеками Горно-Алтайской автономной области	203

Хданова Т.А. Оценка деятельности и качеств руководителей структурных подразделений библиотеки (по результатам одного опроса)	206
Володкович А.Ф., Павлова Р.Е. Работа над "Сводным каталогом сибирской и дальневосточной дореволюционной книги" в ИПНТБ СО АН СССР в автоматизированном режиме	209
Орлова Е.Н. Библиотечное строительство на Дальнем Востоке в первые годы советской власти	212
Ажеева Р.Б. Из истории становления краеведческой и национальной библиографии Бурятии в довоенный период	215
Мушенко В.С. Библиотечно-информационное обеспечение учебных Сибиря в 1946 - 1956 гг.	218
Шилко Е.В. Библиотечные кадры Сибири в 50-60-х гг.	222
Николаева Г.Г. История Барнаульской центральной библиотеки	224
Монгуш З.М. Краеведческая библиография Тувы (история и современное состояние)	227
Матвеева Т.З. Переписка Н.А. Рубакина с З.Н. Матвеевым	229
Список сокращений	232

ВТОРЫЕ МАКУШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

(23 - 24 мая 1991 г., г. Томск)

Редакторы О.М. Завьялова, Н.И. Коновалова
Корректоры Л.И. Ляпина, А.В. Овечкина

Подписано в печать 01.03.91.

Формат 60x84/16.

Бумага писчая.

Ротапринт. Усл. печ. л. 14.

Уч.-изд. л. 12,4.

Тираж 500 экз. Заказ № 222. Цена 2 р. 80к.

Издательство ТГУ.

634029, Томск, ул. Никитина, 4.

Типография ПНТБ СО АН СССР. Новосибирск, пр. К. Маркса, 2.